

ЛЕНИНГРАД-МОСКВА 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»

БАКУ

Л. БРЕТАНИЦКИЙ

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Издание 2-е, дополненное

MONUMENTS ARCHITECTURAUX

2e édition augmentée

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	4
ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ	6
БАКУ В КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ	9
ГОРОД У “ЗОЛОТОГО ДНА”	36
ФОРПОСТ СОЦИАЛИЗМА НА ВОСТОКЕ	46
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	79
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ	80

ОТ АВТОРА

Знакомство с Баку лучше всего начинать из Нагорного парка. С верхней его площадки, где высится памятник пламенному трибуну революции Сергею Мироновичу Кирову, город виден как на ладони.

Великолепна раскрывающаяся из парка панорама Бакинской бухты. Ночью она поражает яркой россыпью огней. Тысячи и тысячи их опоясывают крутую дугу берега: немного городов обладает подобным богатством искусственного света. Днем же сверху отчетливо видно своеобразие планировочной структуры и архитектурного облика огромного города, раскинувшегося между Баиловской косой и мысом Султан-Зых.

Разнохарактерные, но, как правило, плосковерхие строения города, поднимаясь по склонам просторного амфитеатра, расположены уступами-террасами. Всматриваясь в огромное, плотно застроенное пространство, постепенно отказываешься от первого впечатления случайности проложенных трасс основных магистралей, прихотливо рассеянных пятен площадей, густых массивов и отдельных клиньев зелени. Внимательный взгляд позволяет увидеть во всем этом определенную систему, своеобразно отразившую особенности насыщенной событиями многовековой истории города.

Даже первое, беглое знакомство с городом невольно заставляет обратить внимание на то, как невелик опоясанный крепостными стенами старый, феодальный Баку (он занимает не более [5 - 6] двух процентов нынешней территории города), как мелка и скучена застройка капиталистического Баку в сравнении с неузнаваемо изменившимся Баку советским, продолжающим стремительно расти.

Но Баку — это не только его исторически сложившийся центр, обращенный к Каспию зеленой лентой прибрежного бульвара, проспектом Нефтяников, площадью имени В. И. Ленина и системой связанных с ними улиц, площадей и скверов. Не ограничивается также Баку и недавно возникшими на обширном Нагорном плато районами с их широкими проспектами, просторными площадями, большими жилыми домами, корпусами научно-исследовательских и учебных институтов, общественными зданиями. Баку — это, в известной мере, и весь тяготеющий к городу Апшеронский полуостров со старыми и новыми районами нефтедобычи, от Сураханов до острова Артема (ныне он соединен с материком дамбой, по которой бегут поезда электрички); от превратившихся теперь в курортные пригороды феодальных поселений, вроде Мардакян и Бузовнов, до „Нефтяных камней” — легендарного свайного городка, выросшего в открытом Каспии; от уютного поселка цементников „Приморск” до Сумгаита, не так давно ничем особым не примечательного района Баку, а теперь самостоятельно развивающегося социалистического города-спутника, города металлургов и химиков.

Составить исчерпывающее представление о Баку нелегко. Это не только столица Советского Азербайджана, республики нефти и хлопка — „черного и белого золота”, как обычно пишут поэты и журналисты. Баку и не только город, заслуженно гордящийся своим героическим революционным прошлым. Старейшему центру отечественной нефтяной промышленности — Баку по праву принадлежит видное место и среди важнейших культурных центров нашей огромной страны.

С продукцией заводов и фабрик его многоотраслевой промышленности хорошо знакомы в самых далеких уголках земного шара. В различных городах и населенных пунктах Советского Союза можно встретить специалистов, подготовленных в многочисленных вузах Баку и работающих едва ли не во всех областях народного хозяйства. Славен Баку и своими традициями боевого пролетарского интернационализма, продолжающими крепнуть и развиваться в наши дни. За пределами республики, [6 - 7] далеко за советскими рубежами заслуженной известностью пользуются многие, выросшие в Баку, выдающиеся деятели азербайджанского искусства и литературы — композиторы, певцы и музыканты, художники и танцоры, поэты и писатели...

Эта книга познакомит читателя с архитектурно-художественным обликом города, яркое своеобразие которого неизменно отмечают все, кто хоть раз посетил Баку.

В современном Баку внимание привлекают многочисленные памятники архитектурного наследия азербайджанского народа, молчаливые свидетели самых разных этапов многовекового развития города. Памятники архитектурной старины сохранились в наиболее древней части Баку, его Крепости (Ичери шехер или внутренним городом называют его старожилы), но немало их и в других районах города. Невозможно представить морской фасад Баку без запоминающегося массива Девичьей башни, не затерявшегося и сейчас среди выросших вдоль набережной сооружений, значительно превосходящих башню своими объемами. Сууровость феодального замка в Раманах еще более

подчеркнул металлический ажур плотно обступивших его нефтяных вышек. В хаосе строений старых Сураханов неожиданно раскрывается атешга — храм огнепоклонников-индийцев.

Пожалуй, одно из самых сильных и ярких впечатлений от Баку и создается от этого сочетания памятников седой древности со всем тем новым, что лежит в основе современного этапа истории города.

Не раз повторялись крылатые слова о том, что архитектура—это каменная летопись, которая продолжает красноречиво говорить и тогда, когда замолкают другие источники. Архитектурные сооружения Баку позволяют проследить едва ли не весь путь его многовекового развития, помогают восстановить образ города в различные исторические эпохи. Нередко, разумеется, в самых общих чертах. Ведь далеко не от каждой из этих эпох дошел до наших дней полный „набор” культовых, дворцовых и гражданских сооружений, характерных для большинства городов мусульманских стран — мечети, минареты, духовные школы-медресе, бани-хаммамы, караван-сарай-рабаты, водохранилища-овданы. Однако сохранившиеся в Баку памятники дают отчетливое представление об эволюции ширвано-апшеронской [7 - 8] архитектурной школы, возникшей в северных областях средневекового Азербайджана, и позволяют также выявить жизненность издревле складывавшихся местных художественных и строительных традиций. Воспроизведению общей картины развития города и его архитектурного облика в различные исторические эпохи помогают также разновременные письменные источники, в том числе характеристики современников, от арабских географов IX века до Назыма Хикмета. Некоторые из них лаконичны: русский землепроходец Афанасий Никитин в своем знаменитом „Хождении за три моря” лишь упоминает, например, „Бака, где огонь горит неугасимый”. Зато другие — в том числе современник Афанасия Никитина, известный средневековый географ Абд ар-Рашид ал-Бакуви — оставили довольно подробные описания города. Как бы то ни было, прослеживая с большей или меньшей отчетливостью три основных этапа архитектурно-художественного развития Баку — феодальный, капиталистический и советский, мы достаточно ясно восстанавливаем не только постепенные изменения эстетических представлений его обитателей, но и коренные изменения планировочной структуры и внешнего облика города.

Книга эта в известной мере может послужить путеводителем по Баку. Автор, однако, не ставил своей целью познакомить читателя со всеми архитектурно-художественными достопримечательностями города. По мере роста Баку увеличивался радиус концентрических кругов, которые, включая все новые и новые районы, постепенно опоясывали его наиболее древнюю часть — Крепость. И естественно, что наше внимание больше всего привлекали общие тенденции архитектурного развития города в различные периоды его многовековой истории и те сооружения, в которых они наиболее отчетливо выражены. [8 - 9]

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Об основании города Баку можно сказать то же самое, что и о большей части городов на белом свете: время построения точным образом не известно...

И. Березин

Трудно установить дату, когда небольшое поселение, возникшее на южном побережье Каспия, около хорошо защищенной естественной бухты, превращается в феодальный город в полном смысле этого понятия. Еще труднее определить время возникновения самого поселения. Каких-либо точных сведений по этим вопросам, по-прежнему продолжающим привлекать внимание большого круга ученых, нет. Однако множество данных, почерпнутых из палеонтологических, археологических, нумизматических и письменных источников, убедительно свидетельствует и о ранних следах человека на этой территории, и о том, что поселение на месте нынешнего Баку возникло в глубокой древности, и о том, что как город он также существует очень и очень давно.

Уже отмечалось, что история Баку неотделима от истории тяготеющих к нему окрестностей Апшерона. Баку связан с ними теснейшим образом с древних времен.

Апшерон был, обитаем уже 35—40 тысяч лет тому назад. Отложения асфальта на берегах бинагадинских доисторических озер (нынешний Кировский район) сохранили скелеты носорога, первобытного быка, кости дикой лошади, быка-тура, гиены и других животных, а также остатки растений, плодов и насекомых. На огромных пространствах Кобыстана — „страны оврагов” — полупустынного основания уходящего в Каспий острого клина некогда паслись многочисленные стада травоядных, сцены охоты на которых запечатлены во множестве наскальных изображений Бююкдаша, Кичикдаша и Джингирдага. Писаницы эти содержат также изображения различных трудовых процессов и бытовых сцен, вплоть до ритуальных плясок, далекого прообраза народных танцев типа яллы. [9 - 10]

Инструментом, служившим для своеобразного музыкального сопровождения ритуальных плясок, возможно, был гавал-чалан-даш — гигантский каменный бубен. Неподалеку, на небольшом холме, на невысоких каменных опорах — „ножках" покоится большая плоская глыба песчаника вытянутых очертаний. На удары в определенных местах она отзывается мерно распространяющимися звуками, напоминающими звучание гавала — медного круга, или туго натянутого бубна, позволяя наиграть ритмически четкую несложную мелодию.

О скотоводческих племенах, обитавших на самом Апшероне, повествуют и обнаруженные в Шувелянах писаницы с изображениями молящихся человеческих фигур, а также традиционных оленей и козлов, сходных с изображениями Кобыстана.

Следами обитателей этих областей эпохи неолита и бронзы являются чащеобразные углубления в скалах, остатки внушительных размеров мегалитических сооружений, видимо, обширного кромлеха, а также черноглиняные керамические изделия, бусы, бронзовый кинжал, наконечник „скифской" стрелы и тому подобный „инвентарь" захоронений.

Античные авторы, в частности греческий географ Клавдий Птолемей (II в. н. э.), приводит до тридцати наименований населенных пунктов древней Кавказской Албании, среди них и расположенный на берегу Каспия город Гайтару, за которым находилось устье реки Кируса — Куры. Биберштейн, Данвиль и другие ученые считали, что Гайтара и находилась на месте нынешнего Баку. Иные же полагают, что им был Барука — город, также упоминаемый Птолемеем, находившийся на морском побережье, неподалеку от Гайтары.

Окончательно отождествить Баку с одним из этих городов не удалось, но интерес, который проявляли государства античного Средиземноморья к областям Азербайджана, и в частности к районам Баку, так же несомненен, как и связи, существовавшие между этими столь отдаленными областями древнего мира. Внимание, которое издревле привлекали к себе эти места, говорит о стратегической их важности, природных богатствах и плодородии земель. Подтверждением политических, торговых и культурных связей между этими областями Запада и Востока служат и начертанная на каменном блоке

древнегреческая надпись в селении Беюк-Дегне, в предгорьях Большого Кавказа, и латинская надпись на скале у подножия Беюкдаша. Она гласит, [10 - 11] что во времена императора Домициана Германика в I в. н. э. здесь находился XII римский легион, известный под названием фульмината — молниеносного. Говорят о них и обнаруженные на территории Азербайджана греческие и римские монеты, и превосходные памятники торевтики. Относятся к ним и обнаруженный в селении Зерты эффектный бронзовый светильник с изображением театральной маски, и найденное около Баку серебряное блюдо с изображением Нереиды, дочери морского царя Нерея.

Более поздние сведения, касающиеся, видимо, непосредственно самого Баку, неизменно связаны с упоминаниями находившихся в его окрестностях „вечных огней”. Одним из первых сообщает о них Приск Панийский, сопровождавший византийского посла в стан Аттилы. В обстоятельном описании своего путешествия (первая половина V в.) он упоминает местность, примечательную „пламенем, поднимающимся из подводной скалы”.

Видимо, Баку имел в виду и Моисей Каганкатвацци, когда в „Истории агван” писал о добывающихся в Азербайджане нефти и соли. Подтверждает эти сведения в своем сочинении „Китаб футух ал-булдан” („Книга завоевания стран”) и ал-Балазури, сообщая, что в 754 году правитель Дербента Иазад ибн Усайд послал за налогом „к добывающим нефть и соль в Ширване, и они взыскали с них налоги, а дальнейший сбор он поручил особым сборщикам”.

Археологическими раскопками, которые вел В. Н. Левиатов в 1945 году на территории бакинского дворцового ансамбля, глубоко под фундаментами сохранившихся строений были обнаружены остатки некогда плотно заселенного жилого квартала. Многочисленные фрагменты керамических изделий и монеты датируют его VIII—IX веками.

Однако наименование самого города появляется несколько позднее. Впервые оно встречается в сочинениях арабских географов и историков X века. Сведения, которые можно почерпнуть из них о Баку, как правило, чрезвычайно лаконичны, впрочем, как и о многих других передневозточных городах этого времени; они характеризуют Баку как сравнительно небольшой городок на побережье Каспия.

Известность Баку определялась, в первую очередь, добывавшейся близ него нефтью, которая уже тогда служила предметом [11 - 12] вывоза, поскольку применялась не только для освещения, но и в военных целях и в качестве целебного средства. Известен был Баку также своими соляными промыслами и удобной естественной гаванью.

В своем сочинении „Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир” („Промыватели золота и рудники самоцветов”) ал-Мас'уди писал: „В Баку находятся источники белой и других сортов нефти. И нет на свете — бог хорошо знает! — нигде белой нефти, кроме этого места, а оно является побережьем Ширванского царства. В этих нефтеносных землях находится вулкан, или источник огня, непрерывно извергающий из себя все время пламя вверх”.

Ал-Истахри — другой арабский географ того же времени, во многом пересказывая в трактате „Китаб масалик ал-мамалик” („Книга путей государства”) труд своего предшественника ал-Балхи, тоже говорит про Баку, что это город, в котором находятся источники белой и темно-серой нефти. На своей карте ал-Истахри пометил Баку наряду с более известными в те времена городами Шабраном и Баб ал-Абвабом (Дербентом).

Известно, что район Баку, в частности расположенные около него острова, не раз служили своего рода базой для военных отрядов русов, которые по Волго-Донскому пути спускались к Каспию и грабили его побережье. Об этих походах повествуют упоминавшийся Мас'уди и другие хронографы. В 1030 году, появившись в Ширване на тридцати восьми кораблях, они, например, разбили у Баку отряды выступившего против них местного правителя и поднялись вверх по Куре.

Все эти и другие сведения (Абу-Дулафа, ал-Мукаддаси, анонимного автора трактата „Худуд-ал-алам ...” и т. д.) подтверждают, что в X веке Баку представлял собой город, который уже нельзя было не встретить в географических сочинениях современников, когда перечислялись и характеризовались населенные пункты, славившиеся теми или иными достопримечательностями. Однако трудно себе представить внешний облик самого города, ибо имеющиеся в нашем распоряжении данные слишком скудны. Единственным сохранившимся памятником строительства, которое велось в Баку примерно в те отдаленные времена, можно считать лишь основание Девичьей башни. Относится оно, вероятнее всего, к V-VI вв. н. э., а башня приобрела свой нынешний облик позднее. Возможно, [12 - 13] что первоначально это сооружение было связано с одним из местных огнепоклоннических культов, издревле распространенных в Азербайджане. Напомним, что некоторые ученые, в частности А. Павлинов, полагали, что капище огня могло находиться на месте Джума-мечети, неоднократно и радикально перестраивавшейся.

Не рискуя ошибиться, можно утверждать, что город был невелик, но плотно заселен — об этом свидетельствуют результаты упоминавшихся археологических раскопок. На территории холма, который ныне венчают сооружения дворцового ансамбля, был обнаружен хаос мелких, невзрачных жилых строений, с небольшими помещениями, тендырями для выпечки хлеба, очагами и очажками. Море в те времена было совсем неподалеку от города — стены Крепости омывались его волнами.

Непосредственно история архитектурно-художественного развития Баку начинается несколько позднее. Открывается она сохранившимися и достаточно достоверно датируемыми памятниками. Однако прежде чем мы к ним обратимся, необходимо остановиться на самом названии города. У разных авторов, нередко даже современников, подчас не совпадают ни его транскрипция, ни его толкование. В русских документах с XV по XIX век он именуется Бака, западноевропейские путешественники называли его Баку, аборигены — Бақы; встречаются и такие, также довольно распространенные формы, как Бакуйе, Бадкубэ и т. д. Общей их основой служит корень, звучащий как „бак” или „баг”. Не углубляясь в аргументы, которые приводятся различными учеными для обоснования своих предположений, отметим, что одни из них связывают наименование города со словами, имеющими отношение к понятию „огонь”. И это выглядит убедительно, поскольку „вечные огни” города действительно позволяют ассоциировать его название с местными огнепоклонническими культурами. Другие считают, что в основе наименования города лежит представление о ветре, которым Баку также издавна славился, и трактуют его как „удар ветра” или „гора ветров”. (Отсюда, кстати, и название известной пьесы В. Киршона „Город ветров”, посвященной борьбе бакинского пролетариата в годы гражданской войны.) Некоторые же ученые полагают, что слово Баку генетически связано с племенем бакан, так же, как современное название Каспийского [13 - 14] моря связано с племенем каспиев, а ряд апшеронских селений — с именами других племен, упоминаемых в античных и раннесредневековых летописях. В подобных наименованиях своеобразно отразилась насыщенная военно-политическими событиями история Апшеронского полуострова, сложность его этнических и языковых напластований. Названия таких селений, как Маштага, Зых или Мардакян, видимо, связаны с упоминаемыми в письменных источниках массагетами, зигами и мардами; названия Тюркяны и Кюрдаханы — с тюрками и курдами; а Сураханы, Новханы или Нардаран с понятиями иного характера — огражденный стеной дом, новый дом, приносящий гранат и т. п. Трудно сказать, какая из этих гипотез верна. Однако совершенно очевидно, что во всех доселе известных письменных источниках античности и средневековья в качестве главной и едва ли не единственной достопримечательности Баку отмечались его нефтяные источники и связанные с ними „неугасимые огни”. [14 - 15]

БАКУ В КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ

Бака, где огонь горит неугасимый.
Афанасий Никитин

Свидетелем превращения Баку в город из обычного поселения, каких, видимо, было немало на Апшероне, является сохранившийся в Крепости минарет мечети Мухаммеда, среди населения известный как Сынык-кала — разрушенная башня. Это самый ранний документально датированный строительной надписью архитектурный памятник, причем не только Баку или Апшерона, но и всего Азербайджана. На каменной плите у входного проема небольшого здания мечети, к которому примыкает минарет, несколько архаичным куфическим письмом начертана хорошо читающаяся арабская надпись. Она содержит дату — 471 год мусульманского календаря — хиджры (1078-1079 г. н. э.), отметившую завершение строительства, а также имя заказчика, некоего раиса, видимо, главы корпорации ремесленников Мухаммеда сына Абу-Бекра, обладавшего к тому же почетным званием мастера — уstad.

Познакомимся прежде всего, с самой Крепостью. Строения ее некогда подходили к самому морю. Многовековые, сложные тектонические процессы, нередко менявшие очертания побережья и вызывавшие резкое понижение уровня Каспия, постепенно отделили от него Крепость широкой полосой суши, занятой в настоящее время прибрежным бульваром и проспектом Нефтяников. Четкость крупных архитектурных объемов зданий, которые выросли вдоль проспекта в течение послевоенных лет, оттеняется живописностью застройки Крепости, обладающей, однако, известной единомасштабностью и художественной целостностью. Сложный конгломерат ее сравнительно небольших зданий, прихотливо раскинутых по беспокойному рельефу, напоминает груды темных кристаллов. На фоне тесно [15 - 16] лепящихся призматических и плосковерхих объемов отчетливо вырисовываются лишь стройные башенки минаретов, группа купольных покрытий зданий дворцового ансамбля и суровый массив Девичьей башни.

В современном Баку Крепость выглядит небольшим, замкнутым мощными стенами островком, в разновременной и скученной застройке которого сохранилось множество памятников, достаточно ярко иллюстрирующих едва ли не все периоды развития азербайджанского средневекового зодчества. Планировка Крепости с ее запутанным лабиринтом плотно застроенных и густо заселенных, узеньких и кривых улочек, проулков и тупиков в значительной мере сохранила свою первоначальную структуру. Относительно серьезные изменения, как мы увидим ниже, имели в ней место только в середине XIX века и коснулись весьма ограниченных участков, преимущественно прилегающих к крепостным стенам.

Общеизвестно, что далеко не во все периоды многовековой, насыщенной бурными событиями истории Азербайджана Баку принадлежала заглавная роль. По своей территории и численности населения он нередко отставал от таких крупных городских центров страны, как Шемаха или Ганджа, а иногда уступал своими размерами даже некоторым поселениям на северо-восточном побережье Апшерона. Характерной чертой Баку было то, что, расположенный вблизи удобной естественной гавани, на открытой ветрам возвышенности (в условиях скученной застройки феодального города такое „проветривание“ было очень важно), он неизменно был городом. В этом, пожалуй, одно из его коренных отличий, невольно привлекающее внимание в самые различные исторические периоды, при сопоставлении с другими населенными пунктами Апшерона, независимо от соотношения их общих „параметров“ — площади, численности населения и т. п.

В застройке Крепости нетрудно обнаружить замки, минареты, мечети, бани, караван-сарай, водохранилища, принадлежащие разным эпохам. Такого же назначения, сходные по архитектурному типу и нередко не уступающие своими размерами сооружения можно встретить в селениях Мардакян, Нардаран, Рамана и других пунктах Апшерона.

Баку развивался как город, хотя временами и очень небольшой. Подтверждается это характером его застройки, в том [16 - 17] числе и крепостными стенами, которыми он был защищен уже в ранний период своего существования. Внешний их обвод, сохранившийся до наших дней, принадлежит к значительно более позднему времени, нежели минарет Сынык-кала, и нынешний их облик сложился, видимо, не ранее XV столетия. Однако существующие стены заменили, очевидно, другие, которыми, судя по особенностям рельефа местности, в древние времена была околеснена большая часть примерно

той же самой территории, то есть нынешняя Крепость. Эту гипотезу подтверждает строительная надпись на большом каменном блоке, обнаруженном во время реставрационных работ в завале одной из крепостных стен. Арабоязычная куфическая надпись по [17 - 18] обыкновенно содержит длинный и пышный титул ширваишаха Абул-Хиджа Манучехра II из династии Кесранидов(1120-1149), который и „повелел построить крепость города”. Строительство это, видимо, было вызвано временным перенесением ширваншахами-кесранидами своей резиденции из Шемахи в Баку в период военных неудач. Таким образом, уже в XII веке город был защищен мощными крепостными стенами. Не исключено, однако, что стены эти строились и ранее, в XI столетии, когда была возведена мечеть Мухаммеда. Теперь свой первоначальный облик сохранил лишь минарет Сынык-кала, к которому мы и возвратимся.

Сынык-кала принадлежит к типу минаретов, широко распространенному в строительстве средневекового Ширвана — северных областей Азербайджана. Несколько их сохранилось на Апшероне, причем большинство сосредоточено в Крепости. Находятся они неподалеку один от другого, строились с небольшими временными интервалами, и сопоставление их внешнего облика позволяет не только отметить устойчивость локального архитектурного типа, но также проследить эволюцию художественных форм и развитие профессионального мастерства зодчих.

Ограниченность непосредственного назначения минаретов — места, откуда муэдзин несколько раз в день выкликает нараспев свой азан — призыв правоверных к молитве, — определила несложность их планового решения и пространственную [19 - 20] композицию. Однако архитектурные решения этих незатейливых сооружений стран мусульманского Востока, по существу — вышек, оказались крайне

многообразными. Некоторые группы минаретов на первый взгляд сходны, и, тем не менее, к примеру, острое гвоздеобразное завершение стройных минаретов османской Турции просто невозможно спутать со сложной сталактитовой короной нередко башнеподобных минаретов фатимидского Египта.

Именно благодаря неизменности назначения минаретов, диктовавшего специфику пространственных композиций, в их внешнем облике с особой выпуклостью проявляются издревле складывавшиеся локальные художественные и строительные традиции. Минареты северных областей Азербайджана, в частности Апшерона, например, существенно отличаются от строившихся в южных районах страны. Достаточно вспомнить абрис минаретов, фланкировавших порталы, которые некогда вели в архитектурные ансамбли Нахичевани или селения Карабаглар. Кроме того, сопоставление минаретов Ширвана — Сынык-кала (1078-1079), ханеги на р. Пирсагат (1256), мечетей на Биби-Эйбате (нач. XIV в.), Дворцовой (1441-1442) и Пятничной (XV в.) в Баку — позволяет проследить эволюцию ставшего традиционным типа архитектурного сооружения и охарактеризовать особенности творческой индивидуальности их строителей. Эти особенности проявляются в совершенствовании уже сложившихся пространственных композиций, трактовке тождественных элементов, многообразии убранства, и все это в рамках нередко уже канонизировавшихся архитектурных решений и форм.

Распространение типа ширванских минаретов не ограничивается северными областями Азербайджана. Влияние его, отчетливо ощутимое в архитектуре минаретов Дербента (например, так называемый минарет-мечеть, XIV в.) и Великих Болгар (например, Малый минарет, XIV в.), подтверждает оживленность архитектурно-художественных связей, а иногда говорит и о прямом участии в строительстве зодчих из Баку.

В путанице крепостных закоулков Сынык-кала вырастает перед вами внезапно, сразу же привлекая внимание архаичностью своего облика. Дело не только в потемневшей от времени чистой кладке минарета, но и в какой-то особой кряжистости, тяжеловесности его архитектурных форм. Цилиндрический [20 - 22] ствол, лишь несколько утоняющийся вверху, завершен традиционным поясом сталактитового карниза — шэрэфэ, грани ячеек, которого поддерживают незначительно вынесенный балкончик с круговым обходом. Сталактиты Сынык-кала отличаются несложностью, даже известной примитивностью композиционного построения, нарочитой уплощенностью незатейливо прорисованных и грубовато выполненных элементов.

Небольшой проем ведет на вьющуюся внутри ствола узенькую лестницу с выходом на балкончик, огражденный массивными плитами невысокого каменного парапета. Поверхность их оживлена плетением орнамента, составленного из сочетания многоугольников с шестилучевыми звездами — широко распространенный в декоративном искусстве Азербайджана узор. Под основанием сталактитового карниза проходит вязь изречения из корана (Сура 17. Перенес ночью. Стих 81—82), выполненная архаичским куфическим письмом.

Суровой монументальностью архитектурных форм и сдержанностью убранства Сынык-кала выделяется среди других, более поздних и значительно более изящных минаретов Крепости. Он несколько напоминает боевые башни-донжоны сохранившихся на Апшероне феодальных замков.

Минарет примыкает к зданию мечети, выстроенному на месте более древней, сооруженной, очевидно, одновременно с ним. По традиции, упрочившейся в странах мусульманского Востока, новая мечеть обычно не только сооружалась на месте старой, по тем или иным причинам не удовлетворявшей изменившимся потребностям, но и по возможности повторяла ее план. Строители нового здания стремились рационально использовать все, что оставалось от прежнего, начиная от фундамента и кончая архитектурно-конструктивными элементами. В данном случае новая мечеть, видимо, также повторила план первоначальной.

Если минарет Сынык-кала некогда и мог одновременно со своим основным назначением служить своего рода наблюдательной башней, как это предполагали некоторые исследователи, то в XII веке, после завершения строительства Девичьей башни — Гыз галасы, эта функция была им полностью утрачена. Местоположение и размеры башни обеспечили превосходное наблюдение не только за всем побережьем Бакинского залива, но и за обширным морским пространством. [22 - 26]

Выразительность облика Девичьей башни, не имеющей сколько-нибудь близких аналогий в архитектуре оборонительного строительства стран Переднего Востока, да и Западной Европы, место,

которое она занимает в прибрежной панораме Баку, романтический ореол окутывающих ее легенд и преданий и множество связанных с ней историко-архитектурных вопросов, до настоящего времени окончательно не выясненных, — все это определяет то внимание, которое она издавна привлекает. Трудно назвать описание Баку, где башня не была бы упомянута. Не менее трудно найти и графическое или живописное изображение приморского пейзажа города, в композицию которого не включен этот уникальный памятник азербайджанского средневековья.

Существует немало народных преданий, которые, кстати, можно услышать и сейчас от бакинских старожил, повествующих об истории строительства башни. Своеобразно преломляя эпизоды насыщенной бурными событиями истории города, многие легенды связаны с образом огненной девы, якобы спасшей осажденный город; они напоминают о некогда распространенных в этих местностях огнепоклоннических культах. В основе же большинства легенд лежит другой, более популярный сюжет, использованный в поэме „Гыз галасы” талантливого драматурга Дж. Джабарлы и в известном одноименном балете композитора Афрасияба Бадалбейли: прекрасная дочь бакинского хана, стремясь спастись от преступных домогательств отца, потребовала от него строительства башни, с которой в день свадьбы бросилась в пучину Каспия.

Напомним, однако, что и во многих областях Переднего Востока башни с таким же наименованием встречаются не реже, нежели сооружения с названием „Кырк-кыз” (сорок дев), группы источников „Кырк-булак” (сорок источников) или же крепости, которые народная молва связывает с легендарным героем „Кер-оглы” (сын слепца). Происхождение наименования Девичьей башни в Баку следует, видимо, искать не столько в легендах и преданиях, несмотря на всю их романтическую привлекательность, сколько в смысловой его основе, подчеркивающей неприступность! сооружения: башня-девственница, неприятелем никогда не захватывавшаяся.

Однако Девичья башня имела и другое название, давно уже переставшее бытовать. Оно встречается на одном из наиболее [26 - 27] ранних планов города (1738), а также в перечнях достопримечательностей Баку, которые нередко печатались в справочных изданиях середины прошлого столетия. Это название — Кала-хонсар, то есть Башня-мизинец, интересно также тем, что один из пунктов города некогда именовался Беш гулла (Пять башен), что позволяет полагать, что сооружений башенного типа, ныне не сохранившихся, в древнем Баку было несколько.

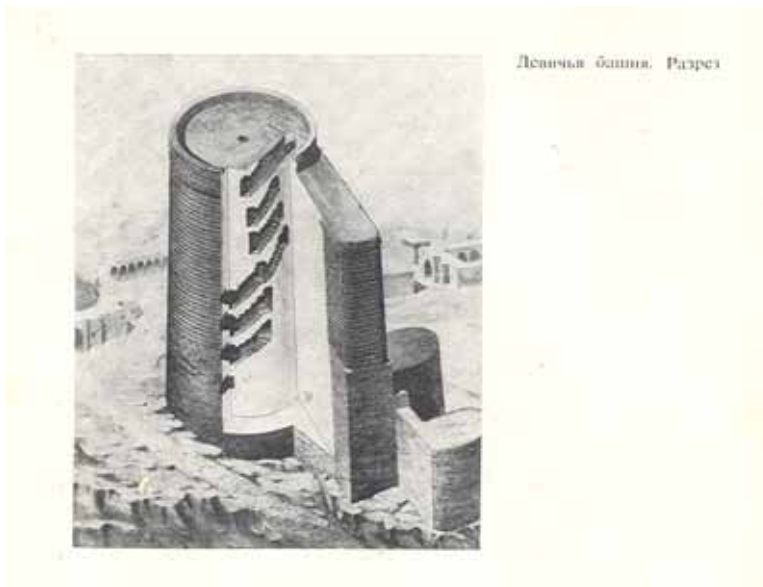
Что же представляет собой Девичья башня, кем, когда и с какой целью она была сооружена? К сожалению, не на все эти вопросы можно пока дать исчерпывающий и бесспорный ответ, хотя исследованиями последних лет часть из них удалось решить достаточно достоверно.

Мощный цилиндр почти тридцатиметровой высоты, с чередованием выступающих и западающих рядов каменной кладки, вздымается у перепада рельефа, где сравнительно еще недавно плескалось море. (Композицией и характерным чередованием рядов кладки Девичью башню несколько напоминает высшаяся на огромной скале Чирах-кала, известная башня-светильник большого укрепленного комплекса сасанидского времени в русле Гиль-гиль-чая, неподалеку от Баку.)

На восточной стороне башни, от служащей подножием скалы до самого верха, тянется выступ, придающий плану сооружения сходство с очертаниями химической реторты. Назначение выступа, условно именуемого контрфорсом, так, кстати, и не выяснено. С уверенностью можно лишь утверждать, что он не служил ни волнорезом, ни отражающей удары каменных ядер „шпорой”; не было в нем, видимо, и камер, которые могли использоваться как тайники.

В начале XIX века была сделана попытка водрузить на башню Андреевский флаг. Предварительно военными инженерами производилось тщательное обследование всего сооружения, и были выполнены архитектурно-строительные обмеры. Судя по сохранившимся чертежам, внешний вид башни почти не отличался от нынешнего. Можно лишь полагать, что сколько-нибудь серьезные изменения претерпел только ее верх, где сосредоточивались средства обороны, как и во всех замках апшеронских феодалов.

Здесь мы вновь сталкиваемся с одной из множества загадок Девичьей башни: как же выглядело ее первоначальное завершение? [27 - 28] На первых зарисовках Баку, относящихся еще к XVII и XVIII столетиям, при всей их условности, совершенно очевидно, что верх ее сильно поврежден. Обмерные чертежи, выполненные в 1807 и 1808 годах, воспроизводят башню с восстановленным верхом, точнее, проектом его восстановления. На первом чертеже изображен венчающий пояс машикулей. Несколько неожиданный и немасштабный, он, видимо, навеян обликом машикулей донжонов более поздних апшеронских замков. На втором чертеже зафиксирован примерно нынешний вид памятника. До окончательного решения вопроса этот чертеж представляется более достоверным.

Огромное впечатление от башни усиливается, если заглянуть внутрь сооружения. Пройдя узким проходом в пятиметровой толще стены, вы оказываетесь в сравнительно небольшом помещении и по пробитым в стене узеньким винтовым лестницам можете подняться до самого верха, откуда открывается чудесный вид на всю Бакинскую бухту. Внутреннее пространство башни некогда, было расчленено на восемь ярусов-этажей. Обрушившиеся плоские каменные купола-перекрытия недавно восстановлены. Поднявшись на верхнюю площадку, вы не только воочию убеждаетесь в неприступности башни, но и находите объяснение ее назначению — это оборонительное сооружение. Неприступность башни подтверждает толщина ее стен — у основания пять, а вверху четыре метра! Такой „орешек” нелегко было разгрызть даже самым мощным стенобитным машинам того времени. При необходимости внутренние помещения башни могли вместить более двухсот человек. На случай длительной осады ее гарнизон был обеспечен водой из колодца, устье которого находится внутри, а для санитарных нужд служили небольшие ниши с выведенными наружу стеками. Внутреннее пространство скупо освещалось поярусно расположенными щелевидными оконцами.

Реставрация памятника старины не всегда усиливает впечатление от него. Так произошло, к сожалению, и с интерьером Девичьей башни. Путешествие по затемненным ярусам-этажам не может заменить то неизгладимое впечатление, которое возникало еще не так давно, когда сквозь кольца каменной кладки обрушившихся перекрытий далеко вверху виднелась яркая синева неба, и можно было реально представить грандиозность всего сооружения. [28 - 30]

Только внимательно взглядываясь в башню, убеждаешься, что строилась она не одновременно. Уже отмечалось, что ее основание относится к значительно более древнему периоду существования Баку, примерно к V-VI вв. н. э. Следующий этап строительства связан с более поздним временем — об этом свидетельствуют изменившийся характер кладки и архитектурные конструкции, а также палеографические особенности краткой куфической надписи, напоминающей почерки XII века. Эта надпись, высеченная на небольшой, вмонтированной в кладку каменной плите, гласит: „башня Мас'уда сына Давуда”. Малоприметность, скромность ее выполнения и отсутствие каких-либо титулов, столь обычных в прославляющих феодалов надписях, говорят о том, что это строительная надпись с именем зодчего.

Отметим еще одно белое пятно в истории этого великолепного памятника азербайджанского средневековья. Среди [30 - 31] обращенных к морю смотровых щелевидных отверстий резко выделяется проем четвертого яруса, своими размерами и арочным завершением напоминающий входной. Впечатление это подкрепляет примыкающая к нему небольшая камера в толще стены: поверхность каменных плит ее стен и пола как бы отполирована постоянными прикосновениями одежды и обуви. Характерен и паз для деревянного бруса, видимо, служившего дверным засовом. Все как будто логично и даже ясно. Но как можно было добраться к входу, находящемуся на такой высоте от земли? Возможно, что на этот вопрос помогут ответить сохранившиеся значительно ниже фрагменты запущенных в кладку каменных консолей-кронштейнов. Не исключено, что это остатки пят сводов строений, некогда примыкавших к основанию башни.

Трудно реально представить, во сколько раз вырос Баку и насколько изменился его облик со времен строительства Девичьей башни. Контраст разительный, величины несопоставимы, и, тем не менее, Девичья башня по-прежнему неотделима от морского фасада города. Только раз, даже мельком увидев ее, невозможно забыть выразительность предельно лаконичного, сурового образа.

Когда смотришь с Девичьей башни на Бакинскую бухту, невольно обращаешь внимание на небольшой островок, находящийся в западной ее части, неподалеку от берега. Он невелик и внешне ничем не примечателен, хотя это остатки одного из интереснейших памятников Баку. Он окружен не менее ярким ореолом легенд и сказаний, чем Девичья башня, и связан с не меньшим количеством невыясненных до сих пор вопросов.

Многое изменилось с тех пор, когда известный русский ориенталист И. Березин, побывавший в Баку сто с лишним лет назад, писал, что „для путешественника Бакинская гавань замечательна не удобством своим, не многочисленностью толпящихся в ней судов, не любопытными явлениями торговой деятельности. Чудо неслыханное, диво невиданное составляют здания, как будто только вчера

опустившиеся на дно гавани, а между тем ни древность, ни ученые, ни предание не скажут вам, когда и как потонули эти здания”. Исследования последних десятилетий — в них немалое место занимали подводные работы, которые велись водолазами, — многое объяснили. [31 - 32] Установлено, что это не остатки неприступной крепости, якобы долго сопротивлявшейся осаждавшим ее войскам Искандера Зулкарнайна, но разрушенной „небесным огнем”, секрет которого был открыт Аристу — мудрым визирем полководца.

В охотно рассказываемых бакинскими старожилками и в наши дни легендах звучат отголоски преданий о походах Александра Македонского, действительно, как повествует греческий историк II в. н. э. Арриан, интересовавшегося возможностью плавания по Гирканскому — Каспийскому морю, о его вооруженных „греческим огнем” отрядах и об Аристотеле-Аристу. Однако Александр и его полководцы никогда не доходили до Баку, но им были, видимо, известны его окрестности, богатые нефтью, издавна входившей в состав зажигательных смесей, которые широко применялись отрядами огнеметателей.

Это и не остатки якобы затонувшего в Каспии древнего города Сабаил (название его сохранилось в наименовании прибрежного — Баилковского района Баку). В основе легенды о Сабаиле лежат многочисленные свидетельства моряков о нескольких поселениях, виднеющихся то здесь, то там в глубинах Каспия в штилевую погоду: они очутились на дне моря в результате тектонических изменений земной коры, так же как и интересующие нас сооружения. Напомним, кстати, что итальянский географ Марино Сануто в 1320 году писал про Каспий, что „море каждый год прибавляет на одну ладонь и уже многие хорошие города уничтожены”. Отпала также долго бытовавшая версия, будто это остатки караван-сарая, неожиданно появившегося среди моря.

В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что это была ханега — своего рода мусульманский странноприимный дом, которых в ту пору, судя по сведениям письменных источников, строилось немало. Возникая на оживленных торговых путях, неподалеку от „святых” мест, они были то местом свершения культовых обрядов, то пристанищем для паломников и даже целых торговых караванов, с которыми те обычно передвигались. В те беспокойные времена ханеги нередко служили также и оборонительным целям. Судя по всему, функции эти выполняло и интересующее нас сооружение.

Резкое понижение уровня Каспия обнажило его основание: сейчас отчетливо видны контуры снабженных башнями крепостных стен, перепады и стыки которых повторили рельеф венчаемой [32 - 33] ими возвышенности. Раскопками обнаружены характерные двухкамерные ячейки келий паломников — худжр. Они обрамляли один из небольших внутренних дворов. Найдены также остатки крупного сооружения неуточненного назначения, возможно, донжона, и различные элементы архитектурного убранства. Наибольшей историко-художественной ценностью обладают фрагменты многометрового декоративного фриза, некогда опоясывавшего по пряслам и башням весь наружный обвод стен. У подножия этих стен из воды и прибрежного ила извлечено несколько сот каменных плит (в настоящее время они выставлены во внутренних дворах дворцового ансамбля ширваншахов). За небольшим исключением, плиты почти стандартны — высота 70—72 см, ширина 25—50 см, толщина 12—15 см. Поверхность их покрыта персоязычными надписями, выполненными высоким рельефом, но в различных масштабах и манере. Надписи декорированы элементами геральдики и несложным орнаментом, а местами, в основном, около фланкированного башнями северного — главного — входа, изображениями [33 - 34] человеческих голов и различных животных, от реально существующих до фантастического крылатого зверя с человеческим лицом.

В нынешнем состоянии надпись напоминает строку, слова которой разрезаны на слоги, к тому же перемешавшиеся друг с другом. Чтение ее превратилось в нелегкую головоломку. Тем не менее, удалось выявить некоторые данные, которые проливают свет на историю этого загадочного сооружения. Стало известно, что построено оно в 1234—1235 годах, то есть перед нашествием монголов. Обнаружено имя руководившего строительством зодчего — устада Зайн-ад-Дина, сына Абу Рашида Ширвани, то есть ширванца. Отмечен в надписи и, видимо, возглавлявший группу мастеров-каменосечцев художник — наккаш, имя которого — Рашид было прочтено позднее. Одновременное упоминание в строительной надписи имен зодчего и художника — одно из наиболее ранних в азербайджанском зодчестве — свидетельствует о внимании, уделявшемся художественному убранству фасада.

Отрывки этих различно начертанных надписей (видимо, соответственно значимости их содержания) содержат фрагменты многосложных имен, пышных Титулов и выпренных прозвищ ширваншахов-кесранидов, а также другие сведения, вплоть до упоминания порта Баку — Бендери Баку.

Различия в трактовке декоративных элементов фриза — от очень условных до вполне реалистических, от плоскостных, почти графических, до горельефных — говорят о том, что выполнялись они, видимо, довольно многолюдной артелью, в составе которой были мастера, отличавшиеся манерой исполнения даже сходных отделочных работ. Сама тематика и характер декора несколько напоминают убранство ряда примерно синхронных памятников Армении, Грузии, Дагестана, Владимиро-Суздальской Руси и Конийского султаната, свидетельствуя не только об известной общности эстетических представлений, но и оживленности культурных связей того времени.

Памятники азербайджанского средневекового зодчества, в убранстве которых встречаются изображения живых существ, исчисляются буквально единицами, кстати, как и по всему мусульманскому Переднему Востоку. Жестко ограничив своими догмами, распространение изобразительных искусств, в особенности статуарной скульптуры и монументальной живописи, [34 - 35] ислам способствовал развитию декоративного, орнаментального искусства. Тем более редки и ценны памятники, подобные „Баиловским камням”, монументальные рельефы которых свидетельствуют о пережиточно сохранявшихся доисламских художественных традициях, мифологической тематике и эстетических представлениях.

Среди изображений фриза можно встретить и отдыхающего верблюда, и повернутого в резком ракурсе буйвола, и человеческое лицо с явно монголоидными чертами, и мотив соединенных орнаментальной вязью голов, увенчанных двузубыми и иными диадемами, напоминающими головные уборы сасанидского художественного круга. Особняком стоит большая плита с правдиво нарисованной взнузданной конской мордой. По масштабу и манере исполнения фрагмент этот не связан с фризом и принадлежал, видимо, большому панно, которое некогда украшало здание, впоследствии смененное ханегой.

Однако Сынык-кала, Девичья башня и затонувшая в бухте ханега — только отдельные сооружения, сами по себе примечательные, но не дающие представления о городе в целом. Каким же был Баку в то время, и в какой исторический отрезок времени складывается определенное единство его архитектурно-художественного облика? Данных, помогающих ответить на этот вопрос, немного, и, тем не менее, при внимательном рассмотрении сохранившихся памятников зодчества некоторые соображения возникают сами собой.

Основная волна монгольского нашествия прокатилась несколько поодаль, и Баку, хотя и был захвачен монголами, видимо, избежал страшной участи Байлакана, Шемахи, Ганджи, Шамхора и многих других городов, разгромленных дотла. В условиях существования Баку, да и всего Апшерона, не произошло ничего, что могло бы резко сказаться на характере строительства XI—XIV столетий. Памятники зодчества этого времени говорят об устойчивости типов архитектурных сооружений и последовательности развития ранее сложившихся художественных и технических традиций.

Город был сравнительно невелик и ничем, кроме своих „вечных огней” и нефти, особого внимания не привлекал. Анонимный автор географического трактата „Аджаиб ад-дуния” („Диковинки мира”), написанного в начале XIII века на персидском языке, отмечал, что „это город в области [35 - 36] Ширвана на берегу моря. Всю ночь земля его горит как огонь; ставят на нее котел, и вода на земле его закипает. Его товары: нефть черная, белая, зеленая и соль”.

Несомненно, Баку имел в виду и Марко Поло, когда писал, что „на грузинской границе источники масла (нефти) и много его — до сотни судов можно зараз погрузить тем маслом. Есть его нельзя, а можно жечь или мазать им верблюдов, у которых чесотка и короста. Издалека приходят за тем маслом, и во всей стране его только жгут”.

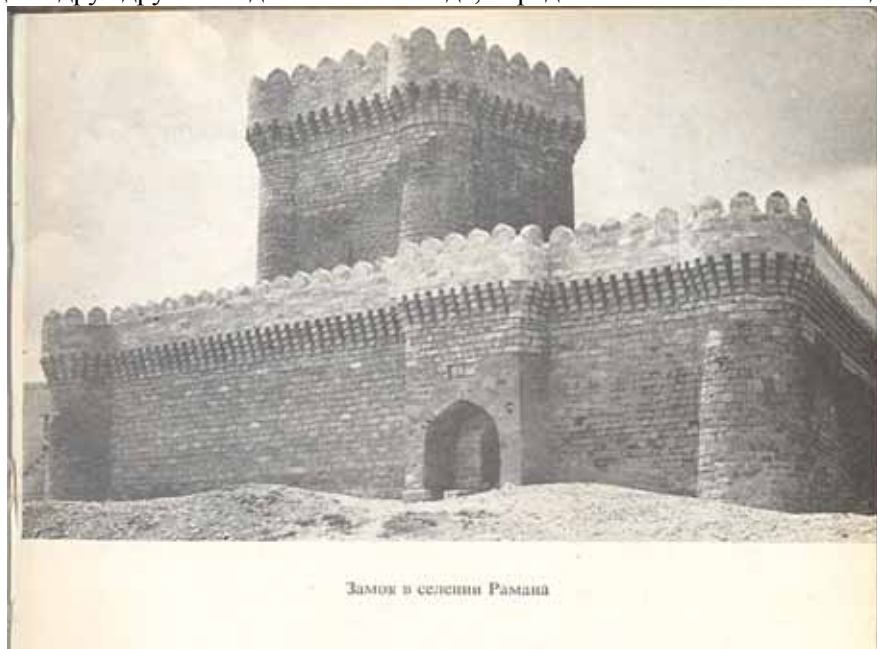
Сведения эти не расширяются и в XIV веке. Французский миссионер Журден Каталани из Северака упоминает Баку также лишь как место, где из колодцев извлекают масло — нефть, которое обладает целебными свойствами и хорошо горит.

Некоторые черты архитектурного облика Баку этого времени позволяют отметить две группы памятников, каждая из которых объединяет сооружения, близкие не только по своему назначению, но, до некоторой степени, и по художественному колориту. Это находившиеся в черте города замки феодалов, а также мечети.

Однако без широко проведенных археологических рекогносцировок трудно сказать, много ли феодальных замков было в это время в самом городе. Кроме Девичьей башни, с уверенностью можно говорить только о сравнительно недавно обнаруженном большом замке, к которому впоследствии примкнуло здание президиума республиканской Академии наук.

На плане города, снятом в октябре 1806 года „квартир-мейстерской части поручиком Розье”, замок этот обозначен, и в „изъяснении литер” чертежа указано: „Д. Джебахан. Башня, где и арсенал”. По сохранившимся на Апшероне аналогичным замкам датировать его можно второй половиной XIV века. Арсенал был в нем размещен, видимо, значительно позднее, вероятнее всего, комендантским управлением.

От монументального призматического объема замка с углами, укрепленными трехчетвертными цилиндрами, сохранился лишь первый ярус, перекрытый каменным стрельчатым сводом. Однако замки в селениях Мардакян и Рамана позволяют легко восстановить его внешний облик, составить представление об организации внутреннего пространства, системе обороны и значении в архитектурном пейзаже современного ему города. Замки апшеронских феодалов, как правило, представляли [36 - 37] собой замкнутый мощными крепостными стенами небольшой дворик, в центре которого высилась боевая башня-донжон. Сохранился такой донжон и в замке Джебахан в бакинской Крепости. Оборонительные возможности замков вполне отвечали современному уровню развития осадной техники, и они служили надежным убежищем во время опасности. А опасностей в ту смутную пору было немало — непрерывные междоусобные распри, восстания крепостных и, наконец, угроза набегов из-за моря, когда владельцы замков пламенем или дымом разожженных на верху башен костров оповещали друг друга о надвигающейся беде, нередко заставлявшей их объединяться.

Замок в селении Рамана

Стены крепостных оград и верхушки донжонов завершали системы развитых машикулей — навесных бойниц, поддерживаемых ступенчатыми кронштейнами, а также короны мерлонов [37 - 38] — боевых зубцов, за которыми укрывались лучники. Расстояния между зубцами позволяли создать плотный обстрел приближавшегося неприятеля, а при „подошвенном бое” через отверстия машикулей на врага лилась горящая нефть и кипящая смола, обрушивались заранее припасенные камни. На случай длительной осады обитатели замка обеспечивались запасами продовольствия, хранившегося в кувшинообразных закромах, высеченных в материковой скале: воды было достаточно в колодцах, находившихся во внутренних дворах, а иногда и в самом донжоне.

Каменными куполами, а впоследствии балочными перекрытиями внутреннее пространство расчленилось на три-четыре яруса, соединявшихся винтовыми лестницами в толще стен. Освещались и проветривались ярусы через небольшие шелевидные оконца.

Требования комфорта в те суровые времена особенно высокими не были, и, тем не менее, вряд ли феодалы со своими семьями постоянно жили в донжонах замков. В мирное время они, видимо, служили своего рода казнохранилищами.

Таким образом, внешний облик замка Джебахан вырисовывается достаточно отчетливо, и нетрудно представить, как резко выделялся он не только на фоне окружавших его мелких и невзрачных рядовых строений, но и крепостных стен города. В прибрежной полосе подобной доминантой служила Девичья башня.

В настоящее время трудно сказать, были ли в Баку той поры еще замки, принадлежавшие другим феодальным родам, или их число ограничивалось двумя — Джебаханом и Девичьей башней. Феодалы на

Апшероне были очень невелики, о чем говорит дислокация замков, располагавшихся нередко на расстоянии нескольких сотен метров один от другого. Так обстоит с замками начала XIII и конца XIV века в селении Мардакян и совсем неподалеку расположенным замком XIV века — в селении Шаганы.

Возможно, что так было и в Баку, где в самом недалеком будущем столь же неожиданно, как в свое время П. Д. Барановским был „найден” Джебахан, могут быть обнаружены остатки других замков. Не исключено, что Баку XIV века до некоторой степени напоминал Сен-Джиминьяно, Каркассон и многие другие западноевропейские феодальные городки либо горные [38 - 39] селения Закатальско-белоканских вольных обществ — джамаатов или сванов, характерный архитектурный пейзаж которых определяли выразительные объемы боевых башен, горделиво возвышавшихся над обычной застройкой.

Какое же место занимали другие крупные сооружения, преимущественно культовые, в художественном облике Баку того времени? Мы располагаем данными только об одной — Пятничной или Джума-мечети. Кроме нее, сохранилось несколько небольших, видимо, квартальных (магальных) мечетей. Тем не менее, архитектура этих сооружений позволяет немного расширить круг представлений об облике города.

Джума-мечеть, находящаяся неподалеку от мечети Мухаммеда, неоднократно обновлялась, а в начале нашего века одним из местных богачей — ревнителей благочестия — была перестроена совершенно заново. Первоначальный ее план известен по обмеру, выполненному в конце XIX века А. Павлиновым, а общий облик — по старинным фотографиям и зарисовкам, в частности А. Боголюбова. Неправильный шестигранник плана здания со срезанными южным и западным углами отразил сложность архитектурной задачи. Мечеть сооружалась на освященном [39 - 41] традицией, тесно обстроенном участке. А. Павлинов не без основания полагал, что на этом месте некогда находилось языческое капище.

Помещения мечети невелики, вплоть до предназначавшегося для мужчин купольного зала, не говоря уже о молельных комнатах для женщин. Особенностью мечети являлся конический купол. В убранстве его важное место принадлежало поливным изразцам, привозному декоративному материалу, сравнительно редко встречающемуся в архитектуре северных областей Азербайджана.

Мечети того времени — Чин-мечеть, Молла-Ахмед-мечеть, Хыдыр-мечеть и ряд других представляли собой небольшие, незатейливого плана однозальные сооружения. Внутреннее убранство их ограничивалось более или менее богато декорированным михрабом, который указывал молящимся направление Мекки. В Лезги-мечети сохранился, например, древний каменный михраб, выполненный еще в 1171 году Ашуром, сыном Ибрагима, который в строительной надписи именовался не просто недджаром — резчиком по дереву, но и устадом, то есть мастером большой квалификации, достигшим высокой степени общественного признания.

На скромных фасадах мечетей этого типа приметны были лишь слегка подчеркнутые входные проемы, иногда размещавшиеся в нишах небольших порталов, ажур каменных решеток, которыми были забраны небольшие оконца, и вязь лапидарных надписей.

Архитектурно квартальные мечети не выделялись среди тесно обступавшей их рядовой застройки, а размещение их в организме города носило явно случайный характер. Ремеслами своими Баку этого времени широко известен не был, и в его стихийно складывавшейся планировочной структуре не прослеживаются четко выделенные кварталы — махалле, население которых определяли профессиональные или этнические признаки, как это имело место в некоторых других городах средневекового Азербайджана. Ремесленное предместье было четко выделено, например в Байлакане, где оно существовало на одном месте в течение нескольких столетий, а наименования районов и улиц Шеки до самого недавнего времени сохраняли отголоски подобной структуры, столь характерной для феодального города. [41 - 42]

Таким образом, на однообразном фоне застройки Баку XII—XIV веков выделялось лишь несколько массивных объемов боевых башен, принадлежавших различным феодальным родам, один-два минарета и сверкающий своим изразцовым убранством конический купол Джума-мечети.

Имен зодчих, строивших в это время в самом Баку, почти не сохранилось. Одним из немногих, к тому же известным несколькими своими произведениями, является Махмуд сын Сада. В конце XIII—начале XIV века он построил замок в селении Нардаран, небольшую Молла-Ахмед-мечеть в Крепости, а также мечеть с минаретом в селении Шихово, до наших дней не сохранившуюся. Незаурядные творческие возможности зодчего проявились, по существу, только в минарете мечети, известном по довольно многочисленным воспроизведениям.

Нардаранский замок ничем не примечателен и в художественном отношении уступает таким своим „современникам”, как замок в селении Мардакян, сооруженный в 1232 году Абд ал-Меджидом

сыном Масуда, или уже упоминавшиеся замки XIV века в тех же Мардакянах или селении Рамана. Построенный в 1301 году нардаранский замок и служит, кстати, своего рода промежуточным звеном, иллюстрирующим эволюцию этого типа оборонительных сооружений. Ничем не выделяется среди кварталных мечетей этого времени и Молла-Ахмед-мечеть. Минарет же шиховской мечети говорит о зрелом мастерстве зодчего. Ни типом, ни размерами не отличается он от своего предшественника — минарета мечети Мухаммеда. Насколько, однако, стройнее стал его ствол, насколько пластичнее и изящнее стала карниза, поддерживающего балкончик для „азанчи”. Здесь раскрываются и возможности художественной резьбы по бакинскому известняку, которой так славен последующий этап архитектурного развития города — XV век.

Некоторые данные позволяют полагать, что уже в это время бакинские архитекторы обладали неплохой репутацией. Сохранившееся имя зодчего — устад-бедна Тадж-ад-Дин сын Мусы ал-Бакуви, восстановившего после землетрясения в Дербенте здание огромной многоколонной Джума-мечети (1368—1369), подтверждает сообщения письменных источников, что в XIV—XV веках в строительстве города принимало участие немало архитекторов из Баку, направлявшихся в Дербент ширваншахами. [42 - 43]

Наивысший подъем Баку в эпоху феодализма приходится на XV век. Напряженность политической обстановки, сложившейся в странах Переднего Востока в конце XIV века, определялась ожесточенностью соперничества Тимура и его потомков с золотоордынскими ханами и джелаиридами. Столкновения их полчищ нередко происходили на территории Азербайджана, преимущественно в южных его областях.

И, тем не менее, Ибрагим I (1382—1417), родоначальник так называемой дербентской династии ширваншахов, сменившей кесранидов, искусно используя противоречия между своими могущественными соседями, добился известных успехов в собирании азербайджанских земель вокруг Ширвана и относительного подъема благосостояния страны. На протяжении XV века Ширван почти не знал династических войн и междоусобиц, изнурявших соседние государства Кара и Ак-Коюнлу. Венецианец Амброджо Контарини в то время писал, что „страна эта представляет большей частью вид самой прекрасной и плодоносной равнины и гораздо лучше и благодатнее, нежели владения Узун-Хасана (Ак-Коюклу)”.

На развитии Баку благотворно сказалось несколько обстоятельств. Изменились трассы торговых путей, и утратил былое значение Дербент. Портовые сооружения его, поддержание которых требовало больших средств, не обладали достоинствами естественной бакинской гавани, и Баку становится главным портовым городом и важнейшим перевалочным пунктом на Каспии.

Новое и симптоматичное наименование в это время приобретает сам Каспий. Его уже не называют Гирканским или Каспийским морем, как его именovali авторы античности. Не называют его также Хазарским, Дербентским, Гилянским, Табаристанским, Джурджанским, Хорасанским или Абескунским морем, как это делали упоминавшие его восточные географы и историки, или Хвалынским, как оно нередко именуется в русских летописях. Западноевропейские путешественники этого времени — Амброджо Контарини, Иосафат Барбаро, Рюи Гонзалес де Клавихо — обычно именуют Каспий бакинским морем — „taghe di Bachau” или „taghe di Bachu”.

Итальянский купец Джиован Мария Анджолелло писал про Баку, что „это — порт Тебриза ... А в древности это был первый город на том же море. И это превосходнейший порт, от [43 - 44] которого море называется бакинским, откуда вывозится шелк”. В это время Баку уже известен не только по-прежнему вывозившимися нефтью и солью, но и ткацким производством, достигшим значительного объема.

Возросшее значение Баку признавалось также Тимуром. В известной летописи Зафарнаме „Книга побед” его придворный историограф Шереф-ад-Дин ал-Иезди сообщает, как Тимур „с помощью божьей прошел через порт Баку и дал приказ о возобновлении крепости города”.

Кроме того, после военных потрясений не оправилась Шемаха, и резиденция ширваншахов была временно перенесена в Баку. Город становится одним из важных узлов на путях международного торгового транзита между странами Востока и Запада, а также дипломатических связей. В этот период, в частности, значительно оживляются и расширяются торговые и дипломатические связи между Азербайджаном и Россией.

Первое посольство ширваншаха Фаррух-Иессара, во главе с Гасан-беком, появилось в Москве в 1465 году. К отправившемуся через год в Ширван ответному посольству присоединилось много русских купцов; среди них был и „тверской гость” Афанасий Никитин, начавший с Каспия свое знаменитое

„хождение за три моря”. О ширванском после Шахаб-ад-Дине, который в Москве „правил посольство о любви и дружбе”, сообщает русская летопись.

Все это способствовало росту Баку и формированию его нынешнего внутреннего города — Ичери шехер, характер и колорит застройки которого, со сравнительно небольшими изменениями, сохранялись вплоть до недавнего времени. Именно в XV столетии сложилась и планировочная структура Крепости. В формирующемся в это время архитектурном облике феодального Баку ведущее место принадлежит уже не башням феодальных замков, а ансамблю дворцовых сооружений, с его непреходящим градостроительным и художественным значением, независимо от состояния отдельных компонентов и изменений непосредственного окружения.

Не так уж много общих сведений и конкретных данных, которые позволили бы восстановить во всех деталях архитектурный пейзаж Баку этого времени. Не сохранилось, например, ни одного жилого здания. И, тем не менее, основные черты облика [44 - 45] города вырисовываются отчетливо и с необходимой степенью исторической достоверности.

Баку был надежно защищен хорошо продуманной и по тому времени мощной системой фортификационных сооружений. Хондемир упоминает три ряда стен. Наружный глубокий ров — хандак, очевидно, прикрывала первая полоса укреплений. За ней располагались основные крепостные стены — бару, находившиеся на небольшом расстоянии одна от другой. Преодолев ров и прорвавшись через вторую полосу стен, неприятель попадал в замкнутый каменный мешок, пространство которого поражалось со всех сторон, и прежде чем ему удавалось пробиться в город, захватив последнее кольцо наиболее высоких и мощных стен (сохранившихся, кстати, до наших дней), он нес большие потери.

На расстоянии убойной силы стрел, на перепадах рельефа и в местах стыков, там, где менялось направление стен, находились боевые башни. Выступая из плоскости прясел, они позволяли вести не только фронтальный, но и фланкирующий обстрел осаждающих, если тем удавалось достигнуть подножия укреплений. Кроме того, в ряде мест, преимущественно у входов, сохранились амбразуры с сильно скошенными книзу плоскостями. При „подошвенном бое” из них на неприятеля лилась пылающая нефть и расплавленная смола. Прясла и башни завершал зубчатый пояс мерлонов.

Система укреплений города не ограничивалась созданием замкнутых поясов оборонительных сооружений, лишь в немногих местах прорезанных хорошо защищенными воротами и переходами через ров, прикрытыми предместными укреплениями. Спускаясь к морю, крылья крепостных стен уходили довольно глубоко в Каспий, образуя стоянку кораблей, контролировавшуюся городом и хорошо укрытую во время непогоды. Система уходящих в море городских стен повторяла, по сути, организацию гавани в Дербенте, хорошо известную из описаний в хрониках многочисленных арабских географов и историков (Ибн ал-Факих и др.).

Наиболее полное описание Баку начала XV века содержит сочинение Абд ар-Рашида сына Салиха сына Нури ал-Бакуви „Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар” („Сокращение „Памятников” и чудеса царя могучего”). Бакуви — его нисба (указание места, откуда был родом или [45 - 46] где длительное время работал автор) говорит о прочности его связей с Баку.

Абд ар-Рашид пишет, что окруженный стенами город расположен, главным образом, на омываемой морем скале. Две его стены уходят глубоко в море. Выстроены они настолько прочно, что устояли во время осады Баку монголами, хотя одна из них и была сильно повреждена. Все здания города построены из камня. Особо отмечена главная мечеть, видимо, та, что нами описана ранее.

Наряду с хорошим воздухом и сильными ветрами, нередко уносившими в море людей и животных, Абд ар-Рашид упоминает о недостатке в городе воды и неплодородности его окрестностей. Однако неподалеку от Баку, пишет он, имеются плодовые — инжирные и гранатовые сады, а также виноградники, куда городские жители выезжают на лето.

Разумеется, говорит Абд ар-Рашид и об источниках нефти, которая не только употреблялась в качестве топлива, но и каждодневно вывозилась караванами, состоящими не менее чем из двухсот мулов. Кроме того, наполненные нефтью мехи грузились на корабли, также отправлявшиеся в различные страны.

На расстоянии фарсаха (примерно 6—7 км) от Баку были выходы огня, которые виднелись даже днем и далеко с моря. Были около Баку соляные промыслы, а также серные источники. Отмечена даже деревня, известная тем, что жители ее обжигали известь.

Упоминает Абд ар-Рашид и остров неподалеку от города, где бакинцы занимались рыболовством.

К сожалению, это описание было составлено в самом начале XV века, до возникновения в Баку дворцового ансамбля, который в последующей застройке города приобрел значение композиционного центра, а архитектуре его зданий было суждено сыграть немалую роль в дальнейшем развитии азербайджанского зодчества.

Трудно назвать другой памятник архитектурного наследия азербайджанского народа, изучением которого занималось бы такое количество ученых, который столько раз тщательно обмерялся и зарисовывался, и вокруг которого сложилась столь обширная специальная и научно-популярная литература. Обмеры и публикации Д. Гримма, И. Березина, А. Павлинова, [46 - 47] К. Скуревича, а после революции Е. Пахомова, В. Левиатова, И. Щеблыкина, вплоть до исчерпывающих по своей полноте увражных изданий и публикаций С. Дадашева и М. Усейнова, многочисленные зарисовки Г. Гагарина, В. Верещагина, К. Кравченко и других художников определили заслуженно широкую известность и популярность памятника.

Ансамбль дворца ширваншахов. Перспектива

У тех, кто знакомится с ансамблем впервые, нередко уже есть о нем представление, почерпнутое из многочисленных описаний или воспроизведений. Однако эмоциональная сила непосредственного восприятия обычно настолько велика, что создается странная двойственность впечатления. Вы будто встретились со своим давним знакомым, и, тем не менее, это нечто совершенно иное, ранее неизвестное. И трудно постижимо то, что заставляет воспринимать уже знакомый памятник как новое, неожиданно открывшееся произведение высокого искусства.

Участок, который занимают сооружения дворцового ансамбля, невелик, всего около одного гектара, как говорится, сложно-пересеченной [47 - 51] местности. Группируются эти сооружения вокруг трех небольших дворов, расположенных на различных уровнях. С. Верхним, парадным двором связаны здание дворца и здание Диван-хане, ныне отделенное от двора глухой стеной с небольшим, малоприметным проемом. Покрытая „ползучим” сводом лестница ведет из этого двора в Средний, где находятся остатки древней мечети с впоследствии пристроенным к ней мавзолеем придворного астронома Сейида Яхья Бакуви, а также позднее возникшими восточными воротами. Эта лестница ведет одновременно в просторный проход, которым ныне отделен Верхний двор от Нижнего, где расположены дворцовая мечеть и усыпальница ширваншахов — тюрбэ.

Проход этот некогда был органически связан со сложившейся вокруг ансамбля сетью улиц. За усыпальницей на значительно более низком уровне расположены обширная баня и большое подземное водохранилище — овдан, некогда, видимо, также входившее в дворцовый комплекс.

Окружающие большую часть дворцовой территории стены с прорезями для ружейного огня возникли значительно позднее, в XIX веке. Их строительство было вызвано желанием приспособить здания ансамбля для нужд гарнизона, который здесь размещался; надежным ориентиром для уточнения изначальных границ участка служить они никак не могут. В настоящее время здания ансамбля зажаты строениями, обступившими его буквально со всех сторон.

Нынешний участок дворцового ансамбля случаен, и только археологическими обследованиями удастся очертить истинные его границы, выявить служебные строения, принадлежавшие дворцу, и

установить связь внутренней планировки с улицами, некогда к дворцу подводившими. Однако ансамбль, будучи неотделим от пейзажа Крепости, сохранил былую впечатляющую силу.

Величественность сооружений ансамбля и их подлинный архитектурный масштаб становятся реально ощутимыми, как только вы вступаете на его территорию. Это совсем другой мир, отдаленный от нашего времени, отличающийся совершенно иным характером художественных образов, а главное — совсем иным ключом чувств, невольно у нас возникающих.

Время и люди наложили отпечаток на сохранность ансамбля. Кто размешал во дворце склады артиллерийских снарядов, [51 - 52] кто пристраивал к усыпальнице нелепое строение, кто покрывал зеленой масляной краской великолепную каменную резьбу на ее портале, а кто просто стремился „увековечить” свое имя, старательно выцарапывая его на самом видном месте... Восстановительные работы, к которым по решению Азревкома приступили уже в 1920 году, постепенно придали ряду сооружений их первоначальный вид, и ансамбль был превращен в заповедник. Здесь в настоящее время открыт историко-архитектурный музей. Экспонаты музея (среди них немалое место, кстати, принадлежит архитектурной истории Баку) выставлены не только в зданиях, но и во дворах ансамбля.

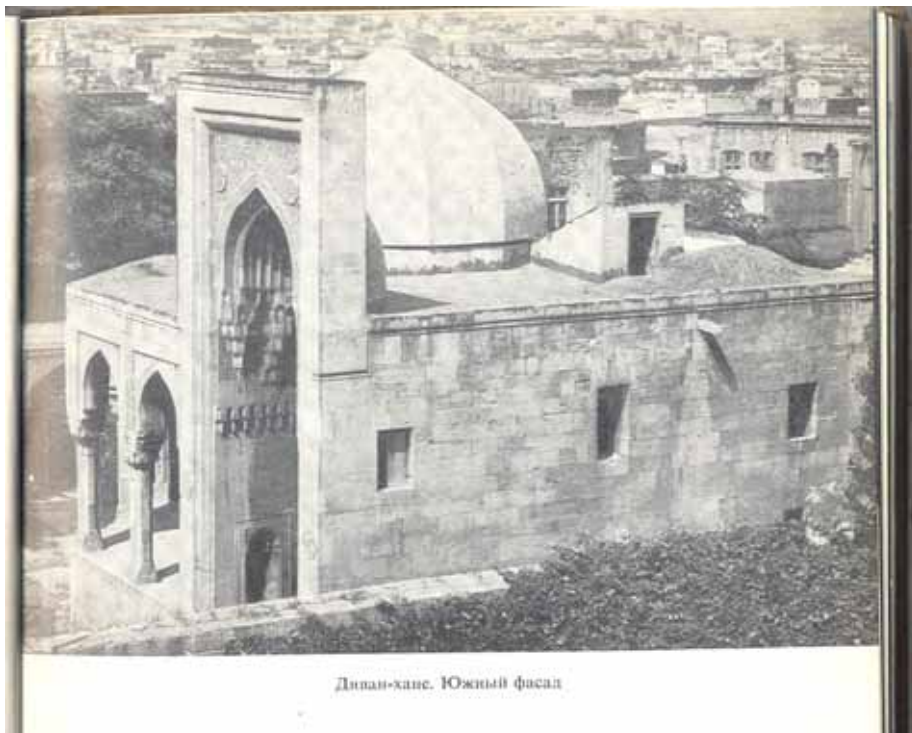
Минуя небольшой скромный портал, который ведет в Диван-хане, вы проходите в Верхний, парадный двор. Он обрамлен главным фасадом самого дворца, обращенного к нему строгим входным порталом, несколько позднее пристроенным к дворцу крупным объемом, просторного прямоугольного в плане помещения и глухой стеной, из-за которой виднеются профиль портала и купол Диван-хане. Со двора открывается вид нагорной части Баку с привлекающей взор крупномасштабной застройкой последних лет.

Характерна строгость архитектурного решения: гладь стен с обычным для Ширвана XV века чередованием рядов кладки, разнящихся по ширине, колориту и фактуре, подчеркнута глубоко затененным под-арочным пространством портала и небольшими проемами окон. Внизу, в резком ракурсе, просматривается замкнутый дворик мечети, с круглящимися куполами зданий и стройной башней минарета.

Среди небольших, прямоугольных в плане помещений дворца — их по двадцать пять в каждом этаже, причем планы обоих этажей почти тождественны — своей формой и объемом выделяется восьмигранный купольный зал, предназначавшийся для торжественных церемоний. В композиции дворца он стоит несколько особняком, и его не без основания считают наиболее древним, первоначальным компонентом здания, вокруг которого впоследствии велось — в несколько этапов — строительство ныне существующего дворца. К залу примыкает помещение поменьше, также восьмиугольное в плане. Оно служит вестибюлем, соединяющим помещения верхнего, парадного этажа между собой, а также с нижним, служебным этажом. Дворец [52 - 53] занимает самую вершину холма, благодаря чему отсюда широко обозревается все окрестное пространство. Из окон и „фонарей” его уступчато расположенных юго-восточных комнат раскрывается живописная прибрежная панорама.

Здание дворца восстановлено почти полностью, кроме обрушившихся купольных и сводчатых покрытий верхнего этажа, замененных плоской кровлей, к сожалению, с типичными для заводских зданий „фонарями”. Предельная строгость фасада, лишенного какого-либо убранства, оттеняет композиционное и пластическое богатство примыкающего к нему Диван-хане.

В Диван-хане можно попасть через небольшой, скромный портал в глухой стене, обрамляющей проход, который ведет в парадный двор, или через малоприметный проем также [53 - 54] в глухой стене, отделяющей этот же двор от Диван-хане. Перед вошедшим через портал раскрывается эффектная перспектива многогранного, со стрельчатой аркадой павильона, стилобат которого помещен в композиционном центре маленького замкнутого дворика. В резком ракурсе воспринимается портал удлинённых пропорций, с великолепно прорисованными и тонко выполненными элементами ребристого полукупола, поддерживающая его многоярусная сталактитовая композиция и филигранная вязь орнаментальной резьбы тимпана.

Диван-хане. Южный фасад

Войдя в Диван-хане со стороны парадного двора, вы попадаете в узкий проход. К нему обращены глухие плоскости ничем не обработанного южного фасада павильона. Независимо от того, была ли эта стена всегда глухой или к ней со стороны парадного двора ранее примыкала просторная открытая галерея с большими арками, служившая укрытием от жаркого солнца, как это можно увидеть на рисунке Д. Гримма 1851 года, ясно, что этот фасад всегда играл подчиненную роль. Возможность его восприятия как некоей художественной единицы во внимание никогда не принималась.

Что же представляет собой Диван-хане, вокруг которого также возникло множество легенд?

Центром сложной пространственной композиции павильона является превосходных пропорций восьмигранный купольный зал и просторный склеп, размещенный в высоком стилобате под ним. В обрамляющую зал открытую галерею со стрельчатой аркадой, склеп и расположенные одно над другим небольшие служебные помещения можно пройти из „сеней“, в которые ведут входной портал и небольшой проем на южном фасаде. Дворик, в котором стоит павильон, также обрамлен с трех сторон открытой галереей со стрельчатой колоннадой; она несколько приподнята над уровнем двора.

Повторение в различном масштабе одного и того же ордера подчеркивает композиционное значение павильона, укрупненность элементов, аркады которого усиливается своеобразием спаренных угловых колонн. В северной части дворика находится глубокое двухъярусное подземелье, с ведущим в него малоприметным входом — отверстием.

В азербайджанском зодчестве, пожалуй, нет другого памятника, с вопросом, о непосредственном назначении которого было бы связано такое количество предположений, нередко [54 - 55] друг друга включающих, подчас ничем серьезным не аргументированных или попросту наивных.

Наиболее распространенная версия о назначении Диван-хане сводится к тому, что это судилище. В главном зале над склепом, якобы служившим зинданом — тюрьмой, вершилось правосудие. В галереях дворика размещались зрители, следившая за ходом суда придворная челядь. После вынесения смертного приговора из отверстия в каменном полу, соединявшего зал с подземельем, появлялась голова преступника, которую немедля отрубали. Через подземные каналы, будто бы соединявшие склеп с Каспием, труп казненного исчезал в морской пучине. Падкая до экзотических побасенок дореволюционная периодика полна подобных рассказов. [55 - 56]

Предполагали также, что в Диван-хане располагались приемные покои дворца. Подкрепление этой версии ограничивается, пожалуй, превосходным рисунком Г. Гагарина, где на фоне Диван-хане кейфует шах со своими приближенными, а через портал выбегает слуга — нукер с блюдом дымящегося плова. Выдвигались и предположения, что Диван-хане служило своего рода присутственным местом — государственной канцелярией или казначейством. Версии эти рушатся при внимательном ознакомлении

с памятником, который, как нетрудно убедиться, совершенно не приспособлен, ни для того чтобы служить местом вершения правосудия, ни государственной канцелярией, ни финансовым „ведомством”, ни тем более приемными покоем. Вся организация внутреннего пространства с небольшим — всего 16 кв. м — памятным залом в центре и находящимся под ним подземным склепом говорит, что перед нами мемориальное сооружение. Это назначение Диван-хане подтверждает также содержание коранической надписи, начертанной над главным входом, который ведет из „сеней” в памятный зал: „Аллах призывает к обители мира и ведет, кого пожелает, к прямому пути! Тем, которые добродетельны, — доброе и придача; и не покрывает их лица пыль и унижение. Это — обитатели рая, в нем они пребывают вечно”.

Памятник чрезвычайно своеобразен, и до недавнего времени считалось, что он не имеет аналогии. Однако аналогии его колоннаде и центральному павильону можно встретить, хотя их и немного. Напомним характерное грубоватое изящество трактовки архитектурных элементов портика Орта-капу в Дербенте (XIV—XV вв.) или архитектуру открытой колоннады мавзолея Баяндара в Ахлате, построенного зодчим Баба-джаном (1477—1478), и в особенности гробницы Сикандара Лоди в Дели (1518), являющейся своего рода копией павильона Диван-хане.

Несомненными параллелями Диван-хане являются сравнительно немногочисленные комплексного характера мемориальные сооружения, объединяемые не столько чертами внешнего сходства отдельных архитектурных элементов, подчас вообще отсутствующими, а целостностью необычной пространственной структуры. Существо ее характеризуется размещением самого погребального сооружения — мавзолея — в композиционном центре небольшого замкнутого дворика, с ведущим в него 56 архитектурно подчеркнутым входом — порталом. Наиболее [56 - 57] близки Диван-хане великолепный мавзолей в Терджане, примерно в 90 км от Эрзерума, построенный зодчим Абул-л-Май-амином Муфаддалем из Ахлата (1247), и мавзолей более позднего мемориального комплекса в селении Калахана Шемахинского района (XVII в.). Пока не установлено, какими обрядами порождена подобная структура. Можно лишь полагать, что ее истоки связаны с домусульманскими культами, вероятно, неосознанно проявившимися в значительно более поздние времена и далеко не повсеместно.

Впечатление, которое производит Диван-хане — этот шедевр архитектурного искусства, несколько напоминает приподнятость настроения, вызываемого знаменитым ансамблем Шах-и Зинда в Самарканде. И нет нужды в том, что очарование Шах-и Зинда поддерживает великолепие многоцветных изразцовых облицовок, а в Диван-хане — вязь орнаментальных плетений, нанесенных на однотонный камень. В Диван-хане покоряет тектоническая логика пространственных композиций, органичность связи архитектурных конструкций и форм, монументальность которых оттенена изумительной тонкостью украшающего их „дивного узорочья”.

Убранство Диван-хане поражает неистощимостью фантазии, оригинальным исполнением художественной резьбы, продуманной целостностью замысла. Понятно, почему так высоко славилась азербайджанские каменосечцы, которых — по сообщению упоминавшегося Шереф-ад-Дина — в это время можно было встретить в том же Самарканде.

Время сооружения Диван-хане неизвестно. Можно лишь предполагать, что строилось оно в самом конце XV века, при ширваншахе Фаррух-Иссаре, а военные события этого времени (захват Баку войсками сефевидов) не позволили его закончить. Об этом говорит незаконченность убранства ряда элементов. Обрамления ведущих в зал входов и капители колонн павильона свидетельствуют о том, что отделочные работы, которые велись на месте, внезапно были прекращены.

Нижний двор, на котором находятся дворцовая мечеть с минаретом и усыпальница ширваншахов, обладает совершенно иным обликом. Он состоит из двух небольших участков, несколько камерных по своему характеру. Первый из них образован глухой стеной и обращенными к нему главными фасадами [58 - 59] мечети и усыпальницы, а второй замкнут боковыми фасадами этих же зданий.

Архитектура мечети, выстроенной в начале XV века, очень строга, что отличает ее от иных сооружений ансамбля, в частности от рядом расположенной усыпальницы с ее великолепным порталом. И, тем не менее, а может быть, именно поэтому, образ мечети надолго сохраняется в памяти. Композиция ее архитектурных масс, кстати, превосходно просматривающаяся с Верхнего двора, основана на эффекте сопоставления лаконичных, геометрических четких объемов порталов, круглящихся куполов и вертикали минарета, причем все они отличаются тщательно выисканными пропорциями.

Фасады мечети лишены какого-либо убранства. Исключением является лишь минарет, построенный несколько позднее, в 1441 году. Стройность его ствола, изящество элементов развитого сталактитового карниза, поддерживающего щэрэфэ, и прихотливое начертание окольцовывающей ствол строительной надписи служат иллюстрацией мастерства, с каким зодчий владел, в общем, не очень податливым материалом — бакинским известняком. Сравнение минарета с его предшественниками — минаретами мечети Мухаммеда и шиховской мечети — подтверждает жизненность вошедшего в традицию типа архитектурного сооружения, характеризуя одновременно эволюцию художественных форм и рост эстетических запросов.

Мечеть невелика. В ее компактном плане привлекает продуманность организации внутреннего пространства. Доминирует в нем двусветный молельный зал, покрытый хорошего рисунка куполом, со слегка заостренной макушкой. Кибла — обращенная к Мекке сторона — отмечена скромным михрабом. Небольшой участок пола перед ним устлан бирюзовыми поливными плитками и огорожен невысокой каменной решеткой. Строгую гладь стен зала оживляют лишь резные каменные решетки, которыми забраны небольшие оконные проемы.

В зал ведет северный, главный портал, обращенный к усыпальнице. Но ширваншах и его приближенные, спустившись из Верхнего двора крытым проходом, проходили в мечеть иным, восточным входом, также подчеркнутым порталом, только несколько меньших размеров.

В западной части мечети находится односветный молельный зал, предназначенный для женщин. В него вел малоприметный, [61 - 62] ничем не выделенный вход, обращенный к внутреннему двору. Двор этот был связан с территорией, на которой, видимо, располагались хозяйственные сооружения дворцового комплекса.

В здании усыпальницы много принципиально общего с мечетью — ясность организации плана, также нашедшая свое выражение в пространственной композиции, основанной на сопоставлении простых архитектурных объемов. На гладком призматическом массиве выделяется лишь объемно и декоративно подчеркнутый портал, один из лучших в зодчестве средневекового Азербайджана. Он эффектно вырисовывается на фоне слегка орнаментированной поверхности купола.

Строй членений портала сходен с порталом Диван-хане. Как будто бы одни и те же элементы — несложно профилированная рама внешнего обрамления, опирающийся на пояс сталактитов дольчатый полукупол, филенки с декоративными надписями, орнаментальное убранство тимпанов и других свободных плоскостей и входной проем. Однако каждый из порталов несет черты творческой индивидуальности автора. Имя создателя портала усыпальницы известно: в орнаментальную вязь узора каплевидных медальонов тимпана искусно вплетено имя Али и профессиональное звание — ме'мар (архитектор).

По-разному прорисованы в обоих порталах детали полукуполов и элементы сталактитов, различно начертание декоративных надписей, но разница трактовки сходных по назначению форм обнаруживается разительнее всего в убранстве тимпанов. В Диван-хане это сложная вязь орнамента, композиция которого из-за обилия затейливо переплетающихся растительных мотивов, к тому же условно трактованных, воспринимается не без труда. В убранстве тимпана тюрбэ композиционная ось воспринимается, напротив, очень отчетливо. Ею служит как бы случайно оброненная ветвь, подчеркнуто реалистически трактованная.

В орнаментальном убранстве памятников азербайджанского зодчества мотив этот, кстати, больше не встречается.

Также индивидуальна и трактовка архитектурных форм интерьеров тюрбэ, хотя прием архитектурной организации пространства, по сути, тождествен. В центре композиции, как и в мечети, большой купольный зал, по оси которого расположены глубокие сводчатые ниши. Углы между ними также заняты [62 - 64] служебными камерками. И, тем не менее, интерьеры эти все же различны. Здесь проявилась характерная для средневекового зодчества черта — разнообразие трактовки и совершенствование не только вошедших в традицию, но даже канонизированных композиционных приемов и архитектурных мотивов.

Женщины проходили в свою молельню из удаленной части Нижнего двора, связанной с участком, на котором сохранилась часть служебных сооружений — баня и водохранилище. Расположение этих сооружений и окружившие их значительно более поздние строения не позволяют оконтурить территорию, принадлежавшую дворцу. Также трудно ответить на вопрос, обслуживали они

только его обитателей, или же удовлетворяли нужды жителей прилегавшего района. Можно лишь предполагать, что баня была действительно дворцовой, а овдан — один из самых крупных в Крепости — снабжал питьевой водой одновременно и весь окрестный район. Предположение это подтверждает находящаяся рядом небольшая, построенная в XIV веке Чин-мечеть, обслуживавшая, видимо, жителей близлежащего района, деятельность которых была теснейшим образом связана с жизнью дворца. Мечеть ничем не выделяется среди других квартальных мечетей Крепости, и вряд ли входила в состав дворцового комплекса. По мнению старожилов, наименование ее связано с керамическим убранством михраба, которое некогда служило украшением ее скромного, однозального интерьера.

Баня расчищена от завалов, и консервация нижних рядов кладки стен позволяет восстановить ее внутреннюю планировку. Сопоставление этой бани с находящейся неподалеку от Девичьей башни, хорошо сохранившейся и совсем недавно еще функционировавшей баней примерно того же времени — Хаджи-хаммам, говорит об однотипности приемов организации плана, отопительной системы и внешнего облика.

Как и подавляющее большинство бань стран Востока, дворцовая баня была заглублена в землю, и снаружи виднелись только входной портал и купола больших залов. Макушки их завершались дырчатými фонариками, служившими для проветривания. Из вестибюля — раздевальни посетитель попадал в просторную мыльню, где имелся бассейн для общего омовения. Примыкавшие к мыльне большие и малые помещения предназначались для всяких процедур, требовавших различной [64 - 67] температуры. Неожиданные на первый взгляд повороты оси, объединяющей помещения, предохраняли их от проникновения холодного воздуха. В одной из последних камер находился резервуар с горячей водой. Топливник под ним служил для обогрева всех помещений бани. Разветвленной системой жаропроводящих каналов, напоминающей систему отопления античных бань, обогревались подполье, лежанки и стены.

Старинная фотография запечатлела невзрачный внешний облик дворцовой бани, кроме размеров ничем не отличавшейся от большинства бакинских и апшеронских бань этого времени. Сдержанным было, видимо, и убранство ее интерьеров. Искусство зодчего в данном случае определялось не столько импозантностью наружного вида здания, сколько хорошим соотношением внутренних объемов и рациональностью решения сложного комплекса инженерно-технических вопросов. Сооружение бань, поэтому поручалось обычно наиболее квалифицированным архитекторам, и не случайно, что в строительных надписях некоторых из них встречаются имена зодчих, так же как их содержат строительные надписи наиболее значительных культовых и мемориальных сооружений. Из такой надписи, в частности, мы узнаем, что баня XIV века в селении Нардаран построена Гуштасифом сыном Мусы.

Водой баню снабжал расположенный вблизи овдан. Как и большинство сохранившихся до наших дней овданов, он представляет собой находящееся глубоко под землей просторное водохранилище, вентилировавшееся при помощи специальной вертикальной шахты. К водохранилищу можно было спуститься по пологой лестнице, перекрытой „ползучим” стрельчатым сводом. Овдан питался водой, поступавшей из хорошо содержавшегося подземного водопровода-кяхриза, водозаборные сооружения, которого находились довольно далеко от города. Состояние водоводов, их разветвленность, тщательность выполнения, отстойные и иные сооружения невольно заставляют вспомнить неоднократные восхищения западноевропейских путешественников благоустройством городов Востока.

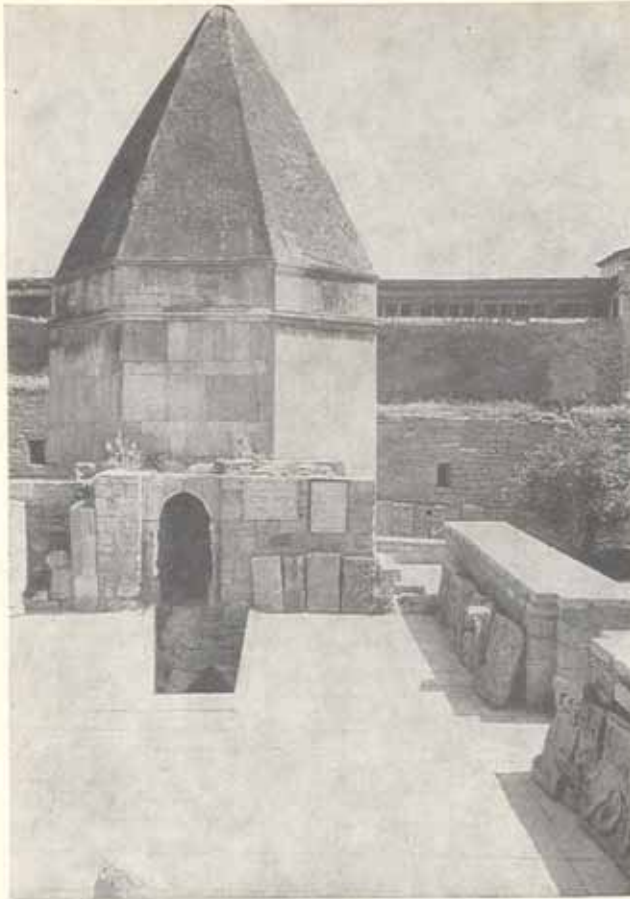
Территория с баней и овданом прилегает к внутренним крепостным стенам, и трудно допустить, что между этими стенами и дворцовым комплексом находились какие-либо другие сооружения, кроме ему же принадлежавших служебных. Возможно, что именно эти стены частично оконтуривали и дворцовый участок. [67 -68]

Возвратимся, однако, из Нижнего двора в Средний. Назначение дворов ансамбля продиктовало характер архитектуры окружающей их застройки. И понятно, что Нижний двор своей замкнутостью и интимностью отличается от Верхнего, значительно более открытого, просторного и, главное, „представительного”. Характер Среднего двора установить нелегко, так же как и определить его первоначальные границы. Как уже говорилось, стены с бойницами для огнестрельного оружия, которыми обрамлена его территория, возникли не ранее XIX века и вряд ли связаны с первоначальной конфигурацией участка. Не помогли решению этого вопроса и археологические раскопки, которыми

были обнаружены остатки жилых строений примерно VIII—IX веков, а также немало фрагментов более поздних стен, шедших в различных направлениях и принадлежащих разновременным сооружениям неизвестного назначения.

В застройке Среднего двора в настоящее время главенствует здание дворца. Глухой массив его прорезан несколькими небольшими оконными проемами и двумя малозаметными входами в служебные помещения нижнего этажа. От древней мечети, так называемой мечети Кей-Кобада (XIII в.), находившейся на расстоянии немногих метров от дворца, сохранились лишь остатки наружных стен и базы колонн, поддерживавших купол. Мечеть погибла в 1918 году во время пожара. Скромный облик ее известен по эскизному обмеру А. Павлинова. В XV веке рядом был построен Мавзолей дервиша, по восточной традиции с нею соединившийся. В нем был погребен „отличавшийся ученостью” придворный астроном Сейид Яхья Бакуви. Кроме того, во двор выходит небольшой объем восточных ворот. Это последнее сооружение ансамбля, построенное в 1585 году, во время кратковременного захвата Баку турками.

Среди сохранившихся зданий Среднего двора наиболее интересен мавзолей, который принадлежит к лучшим образцам мемориального строительства северных областей Азербайджана. Пространственная композиция его несложна — восьмигранный корпус приятных пропорций завершен остроконечным пирамидальным шатром. Ценна выразительность, достигнутая простыми средствами и высокой архитектурно-строительной культурой. В облике мавзолея „работает” все: и чередование разнящихся по высоте, цвету и фактуре рядов кладки, и тонкость выполнения немногочисленных архитектурных деталей — [68 - 70] каменных решеток в небольших окнах, и несложно профилированного карнизика, и изящество оплетающего поверхность внутреннего купола репейчатого узора, выполненного в технике, близкой сграффито. И, наконец, курватыры — устранения кажущегося искажения горизонтальных или вертикальных линий.

Мавзолей дервиша

В некрополях Азербайджана — Шемаха, Хазры и т. д. — можно встретить немало мавзолеев, очень сходных по своему архитектурному строю с Мавзолеем дервиша. И все же Мавзолей дервиша выделяется изысканностью пропорций, тщательностью прорисовки и выполнения деталей.

Ворота, ведущие на дворцовую территорию с востока, представляют собой самостоятельно стоящий каменный портал, ни с какими сооружениями не связанный. Помещенная в центре декоративная надпись гласит, что это „благородное здание” построено по повелению некоего Улу Раджаб-бабы Бакуви в 994 году хиджры (1585—1586). Архитектура портала близка ранее сооруженным порталам тюрбэ и Диван-хане. Однако трактовка даже сходных элементов в них совершенно различна. Разница эта вызвана иным назначением портала, а не только творческой индивидуальностью его создателя. Порталы Диван-хане и тюрбэ принадлежат [70 - 71] зданиям интимного характера, в то время как эти ворота вели в открытое пространство двора. Этим объясняется и непривычно широкий проем портала, и сравнительно крупный масштаб архитектурных форм, и отсутствие сложных и дробных орнаментальных узоров, хорошо воспринимающихся с близкого расстояния.

Портал очень красив, и, сравнивая все три, по сути однотипных портала ансамбля, трудно отдать какому-либо предпочтение. Каждый хорош в своем роде, и иллюстрируют они, пожалуй, не столько эволюцию художественного развития, сколько многообразие трактовки в известной мере канонизированной архитектурной формы.

Почти все здания ансамбля анонимны, известны имена лишь строителей тюрбэ и восточных ворот. „Подпись” автора последних обнаружить также нелегко. Она расчленена, и обе ее части малоприметны в убранстве сталактитов, поддерживающих конху полукупола.

Строитель ворот, Амиршах, был родом из Валянкуха — пригорода Тебриза. Зодчему из южных областей Азербайджана, где преобладало строительство из кирпича, довелось строить в Баку, известном

традициями каменного зодчества. Амиршах превосходно справился со своей задачей. Это говорит о принципиальной близости композиционных приемов и художественных форм, распространенных как в южных, так и северных областях страны. Жизненная сила этих традиций ощутима и тогда, когда азербайджанским зодчим приходилось работать далеко от родных краев. Убеждает в этом и родство порталов бакинского ансамбля с мраморной вставкой портала самаркандской мечети Биби-ханым, в строительстве которой участвовали упоминаемые Шереф-ад-Дином каменосечцы из Азербайджана, вероятнее всего из Ширвана, а возможно, из самого Баку.

Что же более всего привлекает внимание и запоминается в художественном образе зданий дворцового ансамбля? Исследователями неоднократно отмечалось в качестве отличительной его черты выразительность пространственных композиций, построенных на смелом сопоставлении лаконичных, геометрически четких объемов. Не менее интересна ясность инженерной мысли, отразившаяся в конструктивности архитектурных форм и основанная на превосходном знании технических возможностей местного строительного материала. [71 - 72]

Но обычно более всего восхищает, и, пожалуй, не только неискушенного туриста, но и знатока-искусствоведа, изумительное богатство архитектурного убранства, мастерство включения его в композиционный строй зданий, неистощимость фантазии в хитросплетениях орнаментальных узоров, подлинная виртуозность выполнения, раскрывшая неожиданные пластические свойства, которые таятся во внешне неказистом, однотонном, твердом, а иногда и хрупком бакинском известняке.

Немало стран мусульманского Востока издавна славится своим архитектурным орнаментом, который стал неотъемлемой частью художественного образа „восточных” сооружений. Искусство ширванских мастеров художественной резьбы по камню, украсивших здания ансамбля, сравнительно мало известно, но заслуживает самой высокой оценки. Вызывает восхищение и четкость построенных на геометрической основе орнаментов — гирихов, и живописность различно трактованных, то стилизовано-условных, то реалистических, орнаментальных растительных мотивов — ислими, нередко заимствованных в местной флоре, и декоративная вязь затейливо орнаментализованных лапидарных надписей.

Представить реальные трудности выполнения декоративного убранства ансамбля и по достоинству оценить искусство его [72 - 73] создателей можно лишь пристально в него взглядевшись и сопоставив орнаментуку различных зданий. Тогда невольно обращаешь внимание не только на филигранную точность художественной резьбы, но и подмечаешь тщательную продуманность всего процесса работ, вплоть до обязательного подбора пород камня необходимых качеств, в зависимости от условий работ и конечной цели. В одних случаях элементы убранства высекались прямо на месте, на уже установленных каменных болванках. В других отдельно заготовленные каменные плиты, покрытые тончайшим орнаментом, крепились на заранее предусмотренных местах вчерне сложенного массива здания. В Диван-хане, например, капители и базы колонн павильона декорировались на месте, а орнаментированные плиты ведущих в зал входных проемов или портала устанавливались готовыми. Показательно, что во всем невероятном многообразии ювелирно тонкого убранства зданий ансамбля нет следов даже самых мелких исправлений.

Из множества поэтических сопоставлений зодчества с произведениями других искусств к архитектурному убранству ансамбля больше всего подходит сравнение с „застывшей” симфонической музыкой — ярко самобытной, талантливо оркестрованной и надолго запечатлевающейся в памяти.

Изысканное великолепие орнаментального убранства, неизменно отличавшее ширванскую архитектурную школу, в немалой мере определяло высокую репутацию ее зодчих, в том числе и бакинцев. Распространение этого искусства отнюдь не ограничивалось пределами больших городов. Отметим хотя бы стилистически близкую убранству дворцового ансамбля тонкую орнаментальную вязь декоративного фриза известной скальной гробницы в селении Мараза, неподалеку от Баку, сохранившую имя ее автора „каллиграфа” Дервиша.

Дворцовый ансамбль создавался не одновременно, и общего плана строительства его не было. Здания ансамбля возникали по мере необходимости, к ранее возведенным пристраивались новые, подсыпками и подпорными стенами расширялась сама территория и т. д. Тем не менее, это великолепный образец ансамбля, целостность которого достигнута живописной расстановкой единомасштабных архитектурных объемов, создающих вереницу последовательно раскрывающихся

панорам, [73 - 74]тождественностью художественного стиля, не исключавшего яркой индивидуальности каждого компонента.

Представление о подлинном масштабе ансамбля дает рисунок Д. Гримма, выполненный в середине прошлого столетия. Для современного Баку масштаб этот крайне невелик. Но без учета достижений азербайджанского зодчества в дворцовом ансамбле путь последующего художественного развития страны, и в частности Баку, понять невозможно.

Укрепление власти ширваншахов и централизация ее в Баку сказались на строительстве, которое велось в XV веке на Апшероне. Сооружение замков, принадлежащих феодальным родам, прекращается. Ранее выстроенные замки теряют свое былое военное значение. Это подтверждает строительство и большой мечети Туба-шахи около замка XIV века в селении Мардакян, и одной из летних резиденций ширваншахов, так называемой Ханской дачи в непосредственной близости от замка в селении [74 - 75] Нардаран. Меняется и характер архитектуры. Господствовавший на Апшероне суровый стиль феодальных замков уступает место архитектуре, характерной для городов Ширвана, в первую очередь Баку.

Но среди многочисленных памятников зодчества, сохранившихся не только в Баку, но и по всему Азербайджану, одним из наиболее своеобразных и совершенных по-прежнему является дворцовый ансамбль, архитектура которого воплотила лучшие черты художественного стиля, сложившегося в эту эпоху в северных областях страны.

В 1501 году, после длительной осады, Баку был взят штурмом Хулафу-беком, одним из военачальников сефевидов — ардебильских шейхов, ожесточенно враждовавших с ширваншахами. Жизненно важные центры страны постепенно перемещаются в ее южные области, и развитие Баку на довольно длительное время приостанавливается. Сокращается объем строительства, которое в нем велось.

Территорию города по-прежнему ограничивает ранее сложившийся пояс крепостных стен. Зданий, обладающих значительной художественной ценностью, строится немного, да и отношение к ранее построенным, в том числе и дворцовому ансамблю, показательно. В конце XVI, а возможно, что и в XVII веке, он был еще обитаем, о чем говорит, кстати, строительство восточных ворот ансамбля, в надписи которых упомянут турецкий султан Мурад III, чьи войска некоторое время занимали Баку. Впоследствии же многие путешественники отмечают печальное состояние большей части дворцовых сооружений.

Баку XVII века хорошо характеризует описание в „Сийахет-наме" („Книга путешествий”), сочинении знаменитого турецкого путешественника Эвлии Челеби. В Баку он был дважды, в 1647 и 1666 годах, и его рассказ о городе, один из самых обстоятельных, позволяет восстановить многие черты не только внешнего облика Баку, но и городской жизни.

„Крепость Баку, — сообщает Челеби, — красивая крепость четырехугольной формы, воздвигнутая на высоком холме, на берегу моря Хазер во владениях шаха Дария (то есть Персии) напротив владений московского короля. В ее внутренней крепости [75 - 76] имеются одни, обращенные на восток, ворота. Они из нахичеванской стали. Окружность ее составляет семьсот шагов. В ней семьдесят башен и шестьсот зубцов на стенах. Высота стен — сорок мекканских локтей. Рва нет, ибо расположена она на горе. Внутри крепости имеется до семидесяти крытых земель старых домов. Есть и одна соборная мечеть Хайдар-паша; минарета у нее нет. Постоялого двора, бань и тому подобного и следа нет.

А на берегу моря расположен огромный рибат — благоустроенный город, в котором есть до тысячи домов, сады и огороды, соборные мечети, постоянные дворы и бани, рынки и базары. В стенах, защищающих его с трех сторон, имеются трое ворот. На юг открываются Гилянские ворота, на север — ворота крепости Баб ал-Абваб (Дербентские), а на восток — к берегу моря — Гаванные ворота. Из этого рибата выглядывают семь больших минаретов. Самая приятная из имеющихся трех бань — баня Мирза-хана. Рынки и базары его не очень роскошны”.

Продолжая свое описание, Челеби сообщает, что „Баку является портовой пристанью Шемахи. Из Чина, Хатая и Хатана, из городов Фагфур - или и Зенана, из калмыцкой и московской земель послы и караваны постоянно привозят сюда товары. Постоянно приезжая в Баку, москвиты покупают в Баку и увозят в Москву: соль, нефть, шафран и шелк. Приходящие сюда московские послы остаются

заложниками. Из Московской земли в Персию, главным образом через Баку, реже через Гилян вывозят: соболей, рыбий зуб (моржовые клыки) серую белку и юфть.

В нахие (районе) Баку есть некие бесплодные места. Если человек или конь, вставши на них ногами, немного постоит, то ноги его начинают гореть. Караванщики раскапывают в этих местах землю, ставят внутрь кастрюли, и от жара земли пища в них в одно мгновение варится. Удивительна мудрость бога!”

Некоторые данные Челеби преувеличены. Но обычные для него элементы явного вымысла не нарушают общей достоверности. Особенно интересна упоминаемая им отдельно стоящая крепость, местонахождение которой до сих пор не установлено, но которая обозначена на некоторых планах города XVIII—XIX веков. [76 - 77]

Несколько позднее, в 1683 году, в Баку побывал немецкий врач и естествоиспытатель Энгельберт Кемпфер, также составивший описание города и сопроводивший его едва ли не первой зарисовкой общего вида. Кемпфер писал, что „город Баку имеет фигуру почти правильного квадрата, у которого одна сторона более вытянута, каждая сторона имеет в длину тысячу шагов и даже несколько более”. По его сообщению, „две стороны города омываются морем: одна, которая представляет порт, другая, которая обращена к открытому морю, две другие стороны обведены рвом, высеченным в скалистом грунте города. Он окружен двойными стенами, на расстоянии пятнадцати шагов одна от другой, из них внутренняя значительно выше внешней, в стене много полукруглых башен, по верху стены зубцы. Стены, которые обращены к морю, кирпичные, а остальные глинобитные. Двойные ворота в северной стене обиты железными листами. Со стороны гавани трое ворот, для более удобного доставления товаров. Рейд отмечают двойные стены города, обращенные и протянутые еще дальше в море и как бы параллельные берегу”.

Кемпфер довольно подробно описал наиболее примечательные сооружения города, особое внимание, уделив „выстроеному с царственной роскошью и необыкновенным великолепием” дворцу, а также Девичьей башне, мечети, караван-сарая и крепостным воротам.

Зарисовка Кемпфера не очень точна, как большинство подобных рисунков-схем того времени, выполнявшихся, как правило, по памяти. Однако она дает представление о застройке города и месте, которое в ней занимали наиболее примечательные и капитальные сооружения. Сопоставление рисунка Кемпфера с более поздними, в первую очередь с зарисовкой С. Г. Гмелина 1769 года, при всей условности и своеобразии манеры исполнения каждого, позволяет отметить некоторые общие черты, восстанавливающие характерные особенности внешнего вида и планировочной структуры города.

Чем ближе к нашему времени, тем больше и больше описаний Баку встречается в географических и иных сочинениях. Они составлены людьми многих профессий, посещавшими город с самыми различными целями. Среди них были служившие в различных торговых компаниях негоцианты, путешественники, врачи, участники военных походов и члены посольских [77 - 78] миссий, русские и иноземные ученые — Дэкет Джефри (1573), Христофор Бэрроу (1580), Питер Анри Брюс (1723), Джон Кук (1747), Самуил Готлиб Гмелин (1769), Джордж Фостер (1784), ... Внимание каждого, естественно, привлекали достопримечательности города, и среди них первое место по-прежнему принадлежало источникам нефти и „вечным огням”, вокруг которых жили паломники, в основном индийцы.

Однако, как уже отмечалось, с начала XVII века подавляющее большинство авторов указывает, что дворец сильно поврежден и находится в запустении, как и некоторые другие сооружения города, в частности Сынык-кала, пострадавшая в 1723 году во время артиллерийского обстрела петровской эскадрой.

Весь этот период, вплоть до окончательного вхождения северных областей Азербайджана в состав России, насыщен военными и политическими событиями, которые никак не могли способствовать развитию города вне пределов крепостных стен, обеспечивавших известную безопасность его населению. [78 - 79]

Напряженность обстановки создавалась длившимися с переменным успехом персидско-турецкими войнами, одной из главных целей которых был захват Азербайджана. Обстановка осложнялась и экспедициями русских войск в прикаспийские области, а также походами Степана Разина в Персию, во время которых вольница его останавливалась неподалеку от Баку. В народной памяти до сих пор живы легенды, сложившиеся вокруг пещеры, расположенной неподалеку от поселка, носящего ныне имя Разина. Здесь якобы некогда был разбит стан атамана. Не менее характерно и наименование

одного из островов прибрежной полосы — Дуванный, на котором казаки будто бы „дуван дуванили”, то есть делили добычу, возвращаясь из удачного похода.

События эти накладывали отпечаток на все области хозяйственной, политической и культурной жизни страны, отнюдь не содействуя их развитию. Резко снижается удельный вес городов. Население их, в том числе и Баку, в XVIII веке не превышало 5—7 тысяч человек. [79 - 80]

Серьезные изменения происходят в самом Баку. В целом внешний его облик существенных изменений не претерпевает, но центр городской жизни переместился к берегу моря, и резко меняется характер застройки. В XV, да и XVI веке центром города — архитектурным и общественным — был район дворцового ансамбля. Его здания, расположенные к тому же на господствовавшей возвышенности, доминировали в общем плане и внешнем облике города. В XVIII—XIX веках ансамбль свое былое значение полностью утратил: многие его здания были повреждены, а сам дворец представлял собой необитаемые руины. В это же время вдоль прибрежной полосы строится большое количество торговых, складских и иных сооружений, размещение, объем, и само назначение которых свидетельствуют о том, что в жизни города его торговые связи продолжают играть большую роль, что он по-прежнему является важнейшим портом на Каспии.

Характерны изменения, которые происходят в городской застройке. Очень показателен возникающий в это время в районе Шемахинских ворот обширный комплекс жилых помещений, приемных покоев и всевозможных служб, принадлежавший бакинским ханам. По своему объему этот дворцовый комплекс превышает ансамбль ширваншахов, а помещения его несоизмеримо более благоустроены. Однако художественной ценности комплекс этот не представляет. Расположение и облик его строений говорят о том, что при возведении их градостроительные и архитектурно-художественные вопросы, видимо, и не возникали. Дело не в том, что здания комплекса начисто лишены какого-либо архитектурного убранства. Подчеркнуто утилитарные, они совершенно лишены той выразительной импозантности, которая присуща всем, даже наиболее скромным сооружениям ансамбля ширваншахов. По сути, это не дворцовый комплекс, а по тому времени хорошо благоустроенная вместительная усадьба, с продуманным планом, объединяющим многочисленные различного назначения помещения, группирующиеся вокруг нескольких дворов.

Однако современники отмечали „чисто восточную роскошь” убранства главных залов этого обширного комплекса. „Особую драгоценность — по их словам — составляли исторические картины, писанные весьма искусно на стенах масляными красками и потом раззолоченные”. Эти росписи, видимо, напоминали [80 - 82] известные росписи приемных покоев дворцового комплекса ханов Шеки.

Такие же явления наблюдаются и в архитектуре общественных зданий этого времени. Оживление Волжско-Каспийского торгового пути способствовало строительству караван-сараяв, размеры которых подчас были весьма значительны в сравнении с караван-сараями предшествующего периода. Строились они преимущественно вдоль берега моря. В это время сложился, в частности, крупный торговый комплекс, объединявший группу функционально связанных сооружений — караван-сарай, складские помещения — своего рода пакгаузы, торговые ряды и даже небольшую мечеть.

Многие караван-сарайы были связаны с землячествами купцов, караваны которых, по издавна установившейся традиции, располагались на постой преимущественно в заранее облюбованных, а иногда даже специально строившихся подворьях. Отсюда и сохранившиеся наименования караван-сараяв — мултани, или индийский, бухарский, армянский, лезгинский и ряд других, говорящие об оживленных торговых отношениях Баку со многими странами и городами.

Строившиеся в то время караван-сарайы, независимо от их размеров, можно условно разделить на две группы — придорожные и городские. Придорожные караван-сарайы отличались от городских тем, что длительное время сохраняли некоторые черты, присущие оборонительным сооружениям. Расположенные же в рядовой городской застройке караван-сарайы XVII века среди нее почти ничем не выделялись, кроме своих размеров и порталного характера входов. Внешний их облик малопримечателен, гладь глухих стен лишь в одном месте оттенена скромным порталом. Объем портала, незначительно выступающий из плоскости стены, прорезан глубокой стрельчатой нишей. От былого великолепия порталных композиций ничего не заимствовано, и показательно, что входы в караван-сарай, баню и даже обиталище самого бакинского хана ничем, по сути, не разнятся. Они одинаково лишены какого-либо убранства и отличаются только размерами проема: в бане он невелик, а в караван-сараяе рассчитан на проход навьюченного верблюда.

Однако приемы организации внутреннего пространства не изменились. В основе их попрежнему лежит традиция, повсеместно [82 - 83] распространенная на Востоке, и в силу своей рациональности глубоко укоренившаяся. Просторный, обычно прямоугольный внутренний двор, с небольшим водоемом

— хаузом в центре, по периметру обстроен одинаковых размеров небольшими двухкамерными комплексами. Во двор обращены их айваны, стрельчатые проемы, которых образуют аркаду. Айваны соединены с небольшими сводчатыми помещениями, служившими для хранения товаров. В наиболее крупных караван-сараях, как, например, в хорошо сохранившемся армянском, помещения располагались в два этажа. В подобных случаях помещения верхнего яруса объединяла общая открытая галерея, на которую вели лестницы, расположенные в углах здания. Таковы караван-сарай индийский, или мултани, армянский, бухарский и другие, сохранившиеся до наших дней неподалеку от Девичьей башни.

За последние годы в Баку возникли новые жилые районы, которые позволили приступить к решению давно назревшей проблемы — радикальной реконструкции Крепости. Значительная часть ее нынешних обитателей переселяется в новые жилые массивы, для остающихся создаются условия быта, отвечающие современным потребностям. Территорию Крепости освобождают от ветхих, лишенных каких-либо достоинств строений, открывая доступ к памятникам зодчества, обладающим непреходящей художественной или историко-культурной ценностью.

Однако постройки, сохранившиеся на поверхности земли, не исчерпывают возможности создания реального представления об архитектурном облике феодального города. В разновременных письменных источниках упомянуто немало монументальных сооружений, местоположение которых до сих пор не установлено. Неоднократно высказывавшиеся предположения, что в процессе реконструкции Крепости раскроется ряд неизвестных и интересных страниц архитектурной истории средневекового Баку, подтверждаются. Несколько лет назад экскаватор, расчищая участок около Девичьей башни, наткнулся на остатки сооружения большой историко-архитектурной значимости. Открылся хорошо сохранившийся фрагмент колоннады, напоминающей великолепную аркаду Диван-хане. От завалов и многолетних наслоений впоследствии было освобождено, а затем в значительной мере восстановлено здание рынка, просторный [83-84] внутренний двор которого обрамлен стрельчатой аркадой — айваном.

На планах Крепости, составленных русскими топографами в середине прошлого столетия, рынок этот обозначен, и его местоположение на чертежах совпадает с недавно выявленным сооружением. В свое время, вероятнее всего в XVII веке, он входил в комплекс общественных и торговых сооружений, обычный для окружения неподалеку находившейся мечети. Среди них была и почти примыкающая к рынку баня Хаджи-хаммам, интересная не только продуманностью развитого плана, но и довольно эффектным входным порталом, хороших пропорций и строгого рисунка. Значительная часть портала до недавнего времени была погребена под землей. Входили в этот комплекс, видимо, небольшая мечеть, а также зорхане — здание, служившее для атлетических соревнований. Оно не сохранилось, и мы знаем о нем лишь по рассказам старожилов.

Обнаруженный рынок ценен не только тем, что это единственное известное нам здание подобного рода, хотя в те времена сходного вида торговые ряды, видимо, были нередки. Важно также то, что колоннада Диван-хане, недавно еще считавшаяся в зодчестве средневекового Азербайджана едва ли не единственным и нехарактерным примером применения отдельно стоящих колонн в условиях высокой сейсмичности, оказывается, имеет параллели и в сооружениях общественного характера. Нельзя также не отметить изящества пропорций своеобразного ордера айвана, стройность стволов граненых каменных колонн, на которые опираются пять хорошо прорисованных арок, а также капители и базы колонн, украшенные тонкими, как бы гравированными узорами.

Продолжающиеся работы создают реальную возможность восстановления архитектурного облика непосредственного окружения Девичьей башни, являвшегося, видимо, одним из центров общественной жизни феодального Баку, причем на различных этапах его исторического бытия.

Пока еще накоплено недостаточно фактов, которые позволили бы в хронологической последовательности проследить эволюцию архитектурного облика этого центра общественной жизни средневекового Баку. Начало его было, видимо, положено одновременно со строительством самой Девичьей башни, [84 - 85] а в XII столетии, когда башня достраивалась и приобрела свой нынешний вид, значение его особенно возросло.

Значение этого центра, не исключавшего, кстати, существования других, в частности упоминаемого разновременными авторами так называемого майдана, расположенного несколько выше, определялось не только наличием Девичьей башни. У ее подножия образовался стык основных торговых магистралей, соединявших противоположные Шемахинские и Сальянские ворота, игравшие в жизни города едва ли не решающую роль. С верха башни и поныне довольно отчетливо прослеживается улица, некогда служившая внутригородским продолжением одного из наиболее оживленных торговых трактов, подводившего к Шемахинским воротам. На площади, которая сложилась у Девичьей башни

значительно ранее, эта ведущая торговая магистраль города круто поворачивала на запад, выводя к ныне малоприметным Сальянским воротам в наиболее древней части сохранившихся крепостных стен.

Со стороны Шемахинских ворот „устьем” площади служили расположенные напротив друг друга бухарский и индийский караван-сарай. В образованной их объемами узкой горловине [85 - 86] вырисовывался могучий массив башни, подчиняя себе всю обрамляющую площадь малоэтажную застройку. С левой, ближней к морю, стороны площади, ниже выхода материковой скалы, служившего основанием башни, стояла несохранившаяся небольшая мечеть, видимо, архитектурно маловыразительная. Справа располагалось здание рынка с обрамленной аркадой внутренней площадью. От него узким проулком отделена баня Хаджи-хаммам, напротив которой находится двухэтажный армянский караван-сарай и позднее пристроенная к нему небольшая церквушка, с несколько неуклюжей колоколенкой.

Около устья улицы, которая вела к противоположным — Сальянским воротам, размещался лишь фрагментарно сохранившийся обширный торговый комплекс — караван сарай и торгово-складские строения, вплоть до небольшой мечети, а, напротив, с правой стороны, было несколько небольших разновременных культовых зданий — Мектеб-мечеть и другие и выделявшаяся среди них размерами, коренным образом перестроенная в начале XX века Джума-мечеть, с эффектным минаретом.

Непрестанно нараставшие культурные слои резко изменили этот район — рыночная площадь, входной портал бани, не говоря уже о фасадах караван-сарая, оказались глубоко под землей, исказив подлинные пропорции зданий и изменив представления о застройке площади, сравнительно небольшой, но, видимо, жившей кипучей жизнью.

Мысленно восстанавливая первоначальное обрамление площади и, учитывая соотношение его компонентов с доминировавшей Девичьей башней, нетрудно представить, что пространство площади было не только архитектурно организованным, но и обладало определенной художественной целостностью.

Кроме оживленной по тому времени торговли, обусловившей перенесение центра городской жизни в прибрежную часть Баку и определившей интенсивность и характер строительства, которое здесь велось, город сравнительно немногим отличался от наиболее крупных селений Апшерона — Нардаран, Кишлы, Маштага и других. Именно в XVII веке в них строится довольно много мечетей и других сооружений, теснейшим образом связанных с ранее сложившимися традициями плановых решений, композиционных приемов и архитектурных форм. Здания эти, [86 - 87] по сути, ничем не отличаются от строившихся в Баку сооружений того же назначения.

Особняком среди культовых зданий Баку этого времени стоит знаменитая атешга — затерявшийся в хаосе строений старых Сураханов храм огнепоклонников, неизменно привлекавший всех приезжавших. В своих путевых записях его упоминают и А. Дюма, и А. П. Чехов, и М. А. Балакирев, и Д. И. Менделеев, и, разумеется, множество путешественников и ученых-ориенталистов, в разное время посещавших Баку.

Атешга — храм огнепоклонников. Рис. Г. Гагарина

В современном виде храм, точнее культовый комплекс, сложился не ранее XVIII века, возникнув на освященном традицией месте, издавна славившемся своими „вечными огнями”. Возможно, что именно этот район и имели в виду гунны. Они упоминают вздымавшееся пламя, которое привлекло их, когда [87 - 88] они возвращались прибрежным путем после одного из набегов на Персию.

Неправильный пятиугольник внутреннего двора окружен невысокой глухой стеной с небольшими зубцами. К ней пристроены низенькие и темные худжры-кельи, предназначавшиеся для паломников. Вход отмечен надвратной башенкой, второй ярус которой напоминает обычное для караван-сараев балахане — помещение для наиболее почетных гостей. Покрытые грубовато сложенными коробовыми сводами, кельи неравны по размерам. Их более двадцати, и, как все сооружение, они лишены какого-либо убранства. Почти во всех кельях вдоль боковых стен сохранились небольшие каменные лежанки, а в стене одной из наиболее крупных — каменные кольца-коновязи и каменные же кормушки для лошадей. Такие же коновязи встречаются и на наружных стенах. В центре двора находится само святилище — квадратный в плане павильон [88 - 89] с небольшим луковичеобразным куполом. На углах кровли павильона, так же как и на кровле балахане, стоят небольшие призмы каменных труб, служивших для выхода горевшего газа.

Прорезанные в стенах павильона большие проемы с полуциркульными арками раскрывают его внутреннее пространство. Через них можно было наблюдать огонь, некогда постоянно горевший в центре и служивший предметом поклонения.

В кладку стен атешги вмонтировано около двух десятков каменных плит, с нанесенными на них почерками „гурмукхи” и „нагара” индийскими надписями с незначительной примесью санскритских форм.

Уже в ранних упоминаниях памятник именуется атешга, то есть священное место гебров — персов-огнепоклонников. Под этим названием известен он и среди местного населения. Однако в описаниях современников, среди обитателей келий упоминаются, как правило, только индийцы, а тексты надписей подтверждают, что памятник, видимо, был связан с индийской колонией, существовавшей в Баку в начале XVIII века. Все надписи относятся к XVIII—XIX векам и содержат имена жертвователей. Но, памятуя давность и оживленность индо-бакинских торговых связей, можно полагать, что пункт этот в качестве священного места — тирса был известен индийским огнепоклонникам значительно ранее.

Все это, однако, относится больше к истории, причем не столько храма, сколько Баку. Сооружения всего комплекса, за исключением павильона, построены небрежно, и ясно, что эстетические вопросы мало волновали его создателей. Не поражает он ни своей древностью, ни величием архитектурного убранства, короче говоря, ничем из того, что столь присуще большинству средневековых бакинских памятников.

Во дворе храма уже не встретишь изможденных паломников из далекой Индии, которых в свое время запечатлели красочные описания И. Березина и рисунки Г. Гагарина; несколько померк и романтический ореол связанных с храмом преданий, и все же очарование этого пустынного, густо поросшего травой дворика, с его глухими стенами, с его входами в кельи, напоминающими отверстия пещер (в надписях они, кстати, так и [89 - 90] именуются гири-гуа, то есть пещеры), с его своеобразной архитектуры павильоном, огни которого вновь горят по вечерам, сохраняется на долгое время. Дело, видимо, не только в романтическом ореоле связанных с памятником преданий...

Внимание множества отечественных и зарубежных туристов, посещающих Баку, неизменно привлекают памятники многовековой архитектурно-художественной истории. Их, как видит читатель, немало, и трудно отдать какому-нибудь из них предпочтение, каждый интересен, и ценен по-своему — одни своими художественными достоинствами; другие самобытностью архитектурного облика; третьи историко-познавательным значением. Но среди них есть такие, с которыми нельзя не ознакомиться, даже при самом ограниченном времени пребывания в городе. Они не только являются свидетелями его глубокой древности; без них невозможно представить облик современного Баку, характерный органическим переплетением старого и нового. К таким памятникам относятся и Кобыстан, и Девичья башня с ее окружением, и дворцовый ансамбль ширваншахов, и храм огнепоклонников. [90 - 91]

ГОРОД У „ЗОЛОТОГО ДНА”

Это город, стоящий у „золотого дна”
и не имеющий себе равного по
бедности жизни и природы.

Максим Горький

Новый этап развития Баку ознаменован вхождением Азербайджана в состав России. Гюлистанский договор 1813 года между Россией и Персией, а затем Туркменчайский договор 1828 года, в подготовке которого принимал участие А. С. Грибоедов, определили различие исторических судеб разделенных Араксом областей страны, ныне Советского и Иранского Азербайджана.

Выдающийся азербайджанский писатель и общественный деятель Мирза Фатали Ахундов в 1877 году писал: „...Благодаря покровительству русского государства, мы избавились от имеющих место в прошлом бесконечных нашествий и грабежей захватнических полчищ и обрели, наконец, покой”. Несмотря на колонизаторские устремления русского самодержавия и жестокость проводившейся на национальных окраинах имперской политики, вхождение Азербайджана в состав России было событием исторически глубоко прогрессивным. Прекращение кровопролитных междоусобиц между местными феодалами и опустошительных набегов извне — из Персии и Турции способствовало экономическому, политическому и культурному развитию страны. Неуклонно расширялся и углублялся процесс разрушения ее былой хозяйственной замкнутости. Вовлечение Азербайджана в русло общероссийской экономики благоприятствовало подъему ряда отраслей сельскохозяйственного и промышленного, преимущественно кустарного производства.

Исключительно важную роль в развитии азербайджанского народа сыграло проникновение в его культуру прогрессивных идей революционно-демократической России, установившиеся связи между азербайджанскими и русскими литераторами и общественными деятелями. [91 - 92]

Расширение русско-азербайджанских экономических и культурных связей своеобразно отражалось и в развитии азербайджанского зодчества. Строительство и архитектура Баку в этом отношении чрезвычайно показательны.

Невозможно установить даты, которые могли бы служить четкими рубежами между различными эпохами художественного развития. Новые явления неизменно возникают в недрах ранее сложившегося стиля, и обычно проходит немало времени, прежде чем они становятся определяющими. Результаты вхождения в состав России Азербайджана становятся реально ощутимыми в планировочной структуре и архитектуре Баку только со второй половины прошлого столетия, когда после отмены крепостного права, по словам В. И. Ленина, „развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века”. Именно в это время город начинает выходить за пределы своих крепостных стен, которые уже не могли вместить его непрерывно увеличивавшееся население. Начали застраиваться районы обширного форштадта или Байыр шехер — внешнего города, как называли его коренные бакинцы.

Первые десятилетия XIX века мало сказались на строительстве, которое велось внутри самой Крепости. Объем его был крайне незначительным. В районе городских ворот, главным образом Шемахинских, и вдоль внутреннего периметра стен возникают немногочисленные небольшие, преимущественно „казенные” строения, в духе провинциального ампира, широко распространившегося по всей Российской империи. Вкрапленные в хаотичную и невзрачную жилую застройку феодального города, они выделялись присущими русскому классицизму ясностью композиционных решений и четкостью архитектурных форм. Впоследствии жилая застройка Крепости почти полностью обновилась, причем одновременно и совершенно стихийно. Внешний облик строившихся зданий отражал особенности разных периодов развития города, но планировочная структура этой древнейшей его части сколько-нибудь существенных изменений не претерпела, и сохранившиеся немногочисленные ампирные здания по-прежнему привлекают внимание строгостью своей архитектуры. Более многочисленными здания подобной архитектуры становятся во второй половине столетия. [92 - 93]

Описания города, относящиеся к предшествующему периоду, как правило, сходны. В. Романович в своих путевых заметках, которые печатались в 1830 году в издававшейся А. С. Пушкиным „Литературной газете”, писал: „Вид Баки с моря довольно красив. Город сей, расположен на склоне горы у самого берега; издали кажется огромной лестницей. Дома без крыш, все

почти одного размера, стоят один над другим выше и выше. Спереди высится хорошо еще сохранный Девичья башня, позади видны развалины дворца Бакинских ханов... Ниже море, входящее в полукруглый порт; выше тянутся красноватые горы, на коих нет никакого прозябения, — а над всем этим раскинуто ясное голубое небо. Вот Баку в таком виде, как показалось мне впервые с палубы подходившего к ней корабля...

Баку, несмотря на то, что кажется небольшим городком, заключает в себе 1200 домов и около 5000 жителей. Войдя в середину города, блуждаешь в сети мелких закоулков и таких узких, что во многих местах с трудом можно проехать”.

В 1840-х годах в Баку побывал И. Березин. Среди многих примерно современных характеристик города его описание отличается не только обстоятельностью и многогранностью наблюдений, но и желанием постичь причины, вызвавшие к жизни ряд непривычных явлений. В городе его интересовало все — от историко-архитектурных достопримечательностей, подробнейшим образом описанных, до экономики, торговли, быта населения. Далекое не всегда догадки его верны, но замечания, как правило, интересны.

Во времена Березина город по-прежнему в основном ограничивается территорией Крепости и описание его следует привести, поскольку, только сопоставив его с более поздними, можно отчетливо представить, как вырос и насколько изменился Баку в течение нескольких десятков лет.

„Нечего и говорить о том, — пишет Березин, — что Баку город совершенновосточный, что здесь в самой превосходной степени все навыворот: дома построены большей частью из нетесаного камня с глиной, с отлично плоскими кровлями, поставлены друг к другу задом без всякой субординации, а улицы до того узкие и до того перепутаны, что, прожив в Баку месяц, я не знал, входя в какую-нибудь улицу, выйду ли из нее. Для большего беспорядка в некоторых местах встречаются неправильные площади: улицы выются по скатам холма, на [93 - 94] котором построен Баку, а площади-пустыри большей частью находятся внизу. Как беспристрастный описыватель, я могу рекомендовать в Баку только одну улицу, которая неизвестными в геометрии линиями идет от Шемахинских ворот и пересекает почти весь город в направлении к морю... Дома в странном беспорядке поднимаются один над другими, а над всем городом господствует Шахский дворец, обломанные стены которого обозначились на горизонте; рядом с ним возвышается минарет шахской мечети, в середине города еще стоит минарет, далее минарет соборной мечети, а на угол к морю выдвинулась массивная Девичья башня...

Выйдем же из Шемахинских ворот: прямо перед нами находится форштадт, в котором больше простору, чем в городе, улицы широкие, дома не в развалинах, изредка украшены садами, но и сюда проникла меркантильность: в форштадте лавок едва ли не столько же, сколько и домов. Он преимущественно служит пристанищем караванов и приезжих: верблюды и ослы занимают обширные площади форштадта”.

Баку непрерывно рос, и превосходной иллюстрацией этого роста служит большое количество сохранившихся планов города, последовательно составленных русскими военными инженерами и топографами. Одно неполное перечисление их—планы 1723, 1738, 1770, 1782, 1796, 1807, 1810, 1845, 1857, 1862, 1870 и других годов — позволяет убедиться, насколько детально могли они фиксировать все особенности развития города, отмечая возникновение новых жилых районов, а также тенденции к регулированию строительства, объем и темпы которого непрерывно нарастали.

Наиболее ранняя группа планов, составленных примерно до второй половины XIX века, преимущественно фиксирует оборонительные сооружения города, отмечая также капитальные строения, которые можно было использовать. К ней принадлежат и „петровский” план крепостных стен (1723), и план порта, со стоящими на рейде кораблями эскадры (1782), и планы с нанесенной сеткой улиц Крепости. К этим чертежам относятся также обмеры памятников, выполнявшиеся, как правило, с чисто утилитарными целями. Тем не менее, среди них немало таких, которые обладают не только большой познавательной, но и историко-архитектурной ценностью. Особо следует выделить первые профессиональные обмеры зданий дворцового [94 - 95] ансамбля, в частности Диван-хане, а также Девичьей башни, сделанные уже в первом десятилетии прошлого столетия.

Более поздние планы отразили особенности роста капиталистического Баку. На них, кстати, видны попытки регламентировать застройку форштадта. Вдоль дорог, соединявших Баку с другими городами, в первую очередь шемахинской, создавались районы регулярной планировки, с сеткой небольших обстроженных по периметру кварталов.

В орбиту города постепенно включался ряд небольших селений, расположенных вокруг Крепости. Но начало новому этапу развития Баку положило перенесение в него в 1859 году губернского

центра, ранее находившегося в Шемахе — древней столице Ширвана, вновь пострадавшей от сильного землетрясения. Землетрясение это, однако, явилось скорее поводом, нежели причиной для создания Бакинской губернии. Многовековая история Шемахи изобиловала землетрясениями, из-за которых до наших дней не сохранилось ни одно из ее капитальных древних строений, известных лишь по многочисленным упоминаниям в разного рода письменных источниках, а также немногим рисункам. Тем не менее, прежнее значение Шемахи каждый раз восстанавливалось вплоть до того времени, когда в действие вступили факторы, определившие превосходство Баку — расположение его на стыке важных морских и сухопутных торговых путей, роль которых возросла, и, главное, перспективы промышленного развития города, стремительно развернувшегося несколько позднее, в годы „нефтяной горячки” конца XIX века.

В середине века, в 1856 году, по количеству жилых зданий Баку продолжал занимать одно из последних мест среди городов Северного Азербайджана. В это время в нем побывал А. Ф. Писемский, из описания которого явствует, что собственно город еще не покинул пределы крепостных стен. Как и его предшественников, Писемского восхищал живописный вид на Баку с моря.

Однако Писемский был не менее потрясен зрелищем, которое открылось перед ним во время знакомства с самим городом. „Кто не бывал в азиатских городах, — пишет он, — тот представить себе не может, что такое бакинские улицы: задние грязные закоулки наших гостиных дворов могут дать только слабое о них понятие; мы шли между стенами без окон, по двое в ряд, [95 - 96] и уже третий с нами не уставился бы; над собой видели только полосу неба, а под ногами навоз”. К концу столетия численность жилых домов города, включая форштадт, в сравнении с 1856 годом увеличилась почти в шестнадцать раз. Отмечая стремительное развитие бакинской нефтяной промышленности и значение ее в российской экономике, В. И. Ленин писал, что „почти вся нефть добывается в Бакинской губ.», и город Баку „из ничтожного города сделался первоклассным в России промышленным центром с 112 тыс. жителей”.

В 1860-х годах появляются фотогеновые керосиновые заводы, первый из них строится в Сураханах, кстати, в непосредственной близости от храма огнепоклонников, как бы символизируя новый период развития Баку. Работавший в 1863 году на этом заводе по приглашению „Закаспийского торгового товарищества” Д. И. Менделеев отметил в письме к жене „неподражаемую картину” этого соседства, во многом связанную с многообразием использования возможностей нефтяного газа: „Не только в монастыре (атешга. — *Л. Б.*), но и во многих местах кругом его горят огни. Здесь они служат для завода, сажен на сто отсюда... жгут известь, пекут хлебы”.

В начале XX века трудно назвать город, причем не только в России, который мог бы сравниться с Баку масштабами расширения своей территории или темпами роста населения. Данные Бакинской городской управы, систематизированные работавшим в ней революционером-подпольщиком Ф. И. Махарадзе, отразили динамику развития Баку в течение этого короткого отрезка времени. Приводимые им цифры крайне показательны. В 1826 году численность бакинского населения составляла 4,5 тысячи человек, и было построено 45 новых зданий. К 1903 году население города возросло до 155 876 жителей, а число построенных зданий достигло 878. Соответственно в 1910 году население Баку составляло уже 214 679 человек, а количество новых зданий равнялось 1404.

Как уже отмечалось, город развивался за счет освоения примыкавших к его крепостным стенам районов регулярной планировки с довольно четкой, но механически разбитой сеткой небольших прямоугольных кварталов и постепенного поглощения окрестных селений.

Планировка новых районов Баку, в сравнении с лабиринтом застройки его феодальной части, безусловно, была значительным [96 - 97] шагом вперед, ничем похожего в застройке крупнейших городов Переднего Востока того времени мы не встречаем. П. И. Чайковского, проведенного в Баку один день, в мае 1887 года, по первому впечатлению (и, безусловно, впечатлению от центра города) даже неожиданно поразило, что он „правильно и красиво обстроен”. Тем не менее, когда наступила пора социалистической реконструкции Баку, именно эти плотно застроенные и густо населенные районы явились причиной огромных хлопот, потребовав осуществления трудоемких и дорогостоящих градостроительных мероприятий, необходимых для создания элементарных условий труда, быта и отдыха населения.

Коренной недостаток складывавшейся сетки улиц заключался в том, что она совершенно не учитывала перспектив развития города. По улочкам Крепости могли передвигаться только пешеходы и

вьючные животные. Улицы капиталистического Баку в лучшем случае предусматривали движение внутригородского транспорта на конной тяге. Если учесть, что именно в это время формировалась центральная часть города, находящаяся между его стремительно развивавшимися основными, западными и восточными, промышленными районами, то становится ясно, какую сложность представляла задача обеспечения связи между ними путем создания транспортных артерий достаточной пропускной способности.

Улицы новых районов были не только недостаточно широки, но и не дифференцированы по своему назначению и характеру. Наиболее просторные среди них — теперь это Коммунистическая, Узеира Гаджибекова, имени 28 апреля и некоторые другие — не имели выхода и, как говорится, оказались „тупиковыми”, а нынешние улицы Ленина, Басина и другие были крайне стеснены. Не сложилась сеть взаимосвязанных магистралей, жизненно необходимая для города подобного масштаба и населенности.

По мере роста города цена земельных участков, особенно в его центральной части, стремительно росла. Они становились предметом невероятной спекуляции. Особенно высоко ценились участки, примыкавшие к крепостной стене, где было сооружено немало капитальных и эффектных зданий. Постепенно застраивались и бывшая мусорная свалка города (там, где ныне здание „Монолит”), и бывшая городская площадь с весами (сейчас там [97 - 98] находится здание Бакгорисполкома), и старое кладбище, где позднее по проекту В. Марфельда был построен большой собор, а ныне расположена группа школ. В основе застройки города не было сколько-нибудь значительной градостроительной идеи, и велась она без какой-либо серьезно продуманной системы, не говоря уже о целостном архитектурно-художественном плане. Фешенебельные особняки торгово-промышленной знати, здания банков и акционерных компаний причудливо перемежались с невзрачными одно- и двухэтажными постройками, где селился служилый люд, и размещались лавчонки и харчевни. Именно эти строения и определяли, в конечном счете, неприглядный внешний облик капиталистического Баку.

Город с многотысячным населением был лишен элементарного благоустройства. Жители его пользовались питьевой водой из расположенных у моря опреснителей, причем первый был пущен только в 1894 году. Трубами временного водопровода вода разводилась по расставленным на перекрестках улиц водоразборным будкам или же развозилась в бочках водовозами. Население Крепости пользовалось также водой из старинных овдатов, а в нефтепромысловых районах снабжалось привозившейся по железной дороге куринской водой или солоноватой колодезной.

Обеспечение города доброкачественной питьевой водой было одной из наиболее острых проблем, которую не могли решить ни городское „самоуправление”, ни царское правительство. Строительство водопровода, питавшегося из Шолларского источника, на протяжении многих лет было причиной резких столкновений между различными группами городской буржуазии и закончилось только в 1919 году.

В еще худшем состоянии находились очистные сооружения города. В начале нашего столетия канализацию имело лишь несколько центральных улиц, причем устья коллекторов были выведены в бухту к самой прибрежной кромке, не столько очищая город, сколько отравляя его воздух.

Лишь в 1888 году в Баку появляется конка — курсировавшие в центральной части города вагончики, которые еле тащили по рельсам понурые клячи.

Типичной чертой застройки Баку было размещение промышленных сооружений среди жилой застройки. Городская управа бороться с этим явлением была не в силах. Бакинский городской [98 - 99] голова А. Новиков с горечью пишет в своих воспоминаниях о том, как в одном из наиболее перспективных прибрежных районов города (неподалеку от нынешней площади имени В. И. Ленина) была построена по тому времени огромная, так называемая „скобелевская” мельница. Обширные пространства, зарезервированные в нескольких районах города в качестве площадей, не были толком связаны с системой улиц, никакого градостроительного и художественного значения по существу не имели и превращались в места свалок или толкучие рынки.

Посещавшие Баку в один голос отмечали его антисанитарию. Вспоминая Баку, А. П. Чехов писал, что „и за миллион не согласился бы там жить”, сетуя на отсутствие зелени, пятидесятиградусную жару, вонь керосина, нефтяную грязь, соленую воду для питья и т. д. П. И. Чайковскому запомнилось „грустное зрелище высохших деревьев и совершенно высохшей травы” в „чудесно распланированном Михайловском саду” — самом благоустроенном из немногочисленных садов города, расположенном у

крепостных стен и называвшемся нередко „губернаторским”. Кроме него в дореволюционном Баку были еще так называемый Цициановский сад — небольшой скверик у нынешнего Дворца печати, „Парапет” (площадь-сквер имени К. Маркса), „Молоканский” сад (теперь сад имени 9-го Января) и, наконец, „Вилла Петролеа” — территория Парка имени Низами, где ранее жил административный персонал компании братьев Нобель. Однако эти немногие участки чахлой зелени не играли сколько-нибудь заметной роли во внешнем облике Баку, который подавлял своей безрадостностью. В 1896 году М. Горький писал, что это „город без клочка зелени, издали кажущийся грудой развалин”, что „скучно и тошно от созерцания этой стороны, считающей нефть сотнями миллионов пудов и деньги миллионами рублей”.

Особенно тягостное впечатление производили нефтепромысловые районы города, где было сосредоточено все его хозяйство, связанное с добычей, переработкой и вывозом нефти, которой уже в 1901 году Баку обеспечивал добрую половину мирового рынка. И недаром с такой страстью, горечью и болью рисовали современники удручающий пейзаж нефтяного Баку, в частности нынешнего Шаумяновского района: „Скопище цистерн, черных, душных, промасленных, от которых веет копотью [99 - 100] и жаром; черных высоких труб, вечно изрыгающих клубы дыма и смрада. Все свободное пространство от заводов, цистерн, домов сплошь изрыто, переверочено и исковеркано, словно здесь прошел Мамай. Все углубления заполнены мазутом с его удушающим запахом. Вдоль и поперек все эти места покрыты, сетями труб... Рельсы изрезали Черный город. Тысячи наливных шхун. Караваны верблюдов шагают по его изрытым, пропыленным улицам. Маленькие ослики с удивительной быстротой семят своими ножками. Над городом, перевитым густой сетью проводов, остановилась черная туча дыма и копоты, закрывающая небо и бросающая душную тень на и без того прокопченный удушливый город”.

Мало можно назвать городов, в архитектуре которых поляризация социальных контрастов протекала так стремительно и бурно, как это происходило в дореволюционном Баку. Противоречия, обычные для капиталистического города, в нем были обнажены до предела и выглядели особенно уродливо.

Наиболее показателен был контраст между окраинами и центром города. Жилища рабочего люда — преимущественно казарменного типа бараки — размещались прямо на территории нефтяных промыслов, и особенностью их были не просто неприглядность внешнего облика или недостатки благоустройства. В памяти М. Горького нефтяные промысла Баку запечатлелись „гениально сделанной картиной мрачного ада... Среди хаоса вышек прижимались к земле наскоро сложенные из рыжеватых и серых неотесанных камней длинные низенькие казармы рабочих, очень похожие на жилище доисторических людей... Жутко было смотреть на полуголых детей, они месили ногами зеленоватую жирную слизь в лужах, группами по трое, по пяти уныло сидели в дверях жилищ, прижавшись, друг к другу, играли на плоских крышах обломками железа, щепками. Как все вокруг, дети тоже были испачканы нефтью, их чумазые рожицы, мелькая повсюду, напоминали мрачную сказку о детях в плену братьев-людоедов...”

Невероятную тяжесть условий существования бакинского пролетариата была вынуждена констатировать даже царская администрация. В отчетах этого времени нередко отмечалось, что в построенных нефтепромышленниками казармах на человека полагается меньше одной кубической сажени воздуха, что „приходится удивляться — как в них могут жить люди”, что [100 - 101] загрязненность почвы нефтепромыслового района „несравненно выше загрязнения кладбищ” и т. п.

В 1899 году на съезде нефтепромышленников города обсуждались меры „к улучшению жилья служащих и рабочих на бакинских нефтяных промыслах”. В основе доклада лежали материалы врачебно-санитарных обследований помещений, в которых проживала примерно четвертая часть населения всего Балахано-Сабунчинского района. Оказалось, что помещений, которые можно назвать „удовлетворительными в полном смысле этого слова, нет вовсе. Помещений, не выдерживающих и самой снисходительной критики, огромное большинство!”

Какова же была архитектура сооружений, строившихся в центральной части города в эти годы? Общность тенденций развития архитектуры Азербайджана в конце XIX и начале XX столетия не означала приведения к единому знаменателю многообразия строительства, которое в нем велось. Строительство Баку, крупного капиталистического города, своим размахом, темпами и характером резко отличалось от строительства, которое примерно одновременно велось в таких городах средней руки, как Елизаветполь (бывш. Ганджа, нынешний Кировабад), Шеки (бывш. Нуха), Шуша и Шемаха; значительная часть их сохраняла свой полуфеодальный облик.

Архитектура „казенных” зданий, строившихся в Баку в первой половине XIX века, преимущественно была основана на различно интерпретированных мотивах и формах русского классицизма. В наиболее чистом виде они чаще всего встречаются в архитектуре зданий, предназначенных для присутственных мест, нередко строившихся по „образцовым” проектам. В архитектуре зданий, возводившихся частными лицами, они трактовались значительно более свободно. Широко применялись разбивка уличных фасадов пилястрами-лопатками, несложно профилированные карнизы, небольшого выноса различного рисунка тяги, филенки, дверные и оконные наличники. В жилой архитектуре мотивы эти преломлялись наиболее живописно. Особенно своеобразными были там элементы открытых колоннад дворовых айванов и застекленных уличных балконов. При переводе в дерево форм, присущих каменной архитектуре, коренным образом менялись пропорции колонн: они значительно вытягивались, расстояние между ними увеличивалось. [101 - 102] Однако капители и базы колонн, балясник наружных ограждений, как правило, трактовались в традиционных классических формах. Строгость их очертаний оттеняла затейливые рисунки многолопастных, фестончатых и иных арок; особо ощутимой становилась прихотливость вязи прорезных узоров дощатых заполнений их тимпанов.

В конце XIX и, в особенности в первом десятилетии XX века архитектура капитальных строений интенсивно застраивавшегося нового центра города, который складывался на месте бывшего форштадта, приобретает совершенно иной вид.

По-прежнему внешний облик Баку был неприветлив, и в стихийном его росте отсутствовало какое-либо единство архитектурного замысла. Среди невзрачной рядовой застройке случайно вырастали крупные общественные и административные здания. Напротив поставленного без отступа — на „красной линии” — здания оперного театра, на месте нынешних республиканской библиотеки или площади имени Низами находились ветхие одноэтажные строения с небольшими лавчонками с галантерейными, москательными и „колониальными” товарами, а также грязными трактирами. Однако архитектура строившихся крупных [102 - 103] зданий резко изменилась. Небольшие ампирные здания уступили место сооружениям, совершенно иным по планировке, внешнему виду и размерам.

В застройке города приобретает широкое распространение характерный тип доходного жилого дома, который породила дороговизна земельных участков, определившая чрезмерную скученность застройки и невероятно высокую плотность заселения. Особенностью его был небольшой, темный, плохо проветривавшийся двор-колодец, со всех сторон обрамленный сплошной, обычно двухрядной застройкой. Во двор были обращены более или менее просторные, застекленные галереи—шушэбэнд, на которые выходила часть жилых помещений.

Немало было и капитально построенных больших жилых зданий, планировкой своей напоминавших доходные жилые дома Петербурга и Москвы. Своими размерами, рациональностью организации внутреннего пространства, продуманностью композиции и тщательностью выполнения нередко хорошо прорисованных архитектурных элементов выделяются жилые дома, сохранившиеся с тех времен на Коммунистической, Низами, Корганова и других улицах.

Многочисленные крупные здания центральной части города, принадлежавшие нефтепромышленной и торговой знати, должны были не только приносить доходы, но и служить своего рода рекламой для их владельцев. Среди малоэтажных, невзрачных сооружений резко выделялись добротные выстроенные, нередко нарочито претенциозные особняки и здания банков. Их архитектура составляла причудливую смесь всевозможных художественных стилей, определяя эклектический облик центра города. Удовлетворяя пожелания заказчиков, неизменно стремившихся размерами, а подчас и замысловатостью внешнего вида принадлежавших им зданий подчеркнуть свою состоятельность и общественный вес, архитекторы И. Плошко, И. Гославский, Е. Скибинский, И. Эдель, К. Скуревич и ряд других, среди которых было немало интересных, подлинно профессиональных художников, проектировали и строили, подражая самым различным стилям — мавританскому, готике, барокко, классицизму и т. п. Однако, в архитектуре этого времени преобладали все же неоренессансные и неоклассические мотивы, и не случайно ее характеризовали как „бескрышный ренессанс”. [103 - 105]

Отметим также, что в предреволюционном Баку, не говоря уже о других городах Азербайджана, было немного архитекторов и строителей из коренного населения. Как правило, они не имели высшего специального образования и являлись техниками-практиками, которые не принимали участия в проектировании и строительстве не только сооружений общественного характера, но и крупных жилых зданий.

Среди сравнительно немногих азербайджанцев, известных своей практической архитектурно-строительной деятельностью, отметим опытного и, видимо, пользовавшегося определенными известностью и популярностью Кафара Измайлова и в особенности Исмаила Наби-оглы. Кроме непосредственной практической работы, последним были выполнены архитектурные обмеры сооружений дворцового ансамбля, к сожалению, до настоящего времени не обнаруженные. [105 - 106]

Влияние требований заказчиков на архитектурно-строительную практику особенно наглядно при сопоставлении работ одного из наиболее талантливых архитекторов, много, интересно и хорошо строившего. В неоклассических формах построено им здание, где теперь находится Азербайджанская государственная филармония; капитальный доходный дом, расположенный напротив, был сооружен уже в „мавританском вкусе”; несколько ранее в стиле модерн проектируется здание банка, в котором сейчас помещается республиканское общество „Знание”, наискосок от него возникло нынешнее здание Главного аптекоуправления, выполненное в своеобразно интерпретированных формах готики. Все эти сооружения, расположенные неподалеку одно от другого, в пределах центральной части города, Тер-Микелов проектировал и строил примерно в одно время.

Архитектурное решение построенных им зданий подтверждает незаурядный талант и высокое мастерство зодчего. Одинаково отчетливо проявлялись они в рациональном использовании сложного рельефа местности, в остроумных приемах архитектурной организации пространства, в превосходно прорисованных архитектурных формах. Но ни обширная эрудиция, ни большой вкус Тер-Микелова не могли снять налета стилизаторства, который все же был характерной чертой большинства его построек того времени.

Показательно и сопоставление работ других архитекторов, не менее зрелых профессионально и также интересных. И. Плошко построил в стиле „венцианской готики” здание „Исмаилие”, в котором находится сейчас Президиум республиканской Академии наук; в духе „французской готики” задуман им особняк, где в первые годы революции помещался Клуб освобожденной тюрчанки, а сейчас Дворец бракосочетания; чертами модерна наделены парные доходные дома того же архитектора на улице 28 апреля. Е. Скибинский построил эффектную мечеть Таза-пир и ряд разностильных жилых зданий и т. д.

Застройка главных улиц того времени убеждает, что в условиях стремительно растущего капиталистического города нельзя было даже думать не только о решении, но и о постановке сколько-нибудь крупных градостроительных проблем, об удовлетворительном решении вопросов городского благоустройства, об ансамблевой застройке улиц и площадей. Тем [106 - 107] не менее многие капитальные здания отличались эффективностью внешнего облика, выразительностью пространственных

композиций, удачно выисканными пропорциями, хорошо прорисованными и выполненными архитектурными деталями, превосходным качеством строительных, в особенности отделочных работ. Здания эти способствовали распространению в Азербайджане современной архитектурно-строительной культуры, проводниками которой были их авторы, в большинстве своем воспитанники петербургских и московских архитектурных школ.

Здание Президиума Академии наук Азербайджанской ССР

Благодаря их бесспорным достоинствам ряд выстроенных в те годы зданий нельзя было не принимать во внимание [107 - 108] впоследствии, в процессе работ по социалистической реконструкции города. Здания подобного рода в основном были сосредоточены на улицах, примыкавших или расположенных неподалеку от Крепости или ведущих к вокзалу, — нынешних Коммунистической, Полухина, Зевина, Низами, 28 апреля.

Характерен архитектурный облик Коммунистической, в то время одной из наиболее капитально застроенных и благоустроенных улиц. Былой ее облик восстановить нетрудно. Именно в те годы были построены здания, в которых в настоящее время находятся филармония, Бакинский Совет, Институт народного хозяйства, Верховный Совет Азербайджанской ССР, Президиум Академии наук, Дом профсоюзов и т. д. Но на месте жилого дома „Монолит”, площади Низами и раскинувшегося вдоль крепостной стены сквера стояли плотно прижавшиеся один к другому небольшие одно- и двухэтажные домишки. [108 - 109]

В использовании архитектурных мотивов и форм самых различных эпох и стилей, как уже отмечалось, господствовала всеядность. Однако к наследию азербайджанского народа архитекторы обращались крайне редко, хотя немало великолепных памятников национального зодчества находилось в самом городе, на территории Крепости. Среди единичных и относительно удачных примеров подобного обращения можно отметить, пожалуй, лишь построенный в 1899 году Е. Скибинским жилой дом на нынешней улице Полухина, в архитектуре которого привлекают тщательно выполненные декоративные порталные композиции. Опирающиеся на тонко разработанную сталактитовую основу полукупольные конхи и другие элементы, навеянные архитектурными мотивами сооружений дворцового ансамбля, изящны, однако чрезмерно модернизированы и перегружены стилизованной орнаментальной резьбой. [109-110]

Были и другие примеры, которые современники рассматривали, как желание архитекторов оттолкнуться от памятников азербайджанского зодчества. К ним относили построенные К. Васильевым пассажирский вокзал и фасад принадлежавшего миллионеру-нефтепромышленнику Г. З. Тагиеву театра, где в 1907 году была поставлена первая азербайджанская опера „Лейли и Меджнун” Уз. Гаджибекова (ныне здесь помещается Театр музыкальной комедии). Близко им по духу и здание женской мусульманской школы (ныне Верховный Совет Азербайджанской ССР), а также вход и некоторые залы одного из особняков (ныне Музей истории Азербайджана) архитектора И. Гославского.

Однако ограниченность числа памятников азербайджанского зодчества, известных тогда бакинским архитекторам-практикам, поверхностность знакомства с ними и, главное, влияние [110 - 111] несоизмеримо лучше изученной и популярной архитектуры других областей Переднего Востока, в частности кордовского халифата, Магриба или Каира, — все это в большинстве случаев приводило к художественным неудачам. Оторванный от местной почвы, эклектический стиль „ориенталь” был причиной того, что построенные в „мавританском вкусе” здания театра и вокзала ничем не отличались от подобных же „мавританских” зданий, которые можно было встретить и во многих других городах России, в частности Тифлисе.

Показательно, что памятники древней архитектуры Баку не повлияли и на художественный облик павильона товарищества братьев Нобель на Нижегородской выставке 1896 года. По мнению М. Горького, он был „самым стильным зданием на выставке в смысле архитектурной законченности... и кажется выхваченным из какого-то испанского халифата”. [111 - 112]

Архитектор К. Скуревич, работавший в Баку во время интенсивной застройки его центральной части, был основательно знаком с архитектурно-строительной практикой города, и мнение его о характере этой практики достаточно объективно. „Бакинцы, — писал он, — не только чрезвычайно равнодушно относятся к своей древней архитектуре, но неудержимо стремятся строить на „европейский лад”. Хорошие мастера-каменщики, потеряв свою нить архитектуры, они, разумеется, не усвоили сущности архитектуры европейской, тем более что здесь можно встретить столько стилей (не говоря о постройках, вовсе лишенных стиля), сколько народностей заселяет теперь Баку — как будто течение переселения идет волной обратно с запада на восток. Всякие попытки местных архитекторов построить чистые здания, гармонирующие с прошлым — с ханским дворцом, разбивались о желание построить на европейский манер до такой степени, что если проект составлялся [112 - 113] в арабско-персидском характере, то здание все-таки вырастает наподобие домов, какие можно видеть в каждом губернском городе,... Но если и возможно до известной степени примириться с „европейским” видом построек, возведенных вне бакинских крепостных стен, то новые постройки крепостной части, где строят без помощи архитекторов, поражают глаз своим резким контрастом со стариной. Здесь каждый старается превзойти соседа пестротой и количеством орнамента и удивительных сочетаний форм — насколько ему позволяют средства. Все это представляет вид такого характерного упадка собственного искусства и слепого применения форм, без их понимания, какой трудно найти где-либо в ином месте. Эта мишура архитектурного богатства при белокаменной кладке и отличном строевом и облицовочном камне, рядом со скромными стенами и деревянными балками прежних домов с величественной группой построек бакинского акрополя — [113 - 114] ханского дворца — чрезвычайно удачно рисуют бакинскую жизнь, ограничивающуюся лишь внешними признаками культуры...”

Проблема творческого использования архитектурного наследия любой страны неизменно теснейшим образом связана с вопросами его состояния, охраны и изученности. Каким же было положение с памятниками азербайджанского зодчества в предреволюционном Баку? В истории изучения их трудно переоценить значение обмеров А. Павлинова и К. Скуревича, которые продолжили работу русских ученых середины XIX века — Д. Гримма, Б. Дорна, И. Березина. Описания А. Павлинова зданий дворцового ансамбля и принадлежащие ему обмеры оставались наиболее солидными, вплоть до публикации советского времени.

Однако круг известных тогда науке памятников азербайджанского зодчества был ограничен, и рассматривались они к тому же изолированно от современной им архитектурной среды, в полном отрыве от истории создавшего их народа. Все это вело к тому, что даже лучшие из произведений азербайджанской архитектуры, как правило, характеризовались в качестве памятников либо абстрактно - „мусульманского”, либо „персидского” искусства. Вопрос самобытности архитектуры азербайджанского народа, мастера которой внесли немалый вклад в развитие зодчества стран Переднего Востока, в то время и не поднимался.

Не лучше было и с состоянием памятников. Направленные на их сохранение официальные указы практической действительностью не обладали и не могли ни предотвратить естественного разрушения, ни защитить от хищнического разграбления архитектурного убранства.

Пагубно сказалось стремление любыми средствами приспособить некоторые из памятников зодчества для хозяйственных нужд или для каких-либо иных целей. К счастью, остался

неосуществленным замысел расположения в Диван-хане воинской части. Но в самом здании дворца склады военного ведомства все же разместили. Для этого был разрушен ряд внутренних стен, а в фасаде здания пробиты большие проемы и пристроены пандусы для въезда на второй этаж двуколки с артиллерийскими снарядами. В советское время потребовалось немало труда, чтобы восстановить первоначальный облик здания. [114 - 116]

Таковы общие черты состояния и развития Баку в эпоху, предшествовавшую Великой Октябрьской социалистической революции. Годы первой мировой войны, разумеется, не только не способствовали развитию строительства в городе, но повлекли резкое его сокращение; по сути, оно вообще прекратилось. Упадок и разруха экономики и культуры Азербайджана в период кратковременного хозяйничанья в нем мусаватистов не миновали архитектуру и строительство Баку.

Перед молодой Советской властью, после окончательной победы в Азербайджане в 1920 году, встали неотложные задачи восстановления нефтяной промышленности. Они были неотделимы от развернувшегося в городе небывалого в его истории строительства, от сложного процесса становления и развития советской архитектуры азербайджанского народа. [116 - 117]

ФОРПОСТ СОЦИАЛИЗМА НА ВОСТОКЕ

Если бы меня спросили, что наиболее удивительного и поражающего ее друзей и даже врагов совершено Советской властью, я ответил бы: „Посмотрите на Баку. Ибо нигде, как в Баку, так не видны Разящая пропасть между бесправием, рабством и нищетой вчерашнего дня и счастьем сегодняшнего”.

Анри Барбюс

Этапы истории архитектуры Баку — феодального, капиталистического и социалистического — резко отличаются объемом и характером строительства.

История феодального Баку длилась несколько столетий, но ограничена пределами крепостных стен. На рубеже XVIII—XIX веков Баку занимает менее двух десятков гектаров. Раскинувшиеся по Апшерону селения к нему в это время тяготели, но развивались более или менее самостоятельно, приобретая своеобразный, отнюдь не городской облик.

История капиталистического Баку не насчитывает и полного столетия. Однако за это время город неизмеримо разросся. К 1914 году его территория превышала 170 кв. км, расширились связи города с апшеронскими селениями, постепенно превращавшимися в своеобразный тыл крупного промышленно-торгового центра.

Неимоверная уплотненность феодального города уступила место разбросанной, плохо организованной, а нередко столь же скученной застройке, которая не отвечала ни потребностям большого с многотысячным населением города, ни перспективам его дальнейшего роста.

Социалистический Баку — это продолжающий развиваться огромный город. Население его перевалило за миллион двести тысяч жителей, а территорию оконтурить не просто.

Пятьдесят лет изменили Баку до неузнаваемости, превратив его в один из красивейших городов нашей страны. Но процесс его преобразования не приостановился, и даже старожилы, возвращаясь после нескольких лет отсутствия, нередко не сразу узнают хорошо известные им места. [117-118]

История развития социалистического Баку чрезвычайно интересна. Она запечатлена и в особенностях его планировочной структуры, и в архитектуре множества зданий. В ней отразились все периоды сложного процесса становления и развития азербайджанского советского зодчества — одной из ветвей многонациональной советской архитектуры. История эта ценна не только своей познавательностью. В период формирования архитектурного облика городов коммунистического завтра особенно важно обобщение богатейшего опыта строительства и реконструкции такого своеобразного города, как Баку.

Очень сложно указать на сооружения, которые служили бы вехами, отмечающими смену этапов архитектурно-художественного развития города. Строительство крупного здания, продолжающего длительное время играть немалую роль в формировании облика целого района, нередко в силу ряда причин затягивалось настолько, что при сдаче в эксплуатацию архитектура его воспринималась своеобразным анахронизмом, памятником устаревших методов проектирования и строительства, отживающих, а то и полностью отживших эстетических представлений. В таких случаях не помогали попытки осовременивания его фасадов или интерьеров. Основной архитектурный строй здания неизменно звучит красноречивее и убедительнее, нежели изменения, внесенные в его убранство. И все же, несмотря на неизбежные неточности общей периодизации архитектурного развития города в советские годы, его историю можно разбить на три основных этапа: начало 1920-х—середина 1930-х, —середина 1930-х—конец 1950-х, конец 1950-х—конец 1960-х годов.

Первый период характерен многочисленными творческими исканиями на пути становления новой, советской азербайджанской архитектуры. На этом пути было немало не только противоречивого, но подчас и взаимоисключающего, но в целом основная линия поиска была прогрессивной.

Следующий этап показателен консолидацией всех творческих сил вокруг коренных задач социалистического строительства и овладением архитектурным мастерством. Несомненные успехи

этого периода могли бы быть неизмеримо большими, если бы не постепенно нараставшее увлечение внешней стороной архитектуры, которое, в конечном счете, привело к сугубо отрицательным последствиям в области экономики и темпов [118 - 119] строительства, а также в деле воспитания художественного вкуса.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР „Об устранении излишеств в проектировании и строительстве” (ноябрь 1955 года) открывается совершенно новый этап архитектурного развития города. Но было бы глубоко ошибочным полагать, что избавиться от груза устоявшихся эстетических представлений и встать на правильный путь было легко, что процесс этот проходил безболезненно и без потерь.

Баку с его закаленным в классовых боях многотысячным интернациональным пролетариатом был одним из тех городов страны, которые первыми поддержали Октябрьскую революцию. 31 октября 1917 года власть в Бакинском районе взял в свои руки Бакинский Совет, который возглавляли Степан Шаумян, Алеша Джапаридзе, Мешади Азизбеков, Иван Фиолетов и другие достойные сыны Бакинской большевистской организации. Сопротивление меньшевиков, эсеров, мусаватистов и дашнаков было сломлено.

Однако Бакинская коммуна — цитадель Советской власти в Закавказье — просуществовала только до середины 1918 года. Под натиском превосходящих сил германо-турецких и английских интервентов и внутренней контрреволюции в июле 1918 года Советская власть в Азербайджане временно пала. Бакинские комиссары были злодейски убиты в районе Красноводска.

Торжество империалистов было недолгим. Нелегально собравшийся в феврале 1920 года в Баку первый съезд коммунистических организаций Азербайджана нацелил партийные организации на вооруженное восстание, призвав рабочих и крестьян к свержению мусаватистского буржуазно-помещичьего ига и гнета империалистов. 28 апреля 1920 года части XI армии, которую возглавляли С. М. Киров, Серго Орджоникидзе и А. И. Микоян, вступили в Баку, поддержав восставших. Этим событием была ознаменована окончательная победа Советской власти в Азербайджане.

Перед молодой Советской республикой сразу же возникло множество сложных проблем, порожденных той невероятной разрухой, которая поразила буквально все области экономики и культуры Азербайджана. Одной из самых неотложных задач [119 - 120] было создание элементарных условий нормального труда и быта для многотысячного пролетариата города, которому предстояло восстановление и развитие нефтяной промышленности.

Задача эта была решена в небывало короткие сроки. Уже в 1927 году В. Маяковский писал, что

Если в будущее
 крепко верится,
это оттого,
 что до краев
изливается
 столицам в сердце
черная
 бакинская
 густая кровь.

Напряженной работе по обеспечению Советской страны нефтью сопутствовало жилое и культурно-бытовое строительство; его пришлось вести едва ли не во всех основных нефтепромысловых районах города.

А. П. Серебровский, которому в 1920 году В. И. Ленин поручил провести национализацию всех промыслов, заводов и подсобных предприятий, впоследствии писал, что „положение на промыслах было катастрофическое. Не хватало ни оборудования, ни машин, ни одежды. Рабочие жилища развалились так, что в них немислимо было жить. Пришлось ремонтировать эти пещерные жилища, потому что не было ни времени, ни сил строить новые”. Но прошло немного лет, и у горы Степана Разина, в Бинагадах, на Биби-Эйбате, в Сураханах, Шубанах, Забрате и других районах возникли благоустроенные и озелененные жилые рабочие поселки.

Представьте себе условия строительства, трудности, которые испытывала находившаяся в тисках экономической блокады страна, и станут понятными и законная гордость, с которой докладывал о новых поселках в 1925 году Серго Орджоникидзе IV съезду коммунистических организаций Закавказья, и восхищение ими Максима Горького. Внимание Орджоникидзе [120 - 121] привлекали

показатели, характеризовавшие объем и направленность поселкового строительства. С удовлетворением он отмечал, что на протяжении шести верст строится рабочий поселок на 10 тысяч квартир, что построено 380 домов и имеется белокаменный Кировский проспект, покрытый бетоном, с тротуарами по обеим сторонам, что там строятся театр, клуб и т. д. От внимания же Горького не ускользнули и архитектурно-художественные вопросы. О том же Разинском поселке Горький писал, что, побывав в нем, „убеждаешься, что каждый дом „молодец на свой образец“, а все вместе они — начало большого и красивого города. Почти каждый дом имеет свою архитектурную физиономию, и это разнообразие типов делает поселки удивительно веселыми. Каждый дом имеет террасу, выходящую в палисадник, где уже посажены деревья, цветут цветы. Широкие бетонированные улицы, водопровод, канализация, площадка для игр детей — сделано все для того, чтобы поставить рабочих в культурные условия ...”

В поселковом строительстве Баку тех лет нетрудно обнаружить самые различные архитектурные направления и тенденции. По одним типовым проектам, разработанным братьями Л. В. и А. Весниными, строились посемейно заселявшиеся небольшие домики типа коттеджей, удобно размещавшиеся на участке. Они предназначались для Москвы и одновременно для Баку, и естественно, что особенности бакинского климата в них должным образом учтены не были, не говоря уже об использовании местных архитектурных форм. Архитектура другой группы жилых домов, по замыслу авторов, должна была воссоздать былой внешний облик селений Апшерона. Обращенные к улице традиционные глухие фасады и высокие каменные заборы, лишь изредка прорезанные стрельчатыми проемами небольших проходов, по-прежнему подчеркивали стремление к полной изоляции жизни участка-усады. Однако одновременно уже велась работа по созданию новых типов поселкового жилья, которое должно было учесть местные природные особенности и в корне изменившиеся условия труда и быта.

Естественно, что в те годы в Баку строилось больше всего малоэтажных жилых домов поселкового типа. Однако знаменательно то, что именно в эти трудные времена в Баку приступили и к многоэтажному жилому строительству, сосредоточенному, [121 - 122] правда, в одном районе. Раскинутые тут и там поселки решали, по сути дела, одну задачу: они обеспечивали трудящихся комфортабельным жильем, расположенным поблизости от работы. Возникновение их не всегда было связано с единством общего планировочного замысла. Создание же на месте бывшего Арменикенда крупного нового поселка, застроенного большими жилыми корпусами, преследовало задачу значительно большего градостроительного масштаба. Связанный трамвайными линиями с прибрежной частью Баку, Арменикенд быстро превратился в один из основных районов города. То было началом освоения климатически наиболее благоприятной обширной территории Нагорного плато.

Планировка района рационально использовала идею создания магистральных бульваров, намеченных еще в дореволюционных проектах. Архитектурная организация жилого массива учитывала специфику бакинского климата — летнюю жару и силу нордов, господствующих в „розе ветров” города. Благоустройство не ограничивалось хорошим оборудованием квартир с обязательным сквозным проветриванием и правильной ориентацией жилых помещений. Тщательно продумана была также организация и озеленение внутриквартальных пространств, где размещаются детские учреждения, площадки для отдыха и спортивных игр.

В архитектурном строе самих зданий преобладают горизонтальные членения, характерные „градусники” остекления лестничных клеток, несложные рисунки оконных проемов, балконов и других элементов. Приемы эти отразили стремление к ясности конструктивной схемы и максимальной экономии средств; одновременно в них ощутима дань увлечению приемами конструктивизма, преобладавшими в архитектуре той поры.

Различные тенденции архитектурного развития в 1920-х—середине 1930-х годов отчетливее всего сказались в ряде крупных общественных и культурно-бытовых зданий.

В застройке города принимало участие немало виднейших зодчих и градостроителей страны — братья Л. В. и А. Веснины, А. Щусев, Л. Ильин, В. Семенов, Л. Руднев, А. Иваницкий и ряд других, менее известных. Это были преимущественно представители того поколения русских зодчих, художественная индивидуальность которых сложилась еще до революции. Однако Октябрьскую революцию они не только [122 - 123] приняли, но и отдали весь свой знания, опыт, мастерство и талант победившему народу. Здания, построенные этими мастерами в Баку, не просто заняли заметное место в пейзаже города, влияя на процесс архитектурного формирования его районов, но во многих случаях служили своего рода эталонами высокой архитектурно-строительной культуры. Это было, кстати, особенно важно именно в те годы, когда в республике впервые приступили к подготовке квалифицированных архитектурных кадров.

Нет надобности, да и невозможно останавливаться на архитектуре множества построенных в то время зданий. Целесообразно выделить лишь те, которые по-прежнему занимают немаловажное место в облике современного Баку и которые наиболее показательны для характеристики творческих тенденций, проявившихся в тот период.

В Черном городе, Сураханах, на Баилове, в Завокзальном и других районах города, включая его центральную часть, и поныне видное место принадлежит таким зданиям, как Дворцы культуры (братья Веснины), гостиница „Интурист” (А. Щусев), Дворец печати (С. Пэн), Госбанк и Физиотерапевтический институт имени Кирова, родильный дом (С. Дадашев и М. Усейнов), Дворец спортивного общества „Динамо” (К. Сенчихин). Здания эти нередко, и не без основания, именуют конструктивистскими, подчеркивая, однако, не столько целостность концепций, положенных в основу каждого архитектурного замысла, сколько более или менее глубоко осмысленные и удачно примененные методы проектирования и формальные приемы конструктивизма.

В известной степени их роднит логика пространственных решений, четкость функциональной организации внутреннего пространства, рациональность использования территории. Внешнему же виду сооружений присуща лаконичная, достигнутая скупыми средствами выразительность, тектоничность архитектурных форм, лишенных какого-либо наружного убранства, смелое введение сравнительно новых для Баку материалов и приемов строительства — железобетон, стекло, стандартные элементы и т. п.

Новое в архитектурно-художественном образе большинства из упомянутых зданий отражало стремление ответить функциональному назначению тех сооружений, которые были порождением [123 - 124] советского времени, соответствовать коренным образом, изменившимся условиям эксплуатации ранее сложившихся типов зданий. Отсюда особая динамичность пространственных композиций — симметричных или асимметричных, — в зависимости от особенностей участка. Отсюда же — свобода внутренней планировки, обилие гладких бетонных и стеклянных плоскостей, прихотливая форма световых проемов, опорные столбы первого этажа. Все это позволяет говорить о стремлении по-своему откликнуться на общее увлечение современными веяниями. Очень важно при этом, что архитектура подавляющего большинства зданий обладала своей индивидуальностью, определявшейся, в первую очередь, творческой манерой — „почерком” зодчего. В этом отношении особенно наглядно сопоставление Баиловского и Черногородского Дворцов культуры, построенных братьями Весниными, со зданиями, [124 - 125] построенными в тот же период Щусевым.

Трудно переоценить общественно-политическое значение этих сооружений, подлинных очагов новой, социалистической культуры, созданных в нефтепромысловых районах, недавнее состояние которых читателю памятно.

Архитектурно-художественная концепция авторов, характерная, кстати, и для других их работ, ясна. Она четко сформулирована в авторском творческом кредо, которое сложилось в советские годы и которого они неизменно придерживались — „в архитектуре идти в ногу со строителями новой жизни,

своим трудом содействовать, укреплять завоеванные позиции, разрешать новые проблемы, выдвигаемые жизнью”.

„В ряде работ по бакинским клубам, — писали Веснины, — кроме общеархитектурных были выдвинуты и задачи учета [125 - 126] климатических и местных условий южного кавказского города (тенистые внутренние дворы с фонтанами и зелеными насаждениями)”. И все же дворцы эти очень индивидуальны. Композиция архитектурных масс определялась логикой объёмно-пространственного решения, более живописного на Баилове и более строгого в Черном городе. В основу внутренней планировки обоих дворцов положено четкое разделение функционально связанных помещений — зрелищных, клубных и т. д. Логика связи внутренних объемов нашла свое внешнее выражение в архитектурном строе фасадов.

Как и во многих подобных сооружениях, примерно одновременно строившихся в крупнейших промышленных городах страны, главным образом в рабочих районах, художественный облик их был навеян формами фабрично-заводской архитектуры. Формы эти были подчас не просто лаконичными, а подчеркнуто оголенными, лишенными каких-либо конструктивно неоправданных элементов. Правда, суховатость внешнего облика бакинских Дворцов культуры, в особенности Баиловского, несколько смягчают удачно размещенные открытые веранды. Они масштабны, композиционно интересны и не лишены привлекательности. На архитектурный характер позднейшей окружающей застройки дворцы существенно не повлияли. Но последующие работы по реконструкции и благоустройству районов в целом все же не могли не учитывать планировочно-организующего значения этих зданий.

Гостиница „Интурист”, построенная А. Щусевым при участии архитекторов Н. Яковлева и И. Француза, трактована в несколько ином плане. Ее пространственную композицию определила необходимость акцентировать поворот основной прибрежной магистрали — проспекта Нефтяников. Внутренняя структура здания нашла свое пластическое выражение в контрасте большого объема двусветного ресторанного зала с обращенной к морю просторной открытой террасой и непосредственно гостиничной частью здания.

Со времени строительства окружение гостиницы резко изменилось. Продолжена полоса находящегося напротив прибрежного бульвара. На его территории построены летний кинотеатр с тяжеловатым портиком, несколько претенциозно „современное” здание шахматного клуба и большой остекленный куб выставочного павильона. Рядом с ранее существовавшим [126 - 127] крупным жилым домом в „ренессансных” формах (нач. XX в.) и „ориентальным” зданием электрической подстанции, на стыке проспекта Нефтяников с Лебединским переулком и широкой лестницей, ведущей в Нагорный парк, возник теперь просторный сквер с большим бассейном. Центр бассейна подчеркнут статуей Бахрам-Гура (скульпторы В. Мустафаев, Г. Суджединов, Д. Рустамов). Этот полубогатырь герой „Семи красавиц”, одной из поэм „Пятерицы” Низами Гянджеви, изображен в единоборстве с драконом. К скверу и прилегающему отрезку проспекта обращен эффектный жилой дом (нач. 50-х гг.), привлекающий внимание излишней декоративной насыщенностью фасада, а левее от него расположен небольшой павильон станции фуникулера. Тем не менее, и сейчас здание гостиницы „Интурист” не утратило своего градостроительного значения, обусловленного превосходно избранным местом, характером подчеркнувшей его пространственной композиции и хорошо найденными членениями архитектурных масс. Отметим, что принципы проектирования „Интуриста” впоследствии были повторены А. Щусевым при строительстве гостиницы в Батуми, так же как повторялись пространственные элементы Дворцов культуры братьев [127 - 128] Весниных, своеобразно предвеляя последующие тенденции по созданию типовых проектов и индустриализации методов строительства.

Совсем в иной манере, но в сходном направлении работал, уже известный нам своими сооружениями дореволюционного времени. Им были построены здания Госбанка и Физиотерапевтического института имени С. М. Кирова. Здания эти лишены каких-либо элементов архитектурного убранства, все в них подчеркнуто лаконично и строго.

В здании Госбанка небольшой входной портик обращенного к проспекту С. М. Кирова фасада вырисовывается на глади бетонной поверхности (которую, по авторскому замыслу, должны были оттенить широкие полосы тематических барельефов) и вертикальных полос остекления лестничной клетки. Боковой фасад — по улице Низами — представляет чередование остекленных горизонтальных лент окон с темно-серыми полосами оштукатуренного бетона. Строгого рисунка портик ведет в главный операционный зал. Его интерьер также лишен какого-либо декора.

Организация внутреннего пространства Института имени С. М. Кирова потребовала, как и в здании Госбанка, симметричной композиции. Центром ее служит объемно выделенный двусветный просторный вестибюль, „разводящий” посетителей по корпусам лечебных и служебных помещений.

Простого рисунка переплет большого входного проема облегчает массив вестибюля с его плоским куполом. Вестибюль главенствует над примыкающими к нему объемами. Ритм их несложных элементов отразил внутреннюю планировку с многочисленными небольшими лечебно-процедурными кабинетами.

Как легко судить по упомянутым сооружениям, тщательно учитывая технологическую специфику и особенности локальных условий строительства, братья Веснины, А. Щусев, и, как мы увидим в дальнейшем, ряд других приезжих и местных архитекторов в эти годы относились довольно безразлично к проблеме использования национального архитектурного наследия.

В подобных же принципах функциональной оправданности плановых решений и конструктивной логики подчеркнута обнаженных архитектурных форм в эти годы были построены 128 фабрика-кухня на Баилове (архитекторы С. Дадашев и М. Усейнов, впоследствии переоборудована в лечебницу), здание спортивного общества „Динамо” (архитектор К. Сенчихин, впоследствии надстроено), Дворец культуры работников советской торговли около площади 26 бакинских комиссаров (архитектор И. Никитин, ныне реконструируется), фабрика-кухня в Сабунчах и большое количество других, довольно крупных сооружений различного назначения, и поныне занимающих приметное место в ряде районов города. Среди них следует выделить здание Дворца печати (архитектор С. Пэн), в архитектуре которого конструктивистские приемы выявлены наиболее ярко. Здесь удачно использован перепад рельефа, хорошо организован и четко продуман план, в котором учтены все многообразные функции здания — от непосредственно производственных до общественных. В архитектурном своеобразии [129 - 130] Дворца печати немалую роль сыграла и тенденция к условной изобразительности.

Особенности эти отмечались и в современной литературе. Некоторые критики, характеризуя здание, находили сходство обращенного к площади торца с корешком раскрытой книги. Другие усматривали в его верхней части стилизованное воспроизведение рубки океанского лайнера. Третьи справедливо отмечали такие традиционные черты конструктивизма, как примененные в здании „ленточные” окна, свободная внутренняя планировка, несущие массив здания открытые колонны у главного входа, плоская кровля и т. п.

Однако, говоря о „бакинском конструктивизме”, это сложное, многогранное и, тем не менее, архитектурно целостное явление ни в коем случае нельзя рассматривать как бездумное подражание западной моде. Рациональные принципы этой линии развития советского зодчества ощутимы и в градостроительных установках первого генерального плана развития Баку, составлявшегося большим коллективом во главе с А. Иваницким, и в архитектуре различных по назначению и объему строившихся зданий, от Дворцов культуры, фабрик-кухонь, школ и домов-коммун, вплоть до комплексного капитального жилого строительства.

Построенные в Баку Весниными, Щусевым и другими видными советскими зодчими здания не всегда принадлежат к числу их наиболее значительных произведений. Но можно смело сказать, что едва

ли не в любом из них неизменно проявлялась творческая индивидуальность каждого, а также его понимание специфически бакинских условий предстоявшей жизни создававшихся зданий.

Необходимо отметить, что, характеризуя „бакинский конструктивизм”, мы останавливались лишь на наиболее интересных сооружениях. А в это время было построено немало и других совершенно безликих художественно и до уныния однообразных зданий. Они-то и компрометировали это направление среди широкой общественности.

Одновременно с этим, преобладающим в архитектуре города тех лет направлением, существовало и другое. В основе его лежало стремление использовать мотивы, навеянные зодчеством стран мусульманского Востока. В большинстве случаев [130 - 131] это были повторения и ранее встречавшегося „восточного” стиля, оторванного от какой-либо реальной исторической почвы, со всеми его внешними атрибутами. В некоторых случаях представления о Востоке несколько конкретизировались.

Показательны многочисленные здания электрической железной дороги (архитектор Н. Баев), которая сначала соединила Баку со старыми нефтепромысловыми районами — Сабунчами и Сураханами, а затем постепенно связала город со всеми значительными поселениями Апшерона, способствуя превращению их в его спутников. Сабунчинка, как ее ласково именуют и поныне, потребовала строительства множества сооружений, чрезвычайно разнообразных по объему, характеру и назначению — от эффектного здания городского вокзала до небольшой [131 - 132] трансформаторной будки или навеса над платформой путевого разъезда.

Здания эти образуют своеобразный архитектурный ансамбль, звенья которого, расположенные на большом удалении друг от друга, воспринимаясь совершенно самостоятельно, тем не менее, говорят о целостности архитектурного замысла. Здания Сабунчинки привлекают хорошо продуманной композицией, тщательностью прорисовки элементов и добротностью всех строительных работ, в особенности отделочных. Вереница разнообразных архитектурных объектов, последовательно воспринимающихся в процессе всего пути, наделена известным стилевым единством и выразительностью. Однако сами архитектурные формы и трактовка их в ряде случаев оставляют желать лучшего, главным образом благодаря своему экзотическому стилю „ориенталь”.

Среди зданий Сабунчинки наиболее эффектен городской вокзал, пространственно хорошо решенный, удачно поставленный и по-своему, несомненно выразительный. Внешние фасады — обычной схемы вокзальная композиция с традиционной башней для часов и объемно подчеркнутыми входами — облачены в пышные „восточные” одежды. Издалека эффектно выглядит угловая башня, трактованная в виде минарета, на вершине которого неожиданно украшено маскаронами в виде львиных морд. Композиция и формы входов, обращенных к вокзальной площади и проспекту имени Ленина повторяют монументальные порталы-пештаки культовых сооружений мусульманского Востока. Резким контрастом „ориентальной” трактовке фасадов является эклектика убранства внутренних помещений вокзала и нарочитая конструктивистская оголенность оформления дебаркадера.

В архитектуре также построенного Н. Баевым большого здания трикотажной фабрики, которое первоначально предназначалось для ярмарок, мы не встречаем хорошо нарисованных и изящных элементов, нередко скрашивающих впечатление от сооружений Сабунчинки. Положенная в основу плана развитая схема караван-сарая определила четкость ритма архитектурных членений и объемное решение порталного входа, но неудачно нарисованные и грубовато выполненные архитектурные детали приобрели неприятный, несколько бутафорский характер. [132 - 133]

Вокзал электрической железной дороги

Есть еще одна группа зданий примерно того же времени, архитектуру которых объединяет стремление к использованию художественного наследия Азербайджана. Сопоставляя их, нетрудно обнаружить постепенное совершенствование в использовании архитектурных элементов, трактовавшихся сначала чисто условно и внешне, а позднее более органично включаемых в композицию в качестве функционально оправданных форм. В здании Бакинской партийной школы (архитектор В. Саркисов) жестко прорисованная стрельчатая арка входного объема резко выделяется на фоне спокойного ритма несложных членений. В Мардакянском санатории того же автора стрельчатые аркады, завершения оконных проемов и прочие подобные элементы менее условны, мягче прорисованы и, главное, органичнее включены в общий строй здания. [133 - 134]

Но подлинный, притом значительный шаг вперед представляет жилой дом работников Госбанка. Хорошо поставленное на скрещении улиц имени Лермонтова и Буниата Сардарова здание своей композицией и архитектурой определило масштаб и характер последующей застройки этого хорошо организованного участка. Центром его служит небольшой тенистый садик с памятником Мирзе Фатали Ахундову (скульптор П. Сабсай), а углы „закреплены” жилым домом (архитекторы И. Мамедов) и зданием Бакинской АТС. Каждое из них достаточно самостоятельно по архитектуре, но не стремится „перекричать” соседа, тем самым не нарушаются сложившийся масштаб и равновесие архитектурных масс. Архитектура жилого дома Госбанка отличается тактичным применением [134 - 135] приемов и форм, характерных для жилой застройки азербайджанских городов XIX века — Шеки и Шуши в первую очередь. Крытые застекленные веранды, напоминающие айваны, большого выноса карнизы на резных консольных кронштейнах, стилизованный рисунок переплетов — все это не привнесено механически, а переработано в соответствии с изменившимся характером и масштабом здания.

Перечисленные направления были ведущими в архитектуре города, но не исчерпывали всех творческих исканий. Архитектура некоторых зданий, построенных примерно в эти же годы, говорит об увлечении мотивами раннего итальянского Ренессанса. В известной мере явление это объяснялось сходством климатических условий и преобладанием в предреволюционной застройке города форм классицизма. Показательно, например, здание общежития студентов Медицинского института (архитекторы С. Дадашев и М. Усейнов), образ которого навеян мотивами флорентийского Воспитательного дома Брунеллески, а также здания Экспедиции подводных работ, Гидрометслужбы (те же авторы) и другие. Немало было построено и попросту архитектурно безликих зданий, привлекающих внимание лишь своими [135 - 138] размерами, по тому времени весьма внушительными. Таков, например, жилой дом работников Каспийского пароходства (архитектор И. Никитин).

Интересны первые работы по реализации ленинского плана „монументальной пропаганды”. Нельзя при этом вновь не напомнить, что догматика ислама препятствовала изображению живых существ, и искусство дореволюционного Азербайджана, по сути, не знало монументальной скульптуры и станковой живописи. Эти виды искусства представлены буквально единичными памятниками.

Чрезвычайно редки и крайне лаконичны также упоминания произведений искусств подобного рода в средневековых хрониках. Возникновение и развитие монументальной скульптуры и живописи, в полном смысле этого слова, должно быть целиком отнесено к советскому времени, а об использовании в них сколько-нибудь конкретных традиций говорить не приходится. Понятно поэтому, что первые, временно устанавливавшиеся памятники, как правило, отражали формалистические увлечения тех лет и до наших дней не сохранились. „Выжили” лишь те, реалистическая основа которых, при всех отдельных недочетах с точки зрения современных эстетических представлений, выдержала испытание временем. Упомянем памятник 26 бакинским комиссарам, установленный на площади их имени, неподалеку от места, куда был перенесен прах комиссаров в 1920 году (скульптор Е. Трипольская, архитектор И. Лялевич); фигуры рабочих-нефтяников, которыми скульптор Д. Эрзя украсил фронтон выстроенного в „классическом” духе нынешнего Дома композиторов и уже упоминавшийся памятник Мирзе Фатали Ахундову работы П. В. Сабса.

Современный Баку невозможно представить без памятника Сергею Мироновичу Кирову (скульптор П. В. Сабсай, архитектор Л. А. Ильин). Значение памятника велико не только для территории Нагорного парка, где он служит художественным центром превосходно продуманной, своеобразной пространственной композиции. Неподалеку выросла телевизионная мачта, еще недавно пустынные рыжие склоны покрылись зеленью, парк постепенно обступают новостроящиеся крупные здания, а памятник по-прежнему является неотъемлемым компонентом силуэта города. Он превосходно воспринимается издали и неизменно привлекает к себе внимание. [138 - 140] Парк — один из лучших в стране — раскинулся на сложно пересеченной местности, особенности рельефа которой мастерски использованы его строителем Л. Ильиным. С остроумно связанных лестницами и пандусами прогулочных аллей-террас и прихотливо размещенных видовых площадок раскрывается панорама бакинского залива. Отсюда и город, обрамляющий залив, „читается” в самых неожиданных ракурсах. Превосходно вписаны в пейзаж немногочисленные сооружения строгой архитектуры — открытый театр, кафе, читальня и другие. Строительным материалом послужил известняк бакинских карьеров, с его богатой оттенками цветовой гаммой — от холодного, отливающего синевой белого до напоенного солнцем золотистого кадмия. Грубоватость кладки подпорных стен оттеняют немногие архитектурные детали из чисто тесанного камня и вьющаяся по трельяжам пристенная зелень.

Расположенные живописными уступами террасы зелени с желтеющими небольшими прогалинами прорезает четкая вертикаль эффектной лестницы, которая ведет к памятному залу. Его венчающий возвышенность массив, с колоннадой по фронту, открытому к бакинской бухте, служит основанием для столпа-пьедестала памятника. Киров обращен к городу в динамическом, порывистом движении, и в памяти надолго запечатлевается образ великого гражданина.

Исключительно ответственным были выбор места для памятника и установление его общего масштаба. Необходимо было учесть не только значение монумента в архитектурном пейзаже бакинской бухты, его соотношение с холмом, из которого он как бы вырастает, но и резкость контрастов возможных точек восприятия — от чрезвычайно удаленных до расположенных в непосредственной близости и создающих самые неожиданные ракурсы.

Нелегко было найти, поэтому и наиболее выигрышное соподчинение основных компонентов памятника — центральной скульптуры, столпообразного пьедестала и основания-подиума со статуями часовых и многофигурными тематическими рельефами. Создавая образ выдающегося партийного и государственного деятеля, не просто популярного, но и по-человечески близкого широким массам трудящихся города, надо было бережно сохранить портретное сходство. При этом, однако, учитывая место памятника, необходимо было избежать [140 - 142] нечестной детализации, начиная с трактовки головы и кончая одеждой.

В тщательно продуманном местоположении, в масштабности и манере исполнения памятника ощутимо не просто высокое профессиональное мастерство опытного зодчего-градостроителя и ваятеля-монументалиста. Образ памятника согрет той особой проникновенностью чувств, без которой немислимо создание монументальной композиции большого идейно-художественного звучания. Торжественный строй памятника поддерживают и тяжелые складки траурно приспущенных знамен на пьедестале, и застывшие в вечном карауле фигуры красногвардейца-рабочего и красноармейца. Строгость их поз подчеркнута энергичным движением, которым пронизаны хорошо скомпонованные и тонко моделированные горельефы — [142 - 143] „28 апреля в Баку”, „Нефтяники” и „Хлопкоробы”. В первые советские годы деятельность Кирова была теснейшим образом связана с Баку и бакинским пролетариатом. Еще немало людей помнит, как, обращаясь в 1920 году к первой Бакинской партконференции, он говорил: „Совершилось событие, от которого подгнившая буржуазная

капиталистическая система мира потерпела новый удар и новое поражение. Это событие заключалось в том, что изнывавший под беко-ханским игом Азербайджан повенчался с великой Советской страной — рабоче-крестьянской Россией”.

Киров по-прежнему неотделим от Баку. Из приморской части города отчетливо виден четкий энергичный силуэт памятника, а по мере приближения постепенно узнаются черты знакомого образа, овеянного суровой романтикой 20-х годов.

Уже к началу 1930-х годов в городе было построено немало. Однако сооружения тех лет в целом не определили общего характера дальнейшей застройки города. Строительство велось преимущественно на „лысых" местах, и благодаря этому размещение новостроящихся зданий нередко было случайным. Не всюду учитывались перспективы дальнейшего роста города в целом. Возникла неотложная необходимость составления генерального плана развития Большого Баку, к разработке которого в середине 20-х годов приступила группа архитекторов во главе с А. Иваницким. Впоследствии эти работы продолжил В. Семенов, а затем Л. Ильин, под руководством которого и была составлена основная редакция генерального плана, корректировавшаяся уже в послевоенные годы. Возникшие на первых же порах вопросы реконструкции и связи исторически сложившегося центра Баку с его стремительно развивавшимися старыми и новыми промышленными районами, проблемы размещения продолжавшегося быстро увеличиваться населения, определения места общественного центра города теснейшим образом были связаны с „дислокацией" зданий общественного характера, которых в последующие годы было построено много, и архитектура которых отчетливее всего отразила общие тенденции художественного развития.

В это время произошли серьезные изменения в представлениях о дальнейших путях развития азербайджанской советской [143 - 144] архитектуры. Постановление ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций (23 апреля 1932 г.) положило конец групповщине, господствовавшей в среде творческих работников. Созданные тогда творческие союзы, в том числе и Союз советских архитекторов, ставили целью объединение всех своих сил вокруг гигантских задач социалистического строительства. Успешное решение этих задач в области архитектуры требовало, в первую очередь, высокого профессионального мастерства, опирающегося на превосходное знание архитектурно-строительной культуры прошлого.

Различие творческих позиций тех или иных групп бакинских [144 - 145] архитекторов резче всего выявилось в представленных на конкурс проектах здания Дворца Советов республики (1934). Среди них можно было встретить и поиски новых архитектурных форм, и тенденции реставраторского характера, и классические мотивы в чистом виде. Жюри присудило первую премию проекту Л. Руднева, В. Мунца и К. Ткаченко и, отметив его достоинства, указало одновременно „на недопустимую недооценку архитектурных форм местного национального наследия”. Нынешний Дом Правительства (архитекторы Л. Руднев, В. Мунц и скульптор Д. Карягды), законченный строительством лишь в послевоенные годы, своеобразно отразил особенности [145 - 146] этого этапа развития азербайджанской советской архитектуры, в частности стремление сочетать современность архитектурно-строительного решения с художественными „одеждами" прошлого, которые впоследствии превратились, чуть ли не в обязательный атрибут, определявший порой, ложно понимаемый „национальный" характер помпезно трактованного архитектурного образа.

Огромный массив Дома Правительства занимает островное положение на просторной площади имени В. И. Ленина, на территории которой можно свободно разместить несколько крупнейших площадей столичных городов мира. Здание и сейчас оказывает существенное влияние на реконструкцию и застройку тяготеющего к нему обширного района города. Первоначально оно было задумано как общественно-административное и, наряду с большим количеством обычных служебных помещений, включало зал собраний вместимостью 5000 человек. Этот зал и определял особенности объемно-пространственного решения. Обращенный к морю план „покоем" обрамляет внутренний двор, на территории которого предполагалось разместить зал собраний. Объемно и архитектурно подчеркнутые торцы „покоя" соединены ступенчатой полосой каменных трибун. Центральная их часть— правительственные трибуны—служит пьедесталом для величественного памятника В. И. Ленину. Идея органической связи архитектуры с монументальной скульптурой, положенная в основу первоначального художественного замысла, осуществлена превосходно. На заглубленной плоскости фасада со сравнительно небольшими оконными проемами отчетливо вырисовывается выразительная статуя, которую фланкируют башнеобразные торцы здания с эффектно затененными колоннадами.

В процессе затянувшегося строительства здание претерпело значительные изменения. За счет сокращения числа этажей уменьшился его объем. Из состава проекта был исключен зал собраний, безлюдными стали ажурные колоннады, задуманные в качестве его обширных, открытых фойе. Здание в значительной мере утратило свои общественные функции.

На площади созданы большие массивы зелени, соединение которых с почти трехкилометровой прибрежной полосой позволило значительно расширить территорию Приморского бульвара. [146 - 148]

Разноречива оценка художественных достоинств здания. Как и многие другие сооружения подобного объема и значения, оно имеет как рьяных приверженцев, так и откровенных недругов. Здание подтвердило правильность размещения общественного центра приморского города и определило масштаб предстоящей реконструкции и застройки обширного прилегающего района. По этому вопросу разногласий не так уж много. Сложнее обстоит дело с оценкой внешнего облика здания, вызывающего подчас различные нарекания — от обвинений в искажении и огрублении форм азербайджанского архитектурного наследия до неорганичности их применения и т. п.

Действительно, требование жюри было удовлетворено авторами несколько формально: архитектурные формы сооружения были лишь слегка „переодеты” с помощью мотивов, навеянных архитектурой дворцового ансамбля ширваншахов, преимущественно Диван-хане. Но насколько справедливыми были требования точного переноса форм этой эффектной колоннады в совершенно иные условия? Дело не только в невозможности механического увеличения ее размеров. Кроме иного масштаба и назначения здания, сыграла свою роль и яркая индивидуальность Л. Руднева. Присущие ему выразительность лепки архитектурных [148 - 149] масс и стремление к нередко нарочитой монументализации форм наложили своеобразный отпечаток на интерпретацию заимствованных в далеком прошлом архитектурных мотивов и элементов.

Аморфное пространство площади до недавнего времени казалось гипертрофированным, и даже огромное здание Дома Правительства в нем несколько терялось. Границы площади, по существу, никак не были закреплены. Вдоль ее кромок вытянулись случайно возникшие, в основном малоэтажные строения, не обладающие ни сколько-нибудь значительной материальной, ни тем более художественной ценностью. Проект, принятый в результате конкурса 1962 года (архитектор М. Усейнов), предусматривает четкое архитектурное обрамление пространства площади. Этой цели служат обращенные друг к другу „пластины” двух семнадцатизэтажных гостиниц, а также застройка противоположной морю стороны большими, десятиэтажными жилыми корпусами. Постановка двух „башенных” зданий гостиничного типа перед Домом Правительства выделяет площадь, примыкающую непосредственно к зданию, учитывая его организующую роль во всей формирующейся пространственной композиции. По проекту сохраняются скверы, а строительство у восточной кромки площади морского вокзала позволило освободить всю прибрежную полосу от старых причалов и пристаней, превратив ее в продолжение бульвара, который сомкнулся с зеленью баиловских склонов, вплоть до Парка имени С. М. Кирова, опоясав значительную часть бакинской бухты.

Конкурс на проектирование здания Дворца Советов был важной вехой в истории города. Он открыл новый этап развития архитектуры Баку, длившийся с середины 30-х до середины 50-х годов. Период этот включает и годы Великой Отечественной войны, которые не могли не наложить своего отпечатка на состояние города. Полностью было свернуто строительство жилых и общественных зданий. Приостановилось сооружение даже таких объектов, как Дом Правительства. После окончания войны вопросы дальнейшего развития города вновь возникли, притом со всей своей остротой, а некоторые его общие архитектурно-художественные тенденции, наметившиеся [149 - 150] уже в предвоенные годы, в практике первых послевоенных лет усилились.

Предвоенные годы отмечены не только строительством множества разнообразных по назначению и объему сооружений, во многом изменивших облик города. Резко повысилось градостроительное значение проводившихся тогда планировочных и архитектурных работ, многие из выстроенных в это время общественных зданий явились своего рода „опорными узлами”, определявшими характер и масштаб последующей реконструкции и застройки различных районов Баку. Планировочные мероприятия тех лет ставили целью упорядочить существовавшую сетку улиц,

приблизив ее пропускную способность к потребностям непрерывно увеличивавшегося и менявшегося внутригородского транспорта. Расширения и спрямления многих улиц потребовало, например, создание новых трамвайных путей, троллейбусных и автобусных маршрутов.

Все эти работы усложнялись необходимостью считаться с дореволюционной застройкой Баку, капитальные здания которой представляли большую материальную ценность. Благодаря этому принималось немало компромиссных решений. В первых этажах ряда зданий, обрамлявших тесные, с напряженным движением транспорта улицы, создавались пешеходные галереи, позволявшие максимально расширить проезжую часть (улицы Корганова и Низами). На месте сносившихся ветхих строений разбивались скверы или же строились новые крупные здания. За возникшими в первые послереволюционные годы скверами и площадями — сквер имени Сабира (1922), площадь Свободы (1924, ныне площадь имени 26 бакинских комиссаров) — впоследствии были созданы сад имени Ленина, площадь-сквер имени Физули, скверы по улице Чкалова, рядом со зданием Госбанка и многие другие. Добротнo выстроенные дореволюционные здания нередко надстраивались, что способствовало выравниванию общего фронта застройки улиц и т. п. Однако подобного рода меры лишь несколько корректировали сложившуюся планировочную структуру города, кардинально не решая назревших градостроительных проблем.

Резко изменилась общая архитектурно-художественная направленность застройки, чему способствовало несколько обстоятельств. Значительную роль сыграли успехи, достигнутые в области повышения профессионального мастерства бакинских [150 - 151] зодчих, коллектив которых непрерывно увеличивался за счет молодежи, оканчивавшей архитектурно-строительный факультет, созданный при Политехническом институте в первые же годы Советской власти. Среди них было уже немало азербайджанцев, и, наряду с представителями старшего поколения — выпускниками петербургских учебных заведений профессорами В. Саркисовым, Я. Сырышевым и другими архитекторами, в градостроительные и архитектурные работы постепенно включались С. Дадашев, М. Усейнов, В. Иванов, К. Сенчихин, М. Гусман, Г. Ализаде, Г. Алескеров, Г. Меджидов, Э. Касимзаде, Э. Исмаилов и многие другие. Становятся практически ощутимыми результаты углубленного изучения мирового архитектурного наследия, в том числе и памятников азербайджанского зодчества. Они проявились в логике пространственных композиций, в расширении приемов и средств художественной выразительности, в повысившейся культуре архитектурной детали, что и определило привлекательность облика многих построенных в те годы зданий.

Однако уже в сооружениях предвоенных лет наблюдаются тенденции к не всегда оправданной монументализации архитектурных форм, нарочитому декоративизму, формальным историческим реминисценциям. Строительство, которое велось в эти годы в центральной части города, как правило, было связано со „штучным” проектированием, в значительной мере определявшимся политикой застройки пустырей, существовавших или возникавших в результате сноса малоценных, а нередко и попросту аварийных строений. Таким образом, попыток ансамблевой застройки какого-либо важного узла было не так уж много. И, тем не менее, известная общность композиционных приемов, единство в понимании архитектурных задач создавали определенную художественную целостность, отчетливо прослеживающуюся при знакомстве с архитектурной практикой этого времени, в особенности с архитектурой общественных зданий. Целостность эта имела место даже в тех случаях, когда застройка какого-либо района продолжалась длительное время и в ней принимали участие архитекторы, существенно отличавшиеся своим творческим почерком. Можно смело сказать, что многие построенные в эти годы общественные здания, занимая ключевые позиции в застройке того или иного района, определяли творческую направленность предстоявших впоследствии [151 - 153] работ, связанных с их реконструкцией или новым строительством.

При этом следует особо отметить энергичную и в целом плодотворную деятельность С. Дадашева и М. Усейнова. Ими было построено немалое количество крупных общественных и жилых зданий, сыгравших важную роль в формировании архитектурного облика современного Баку. Но значение Дадашева и Усейнова, причем не только в застройке города, но и в развитии азербайджанского советского зодчества, этим далеко не исчерпывается. Для архитектурной молодежи, среди которой было немало их непосредственных учеников, работы Дадашева и Усейнова во многих случаях служили своего рода камертоном; они как бы определяли характер „звучания” собственных замыслов, а порой служили своего рода образцом для подражания. Для более одаренных, а, следовательно, и более самостоятельных архитекторов они были основанием для творческих раздумий и исканий.

Обратимся, однако, непосредственно к архитектурной практике этого периода. Нередко она трудно отделима от строительства последующего времени, и некоторые районы придется рассматривать, нарушая хронологическую последовательность.

В организме города сохраняют свое значение спускающийся с Нагорного плато к морю проспект имени Кирова и магистральная улица 28 апреля, которая соединяет центр города с вокзалом, продолжаясь в сторону Черного города. Архитектурно стык их закреплен кинотеатром имени Низами и административным зданием, образующими „завязку” улицы 28 апреля (архитекторы С. Дадашев и М. Усейнов). Здания размещены одно против другого, и сходная конфигурация их планов образовала раскрытую к проспекту небольшую, приподнятую на невысокий стилобат, аванплощадь. Значение ее акцентировано просторными портиками, выполненными в едином масштабе и строгих классических формах. Разница назначения зданий определила характер организации их внутреннего пространства. Согласно представлениям тех лет о функциях кинотеатра, в нем не только имелись большой зал на 1200 мест с просторным двусветным фойе, концертная эстрада с выделенным небольшим залом и открытый летний зал на крыше здания, но оставалось немало свободного пространства, которое позволило впоследствии „выкроить” небольшие кинозалы специального назначения. [153 - 154] Внутренние объемы кинотеатра нашли свое логическое выражение в композиции архитектурных масс, в общем строе фасадов, с небольшой центрированной башенкой. Архитектурный строй административного здания сходен, но трактовано оно более сдержанно и лишено больших остекленных поверхностей, скульптурных панно и прочих атрибутов общественного здания.

Сооружения эти повлияли не только на дальнейшую застройку улицы 28 апреля и проспекта Кирова, но и всего прилегающего района, определяя масштаб, а нередко и характер строившихся здесь впоследствии зданий. Теми же авторами, в сходных архитектурных формах, на улице 28 апреля была построена большая 22-классная школа, а неподалеку, на месте громоздкого здания армянской церкви — республиканская консерватория. Архитектура последней примечательна тем, что это, по сути, первый опыт сочетания традиционных приемов и форм классической архитектуры с элементами национального зодчества. Впоследствии, в общей линии архитектурного развития, подобное сочетание становится одним из наиболее распространенных приемов. Обычный для учебного заведения, первоначально Т-образный, план консерватории несложен. В центре его большой актовый [154 - 155] зал с просторным двусветным фойе, к которому примыкают боковые объемы — крылья с находящимися в них аудиториями и музыкальными классами. К основному учебному корпусу недавно пристроены два больших ризалита с помещениями оперной студии и учебными классами.

К небольшой площади обращен закрепленный глухими боковыми объемами шестиколонный портик — айван с гранеными стволами и сталактитовыми капителями, напоминающими формы азербайджанского зодчества. Пропорции портика удачно найдены, и на его фоне хорошо воспринимается впоследствии установленный памятник родоначальнику азербайджанской оперы Узеиру Гаджибекову (скульптор Т. Мамедов, архитектор Г. Мухтаров), именем которого названа консерватория.

Убранство здания также навеяно мотивами орнаментального наследия Азербайджана. К сожалению, архитектурный масштаб здания несколько нарушен грубо исполненной „сельджукской цепью” и другими элементами декора ризалитов и верхнего — аттикового этажа.

Установленный кинотеатром, консерваторией и другими зданиями архитектурный масштаб был также принят и в зданиях, построенных позднее, в послевоенные [155 – 156] годы. Это служебный корпус Театра оперы и балета, а также крупные жилые дома на пересечении улицы 28 апреля с проспектом Ленина, улицей Пушкина и другие.

Мотивы национального наследия в архитектуре этих зданий применены достаточно тактично, во всяком случае, они не вступают в противоречие с характерным для тех лет обликом жилого дома. Впоследствии, однако, мы встретимся с чрезмерным увлечением этими формами, превращающимися в самоцель. В этом отношении показательным зданием является Управление железной дороги на той же улице 28 апреля (архитекторы Н. Яковлев и А. Саркисов). Ведущая от железнодорожного вокзала к морю, улица Пушкина отделяет сад Ильича от созданной на месте дореволюционного „солдатского базара” площади-сквера с памятником азербайджанскому народному поэту Самеду Вургуну (скульптор Ф. Абдурахманов, архитектор М. Усейнов). Сквер замыкает глубоко затененный пятиарочный портик—айван здания. Ритм

небольших оконных проемов фланкирующих его ризалитов и в особенности спаренные оконца в краях массивного антаблемента подчеркивают мощь пилонов, несущих стрельчатые арки. Вблизи это впечатление усиливают изящество тоненьких колонок, врезанных в углы пилонов, и орнаментальная вязь небольших медальонов на них.

Господствующее на площади значение портика подчеркивает также частый ритм сравнительно мелких членений жилых корпусов, которые недавно выросли вдоль обрамляющей сквер улицы Водопьянова. Привлекает также тщательность выполнения немногочисленных, оригинальных и с тактом размещенных элементов архитектурного убранства.

Однако нельзя не отметить несоответствия портика характеру самого здания. Нет за ним невольно ожидаемого крупного объема какого-либо зала собраний. Он прикрывает всего лишь обычные для административного [157 – 158] здания яруса небольших служебных помещений. „Не работают” и включенные в обрамление некоторых, декоративно выделенных проемов разноцветные переплеты, имитирующие характерное для Азербайджана узорчье многоцветных наборных витражей — шебеке. Для фасадов здания они мелки и никак не воспринимаются, затемняя в то же время интерьеры. И уж совсем неожидан приставленный к дворовому фасаду вариант ротонды Диван-хане, не оправданный ни функциональными, ни эстетическими соображениями.

Архитектурная „завязка” улицы 28 апреля сказала и на дальнейшей застройке проспекта Кирова, повлияв на масштаб и характер архитектуры впоследствии сооружавшихся зданий. Конструктивистская коробка жилого дома, вчерне уже построенного напротив Клуба имени 26 бакинских комиссаров, была в полном смысле этого слова „одета” в архитектурно созвучное убранство. На пересечении проспекта с улицей Шаумяна возник комплекс из трех крупных жилых домов, связанных единством замысла и общностью архитектурных форм, в которых нашли место мотивы, свойственные облику южного жилого дома. Целостность впечатления от застройки проспекта не нарушает и большой жилой дом, построенный недавно рядом со зданием Госбанка. В эти же годы было начато строительство Клуба имени Ф. Э. Держинского (архитектор Г. Меджидов) — одного из крупнейших в городе. В компактном плане хорошо размещены зал на 1200 мест с просторным фойе, несколько залов поменьше и большое количество помещений для различных кружков. Клуб стоит на перекрестке улиц Шаумяна и лейтенанта Шмидта. Окружением его служат уже упоминавшийся, недавно надстроенный дворец „Динамо” и Педагогический институт (его дореволюционное здание в формах неоготики после войны расширилось за счет большого, но архитектурно безликого учебного корпуса), а также замыкающий перспективу улицы Шаумяна боковой фасад Дома Правительства. Особенности участка и стилистический разноречивый окружения подсказали трактовку архитектуры Клуба имени Держинского в нейтральных классических формах; его торжественный портик коринфского ордера обращен к улице лейтенанта Шмидта, и в тех же формах решен фасад по улице Шаумяна.

Здание клуба не примечательно оригинальностью пространственного решения или новизной трактовки традиционных форм. [158 - 159] Но хорошо найденный масштаб, ясность классической композиции и пластика, тщательно выполненных архитектурных деталей закрепили место здания в подчинившейся ему окружающей застройке.

Все рассмотренные выше разновременные построенные здания определили нынешний облик привокзальной части города, в значительной мере устранив былой уродливый контраст ветхих лачуг с одиноко высившимися крупными доходными домами и установив архитектурный масштаб дальнейшего строительства.

Архитектурные особенности застройки города в предвоенные годы характеризуют, однако, не только общественные и административные, но также крупные жилые здания, построенные на градостроительно важных участках. Жилые дома этих лет позволяют отметить индивидуальность архитекторов, правильно [159 - 160] понявших задачу, выдвинутую значением отведенного под строительство участка и диктовавшего архитектурный масштаб здания, а в некоторых случаях и известную приподнятость его художественного звучания. Однако тенденции к монументализации архитектурных форм не всегда отвечали конструктивной основе современного жилого дома. Поиски же образной выразительности в архитектурном наследии, безотносительно классическом или национальном, подчас порождали определенный налет стилизаторства и декоративизма, который впоследствии резко возрос и вступил в острое противоречие с прогрессивными методами строительства.

Превосходно обзревается издалека огромный жилой дом Бакгорисполкома (архитекторы С. Дадашев, М. Усейнов), [160 - 161] впоследствии приспособленный для ЦК КП Азербайджана. Расположенный на кромке одной из террас бакинского амфитеатра, корпус его, повторяя изгибы участка, вытянут вдоль улицы Лермонтова и на пересечении ее с круто спускающейся к морю улицей

Чкалова закреплен внушительным башнеобразным объемом. Приветливость обращенного к морю фасада определяют многочисленные, удачно сгруппированные балконы, затененные лоджии и небольшие уютные веранды, в рисунке которых звучат мотивы азербайджанского жилого зодчества XVIII—начала XIX века.

На улицы Коммунистическую, Гуси Гаджиева и А. Г. Караева выходит жилой дом „Монолит” (архитектор К. Сенчихин), главный фасад которого занимает видное место в архитектурном обрамлении площади имени Низами. В архитектуре „Монолита” обращает внимание грубоватая тяжеловесность нижнего яруса, обработанного декоративной кладкой из крупных рустов. Основание это, вместе с развитым карнизом и вертикальными полосами рустов на углах здания, оттеняет свойственный этому дому мелкий масштаб неоклассических архитектурных форм. К площади обращены ведущие во двор арочные проходы, с размещенным над ними небольшим декоративным портиком, который служит фоном впоследствии установленному памятнику гениальному азербайджанскому поэту XII века Низами Гянджеви.

Показателен процесс формирования современного облика площади имени Низами и тяготеющей к ней группы скверов — обширного района, которому в центральной части города принадлежит одно из наиболее видных мест. Площадь возникла на месте снесенных ветхих строений, где бакинские старожилы еще помнят тесно лепившиеся друг к другу лавчонки с восточными сладостями, москательными и иными товарами и небольшие харчевни — „джызз-быззные”, называемые так по ассоциации со звуками, которые издавали мелко нарезанные кусочки требухи, поджаривавшиеся здесь на больших противнях, вмазанных над очагами.

Обрамление площади складывалось из зданий, архитектурно крайне разнохарактерных — конструктивизм Дворца печати, модернизованная классика „Монолита”, неоготика Академии наук и Шемахинские ворота Крепости, видневшиеся между безлико застроенным кварталом и строгим модерном Дома [161 - 162] профсоюзов (архитектор Л. Ильин). Ситуацию усложняло резкое падение рельефа от „Монолита” к расположенной напротив дореволюционной гостинице, здание которой было перестроено под Музей азербайджанской литературы имени Низами.

Задача архитектурной организации большого и полностью обстроенного участка была нелегкой. Решение было найдено путем объединения существовавших разрозненных звеньев воедино. В композиционном центре площади была поставлена монументальная скульптура, единством художественного замысла связанная с главенствующим в сложившейся застройке зданием музея. Значение же музея было выявлено не механическим увеличением размеров старой постройки, а смелым расширением средств художественной выразительности.

Своеобразие архитектурного образа Музея Низами (архитекторы С. Дадашев и М. Усейнов) достигнуто органическим включением в пространственную композицию монументальной скульптуры, обогащением пластики архитектурных форм и широким применением полихромной керамики. Сочетание традиционных приемов архитектурной классики с переосмысленными мотивами азербайджанского зодчества, столь характерное для [162 - 163] этого периода, ярко проявилось в архитектуре музея. Строй здания несложен, а выходящие на четыре улицы фасады его сходны и принципом членения и трактовкой элементов. Нижний этаж, утяжеленный выступами укрепившего здание железобетонного корсета, отделен несложным сталактитовым карнизом. Ритм выступов не нарушает ни ведущий в здание с Коммунистической улицы главный вход, трактованный в духе порталных композиций мемориальных сооружений средневекового Азербайджана, ни большой проезд, который ведет во внутренний двор с противоположной стороны.

Нижний этаж служит основанием для двух верхних, объединенных ритмом пилястр и карнизом небольшого выноса, который протянут вдоль периметра всего здания. Фасады опоясаны лентой многоцветного и сложного по рисунку растительного орнамента. Полихромной мозаикой выполнены также убранство порталного входа, обрамления полуциркульных [163 - 165] арочных проемов и оживляющее гладь стен скупо расставленные медальоны.

Обращенный к площади фасад выдержан в том же строе членений. Однако от остальных он резко отличается пространственностью решения. Его композиционным центром служит глубокая шестиарочная лоджия. Поверхность ее стен покрыта облицовкой, рисунок которой выдержан в холодных синих тонах и напоминает узоры знаменитых азербайджанских ковров.

Центр фасада подчеркивает расположенный над аркадой небольшой объем с миниатюрной аркатурой. По ее верху проходит парапет с балюстрадой и вырисовывающимися на фоне неба обелисками, поддерживающими общий ритм членений. Фасад этот также выделяется пластичностью

своих форм, отличающейся от известной графичности форм остальных фасадов. Абрис стрельчатых арок, опирающихся на сталактитовые капители тоненьких сдвоенных колонок, выявлен глубокими тенями лоджий и богатством многоцветного узорочья тимпанов, центры сложных плетений которых выделены сочными пятнами пятилучевых звездочек.

Слегка мерцающая в глубине лоджий облицовка служит фоном для установленных по оси арок статуй выдающихся [165 - 166] писателей и поэтов Азербайджана — Физули (скульптор Ф. Абдурахманов), Вагифа (скульптор Дж. Карягды), Мирзы Фатали Ахундова (скульптор П. Сабсай), Натаван (скульптор Е. Трипольская), Джалила Мамедкулизаде (скульптор Н. Захаров) и Джафара Джабарлы (скульптор С. Кляцкин). Эти статуи превратили музей в своего рода пантеон деятелей духовной культуры народа.

Памятник Низами Гянджеви, установленный в дни празднования 800-летия поэта (скульптор Ф. Абдурахманов, архитекторы С. Дадашев и М. Усейнов), завершил формирование своеобразного ансамбля. Величавая фигура Низами как бы вырастает из основания, с которым связана свободно ниспадающими крупными складками верхней одежды — абы. Превосходно вылеплена одухотворенная голова поэта — романтика и мыслителя, со строгими чертами мудрого, полного сосредоточенной, внутренней силы лица. Выполненная в бронзе шестиметровая скульптура, установленная на высоком пьедестале из полированного красного Лабрадора, явилась художественно-композиционным центром площади, подчинившим себе все компоненты ее разновременной и разностильной застройки.

Однако работы по реконструкции этого района города не были завершены с установкой памятника Низами. Ансамбль постепенно превращался в центр тяготеющей к нему группы площадей и скверов, хорошо между собой связанных.

На освобожденном от ветхих строений участке вдоль реставрированной крепостной стены (архитектор Л. Мамиконов) — между зданием Академии наук и выходящими на площадь Молодежи Шемахинскими воротами — был создан большой сквер. Боевые зубцы крепостных стен, виднеющиеся сквозь листву ширококронных деревьев разросшегося сквера, служат дополнительным средством объединения всех звеньев этой обширной и своеобразной пространственной композиции. [167 - 168] Статуя Сабира (скульптор Я. Кейлихис, архитектор Я. Сырышев), установленная в 1922 году на верхней площадке сквера, в 1958 была заменена. Новая статуя (скульптор Д. Карягды, архитекторы Г. Ализаде и Э. Исмаилов) значительно более выразительна. Фоном для статуи погруженного в раздумье Сабира служит проглядывающий сквозь густую зелень мшистый камень крепостной стены и ажур лоджий Академии наук. Досадно лишь, что памятник несколько велик и нарушил масштаб окружения.

Небольшой сквер возник и у развилки выходящих к музею улиц Джапаридзе и Зевина. На фоне строгого четырехколонного портика, пристроенного к реконструированному зданию кинотеатра „Азербайджан“, в 1960 году установлен памятник выдающейся азербайджанской поэтессе XIX века Натаван (скульптор О. Эльдаров, архитектор Ф. Леонтьева). Памятник масштабен, привлекает одухотворенностью образа задумавшейся на садовой скамье молодой женщины. Кажется лишь, что пересечение оживленных улиц со множеством пешеходов — несамое удачное место для камерного по настроению памятника.

Освободившаяся от малоценной застройки территория двух небольших кварталов позволила значительно расширить площадь зеленых насаждений и перепланировать убогий дореволюционный сквер — „Парапет“. На его месте создан просторный, хорошо озелененный сквер — сад имени Карла Маркса (архитектор И. Тихомирова), связанный с небольшими старыми сквериками у Дворца печати и армянской церкви. Некогда аморфное пространство площади теперь оконтурено благодаря надстройке нескольких капитальных старых зданий и строительству крупного жилого дома, с размещенными в них кинотеатром и магазинами. А нарядные, легкие формы открытого кафе „Нэргиз“, поставленного вдоль широкого „кармана“ между зеленью сквера и линией застройки, это пространство оживили и украсили.

Так образовалась целая цепочка взаимосвязанных зеленых звеньев. Они несколько разрядили плотность застройки городского центра, немного изменили его микроклимат, придали нарядность архитектурному облику. Работы по созданию этого архитектурно целостного комплекса продолжались немалое время. Строительство Музея Низами вчерне было закончено [169 - 171] накануне Великой Отечественной войны, но ансамбль площади, повлекший за собой серьезные изменения прилегающего к ней обширного и важного района, сложился значительно позднее, уже в 50-е годы.

Как уже отмечалось, военные годы наложили свой отпечаток на город, превратив его в один из важнейших арсеналов страны, снабжавший фронт самым разнообразным снаряжением — от нефтепродуктов до боеприпасов. Все строительство, непосредственно не связанное с военными нуждами, было приостановлено, а тяготы этих лет, естественно, сказались на благоустройстве и состоянии городского хозяйства.

Первые послевоенные годы были ознаменованы широко развернувшимся строительством города, к которому приступили почти одновременно в различных районах. В этом строительстве наблюдается ряд характерных черт. Решительнее стали осваивать свободные — окраинные территории, в особенности Нагорное плато, где было задумано не только разместить крупные жилые массивы, но и создать обширный район академических научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений. В эти годы, по существу, закладывалась градостроительная основа нынешних проспектов Нариманова и Строителей, и определялся масштаб последующей их застройки. Интенсивное промышленное и гражданское строительство развернулось и в Сумгаите. Но объем работ по реконструкции центра города был также велик, и внимания им в те годы уделялось значительно больше. При этом практика застройки участков, свободных или освобождающихся от ветхих строений, и порой лишенные серьезного обоснования „волевые” решения вносили элемент случайности в размещение ряда новостроек города. В некоторых случаях эти здания оказывали определенное воздействие на характер продолжавшейся реконструкции и на застройку прилегающих к ним районов. Однако бывало и так, что они как бы растворялись в своем окружении.

В архитектуре первых послевоенных лет усилилась тенденция к ложной монументализации архитектурных форм. Широкое распространение приобрело недостаточно осмысленное обращение к наследию национального зодчества, ограничивавшееся [171 - 172] механическим перенесением его элементов на фасады современных зданий, что архаизировало и огрубляло их. Практика „штучного” проектирования способствовала развитию эстетско-формалистического понимания задач архитектуры. Нередко эта практика порождала пренебрежение к вопросу удобств для непосредственных „потребителей” этих зданий, препятствовала индустриализации строительства, снижала его темпы, приводила к резкому удорожанию. Эти явления имели место не только в Баку. Постепенно разрастаясь, они резко отрицательно сказывались на развитии советской архитектуры и были справедливо осуждены на первом Всесоюзном совещании строителей и архитекторов в Кремле зимой 1954 года. Известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об устранении излишеств в проектировании и строительстве наметило пути ликвидации этого серьезнейшего недостатка [172 - 173] и указало принципы перестройки всех областей архитектурного искусства.

Было бы, однако, неверным полагать, что распыление строительства на обширной территории исключало заботу о формировании облика города в целом. Для того чтобы составилось правильное представление о застройке отдельных районов и особенностях формирования их современного облика, вновь придется нарушить хронологическую последовательность повествования о сооружении отдельных зданий и сосредоточить внимание на застройке того или иного района в целом.

Значение новостроившихся зданий в ранее сложившемся окружении, как уже отмечалось, было различным. Небольшой Театр юного зрителя (архитектор М. Гусман) незаметен между зажавшими его надстроенным крупным жилым домом и корпусом книгохранилища республиканской Публичной библиотеки [173 - 174] имени М. Ф. Ахундова. Излишняя миниатюрность здания усугублена его постановкой на „красной линии”. Не устранил этот недочет своеобразный декоративизм архитектурных форм и включение в композицию фасада тонко выполненного барельефного фриза (скульптор Е. Трипольская) на сюжеты известной музыкальной комедии Узеира Гаджибекова „Аршин мал алан”. Отметим, кстати, что тематика барельефа и характер архитектурных форм здания более соответствовали его первоначальному назначению. Проектировалось оно для театра музыкальной комедии.

Здание ТЮЗа выпадает из установившегося масштаба новой застройки улицы Низами, одной из наиболее красивых и оживленных улиц города. Масштаб этот, заданный сохранившейся еще частью дореволюционной застройки, поддержали [174 - 175] два эффектных больших дома нефтяников, построенные на пересечении улиц Низами и Самеда Вургуня (архитектор М. Усейнов). Связанные единством планировочного замысла, общностью архитектурного решения и форм, здания эти отличаются не свойственными облику современного жилого дома излишествами убранства — пышно развитыми сталактитовыми карнизами, декоративными башенками, монументальными вазами и другими подобными элементами.

Здания по улице Низами, большой дом работников науки неподалеку от „Интуриста”, жилые дома, которыми вслед за „Монолитом” открывается улица Гуси Гаджиева, частично застройка проспекта Строителей, улицы Водопьянова в поселке Монтина и многих других говорят о силе украшательских тенденций тех лет даже в художественных представлениях наиболее зрелых и опытных архитекторов. Излишества эти в известной мере снижают привлекательность того оптимистического [175 - 176] характера, которым отмечена архитектура этой группы зданий, трактованных в формах, присущих жаркому югу.

Другая группа крупных жилых домов, построенная в те же годы по улицам Басина, Нижне-Бульварной, Физули, Московскому шоссе, была также наделена башнеобразными завершениями, стрельчатыми арками и другими механически перенесенными архитектурными формами. Однако понимание и трактовка этих форм превращали подобные здания в мрачноватые „пересказы” архитектурных тем феодального средневековья.

Стрельчатая арка стала обязательным атрибутом любого здания, независимо от его назначения, как бы определяющим национальный колорит архитектурного решения, а башнеобразные завершения столь же обязательным элементом композиции жилого дома.

Как всегда, подобные тенденции отчетливее всего проявились в архитектуре общественных зданий. Тем не менее, архитектура некоторых сооружений выдержала проверку временем, несмотря [176 - 177] на принципиально изменившиеся представления об эстетике архитектурного образа. К таким сооружениям принадлежит республиканский Стадион имени В. И. Ленина (архитекторы Л. Гонсировский, О. Исаев и Г. Сергеев) — центр функционально и архитектурно хорошо продуманного комплекса спортивных сооружений. Искусное использование крутого падения рельефа позволило создать раскрывающийся к морю эффектный амфитеатр. Серпообразные трибуны, вмещающие более 40 тысяч зрителей, завершаются открытыми просторными колоннадами, защищая футбольное поле от господствующих северных ветров. Внешний облик стадиона запоминается выразительной сдержанностью архитектурного решения. Скупые примененные и любовно выполненные элементы архитектурного убранства оживляют большие поверхности тщательно сложенных каменных стен. Вертикали башен, закрепляя окончания трибун, служат обрамлением раскрывающейся перед зрителями живописной панорамы приморской части города и бакинской бухты. [177 - 178]

В общем впечатлении немаловажное место принадлежит расцветке всего спортивного комплекса, значительно обогащенной в сравнении с обычной сдержанностью палитры бакинского пейзажа. Красочно сочетание больших поверхностей превосходно выполненной каменной кладки с изумрудным ковром футбольного поля, черепичной кровлей колоннад над трибунами (к сожалению, впоследствии замененной) и зеленью Парка имени Дзержинского, к которому стадион обращен своими трибунами.

Главный вход на стадион подчеркивает большой, строгого рисунка двенадцати колонный портик. Его лаконичный объем скрывает красивый внутренний дворик — патио с выходом на центральные трибуны. В принадлежащем стадиону большом спортивном здании — павильоне размещены гимнастический зал и многочисленные помещения для секционных занятий. Весь этот комплекс способствовал архитектурной организации окружившего его впоследствии большого жилого [178 - 180] массива, к строительству которого приступили несколько лет спустя.

Однако образовавшаяся перед главным входом на стадион площадь в настоящее время настолько велика, что даже его портик несколько теряется в ее огромном пространстве. Построенными и строящимися зданиями повышенной этажности, интересными по замыслу и сравнительно хорошо выполненными (жилой дом и гостиница „Спорт”, архитектор Р. Торосян), по существу, закладывается начало архитектурного формирования площади. Находящаяся на ней станция метрополитена „Гянджлик” („Молодежная”) обеспечивает перевозку зрителей, устремляющихся на стадион в дни больших спортивных соревнований, и надежно связывает новый, интенсивно развивающийся жилой район с центром города.

Тенденции архитектурного развития города в первые послевоенные годы особенно отчетливо сказались в зданиях Публичной библиотеки имени М. Ф. Ахундова, Музея В. И. Ленина, Театра азербайджанской драмы имени М. Азизбекова и Центрального универмага, законченных строительством к 40-летию Советского Азербайджана. Каждое из них отразило черты творческой индивидуальности авторов. Не нейтральны они и по своему местоположению: масштаб и облик зданий таковы, [180 - 181] что они не могут быть не учтены при предстоящих работах по реконструкции города.

Здание Публичной библиотеки завершило обрамление площади имени 26 бакинских комиссаров, которую окружают единые по масштабу, но малоприметные и разнохарактерные здания — от модерна Дома писателей до конструктивизма Клуба сотворгслужащих.

В обрамлении площади, по сути, только здание библиотеки (архитектор М. Усейнов) связано с общим архитектурным замыслом. Выделяясь своими крупными членениями, обращенный к площади главный фасад подчеркнут торжественным трех-арочным порталом, к которому ведет просторная открытая лестница.

Архитектурным лейтмотивом здания служит опоясывающая его глубокая лоджия, в просветах стрельчатой аркады которой установлены статуи выдающихся писателей. Прием этот, знакомый по Музею Низами, здесь менее убедителен. Нет того эмоционального воздействия, которое определялось в музее силой художественной связи памятника поэту с „пантеоном” крупнейших азербайджанских писателей. Свою роль сыграли и невысокие художественные достоинства скульптур, кроме единства размеров, ничем между собой не связанных. [181 - 182]

На территории площади-сквера имени Петрова, зелень которого частично сохранена, островное положение занял Музей В. И. Ленина (архитектор Г. Меджидов). Объем здания хорошо воспринимается на фоне окружающей его застройки. План его компактен и прост. Из просторного вестибюля наверх — до освещаемого стеклянным куполом зала четвертого этажа — ведет центральная лестница, вокруг которой группируются анфилады экспозиционных помещений. Ясность организации внутренних объемов отражена в четкости фасадных членений, архитектурный строй которых напоминает уже отмечавшийся Клуб имени Дзержинского, находящийся неподалеку. [182 - 183] К морю музей обращен мощным двенадцатиколонным портиком, но элементы ордера его „приукрашены” мотивами азербайджанской архитектуры. Отметим сталактитовидный рисунок капителей, близкий скорее лепной или деревянной, но не каменной технике, измельченное убранство карниза и т. п. Однако эти неудачные детали обращают внимание лишь вблизи.

На морском фасаде города заверченный стеклянный куполом портик музея выигрышно выделяется среди других крупных зданий, которых немало построено по проспекту Нефтяников после войны. [183 - 184] Дом Правительства, музей, большие жилые дома определили общий характер застройки этого проспекта, тянувшегося далеко вдоль берега моря. По своей архитектуре здания проспекта Нефтяников так же резко разнятся, как и по своему назначению. Тем не менее, именно эти здания определили не только масштаб, но и оптимистическое звучание современного облика проспекта. Совсем ещё недавно основание Девичьей башни с приморской стороны было скрыто тесно его облепившими строениями. Сейчас все эти здания снесены и на их месте возник благоустроенный сквер. Благодаря этому не только выявились подлинные размеры и восстановлен первоначальный облик [184 - 185] этого уникального памятника. Башня „выросла” и как бы шагнула вперед, приблизившись к кромке проспекта Нефтяников. Ее лаконичный цилиндр и виднеющаяся в просвете между двумя монументальными жилыми домами Крепость, со своеобразными силуэтами зданий дворцового ансамбля и башенками минаретов, великолепно оттеняют масштаб и характер новой застройки набережной социалистического Баку.

Интересные работы ведутся в последние годы по восстановлению былого окружения Девичьей башни. От многочисленных наслоений очищен фасад башни, и ее портал приобрел свои первоначальные, неожиданно стройные пропорции. Сохранившиеся [185 - 186] фрагменты позволили восстановить обрамлявшую рыночную площадь аркаду, которая в случае надобности вновь может служить укрытием от солнца и непогоды. Восстанавливаются незамысловатые фасады и интерьеры неплохо сохранившихся бухарского, индийского и армянского караван-сараев и связанной с последним церкви.

Впечатление от восстанавливаемого облика общественного центра города XVII столетия дополнит и расширит впечатление от дворцового ансамбля, а вместе они позволят составить более полное представление об архитектуре жизненно важных узлов средневекового Баку.

Здания универсама и Театра азербайджанской драмы неотделимы от реконструкции улицы Гуси Гаджиева, до неузнаваемости преобразившей ее былой невзрачный облик. Протяженностью около 600 м, тесно обстроенная небольшими, густо заселенными домами, с обращенными к узенькой улице витринами маленьких лавок — „растворов”, она еще недавно оправдывала свое наименование — Базарной. Сейчас это одна из наиболее оживленных улиц современного Баку.

Улица Гуси Гаджиева подводит к площади имени Физули, соединяя таким образом, приморскую часть города — Крепость и Коммунистическую улицу — с привокзальной, через улицу Басина, которая берет свое начало в этом районе, упираясь в здание вокзала электрической железной дороги.

Снос ветхих строений и снятие трамвайного пути с проезжей части превратили улицу Гуси Гаджиева в сорокаметровой ширины магистраль, одну из наиболее благоустроенных в части города, сложившейся и оформившейся еще до революции. Улица начинается от зданий „Монолита” и Дворца печати, между которыми сквозь зелень сквера проглядывает часть крепостной стены. Западная часть улицы застроена крупными однотипными пятиэтажными домами, с магазинами в нижних этажах. Связанные единством планировочного замысла, они определяют предстоящую реконструкцию пересекающих ее узких, с односторонним движением улиц, часть которых виднеется в проемы перекинутых между жилыми корпусами больших арок.

Универмаг (архитектор Н. Кенгерли) занимает квартал около Дворца печати. Сопоставление его с архитектурой Дворца, „Монолита”, впоследствии выстроенных крупных жилых [186 - 187] домов, стоящего напротив большого административного здания и новой застройки улицы Гуси Гаджиева говорит об исканиях архитектурного образа в сфере приемов и форм, значительно более близких к современным эстетическим представлениям. Отбрасывающий глубокую тень большой козырек „отбивает” нижний этаж. Сквозь слегка вынесенные вперед остекленные поверхности его витрин виднеются мощные столбы-устои. Четыре верхних этажа объединены пилястрами, облицованными плитами естественного камня. Их ритм организует, большие плоскости стекла, расчлененные по горизонтали лишь скрытыми за ними торцами междуярусных перекрытий. Последний — аттиковый этаж с обычного рисунка оконными проемами выделен перемычкой, также облицованной каменными плитами. Пилястры объединяет широкая гладь архитрава, [187 - 188] завершенного несложно профилированным карнизом с большой выносной плитой. Композиционный строй здания с его хорошо найденными пропорциями отчетливо воспроизводит каркасную структуру.

Универмаг невольно привлекает внимание лаконичной ясностью облика, свободного от претенциозности некоторых из соседствующих с ним зданий.

Улица Гуси Гаджиева, как уже отмечалось, выходит на площадь Физули. Въезд на нее подчеркнут повышенными объемами завершающих застройку улицы зданий. На одном из углов площади — пересечении улиц Басина и Шихали Курбанова — в 30-х годах был построен большой, многоблочный жилой дом. Это было настолько необычным явлением для мелко и невзрачно застроенного района, что долгое время его именовали по отличительному признаку дома — „Беш мэртэбэ”, то есть пятиэтажный.

Площади Физули принадлежит немаловажное место в планировочной структуре города. Она не только соединяет его приморскую часть с привокзальной. Ею открывается также большая часть города, до сих пор именуемая бакинскими старожилками Шемахинской. Здесь начинаются пересекающие ее улицы Джафара Джабарлы и Губанова, которые, в конечном счете, выводят к району автовокзала, к началу автотрасс, ведущих к Сумгаиту, Шемахе и в другие районы республики.

Задача организации пространства площади Физули, неправильная форма которой отразила особенности условий ее формирования, нелегка. Территория площади расширялась, а очертания ее продолжают меняться по мере сноса малоценной аварийной застройки и строительства новых зданий.

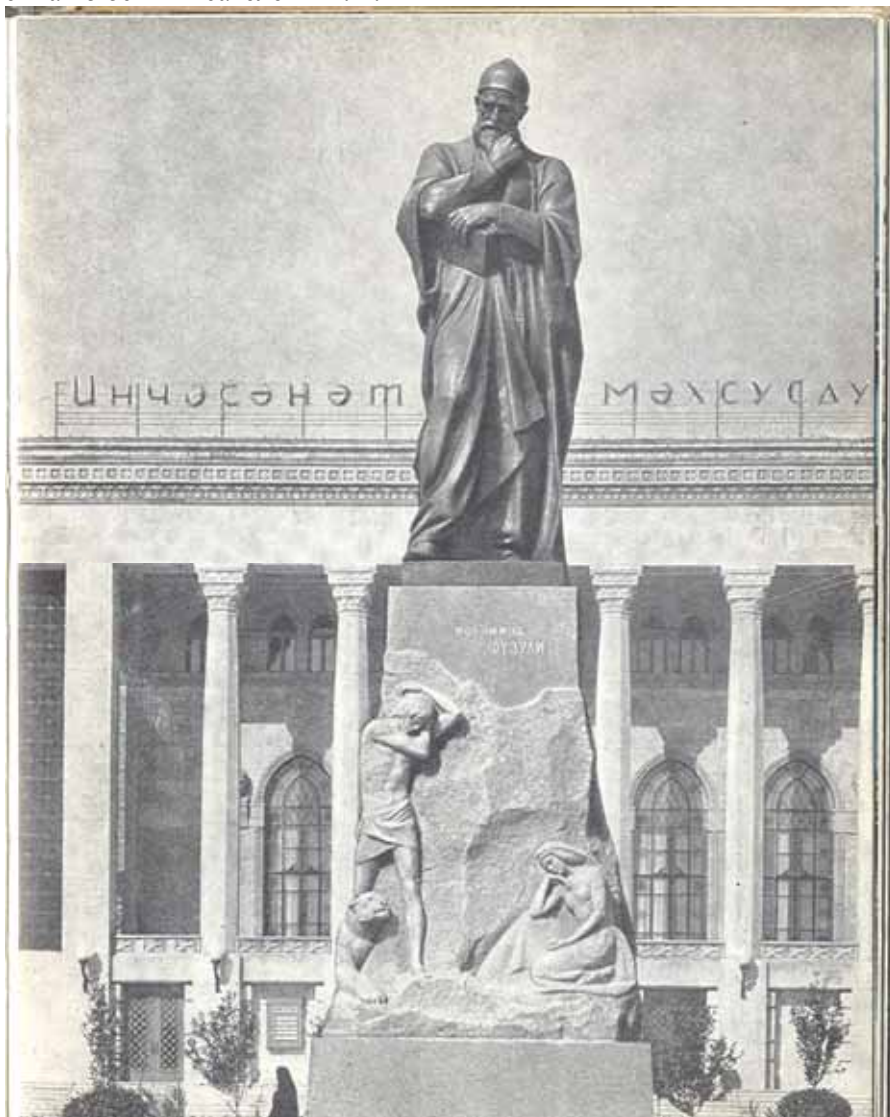
Театр азербайджанской драмы (архитекторы Г. Ализаде и М. Мадатов), поставленный в глубине площади, замкнул перспективу улицы Басина, по генеральному плану развития Большого Баку продолжающейся до Нагорного плато. Таким образом, значение площади Физули еще более повышается. Она превращается в один из архитектурных узлов пересекающей город магистрали, создание которой определит характер реконструкции прилегающих обширных районов.

Площадь находится в стадии формирования, и обрамление ее еще не сложилось. Устойчивыми компонентами в настоящее время являются лишь крупные жилые здания по улицам Гуси [188 - 189] Гаджиева и Басина. Поэтому, говоря о месте, которое занимает на ней здание театра и памятник Физули — выдающемуся азербайджанскому поэту XVI века, — нельзя забывать, что процесс становления ее архитектурного облика все еще продолжается.

Затянувшиеся проектирование и в особенности строительство театра наложили отпечаток на его архитектуру. В основе пространственного решения лежит обычная схема театрального здания с традиционным портиком на фасаде, объемом сценической коробки и т. п. элементами, но композиционно несколько модернизированной и архитектурно стилизованной.

Театр хорошо воспринимается с различных точек. Его глубокий портик — айван эффектен почти во всех ракурсах. Однако лучше всего просматривается он в фас, когда членениями первого [189 - 190]

этажа подчеркнута стройность пропорций ордера, отчетливо читаются утонение колонн, ажур металлической решетки между обрамляющими их сдвоенными пилонами и ведущие к айвану распашные лестницы. Здание проигрывает тогда, когда становится ощутимой недостаточность связи между фасадами, объединенными лишь поясом венчающего карниза, и обнаруживаются просчеты в деталях — измельченность членений карниза, механически расставленные в простенках айвана на кронштейнах бюсты писателей и т. п.

Интересен памятник Физули (скульпторы О. Эльдаров, Т. Мамедов, архитектор Г. Мухтаров), установленный на площади в 1963 году. Необычен выполненный из розоватого гранита постамент: на тщательно профилированном основании грубовато обработанный параллелепипед с тонко моделированными горельефными изображениями, навеянными чудесной лирикой поэта. Верх основания вновь тщательно обработан, а на нем высится фигура погруженного в раздумье поэта. Иконографических данных о Физули нет, как и о большинстве деятелей культуры эпохи средневековья. Но созданный скульпторами образ настолько отвечает эмоциональному ключу его бессмертных произведений, что оставляет впечатление о встрече с давно известным близким человеком.

Органична связь пьедестала — шестиметровой каменной глыбы — с пятиметровой бронзовой скульптурой. Драпирующие фигуру свободно ниспадающие тяжелые складки одежды определяют пластическую выразительность силуэта. „Сильный войсками слов” поэт словно задумался над трагической судьбой героев своих бессмертных творений, пользующихся широчайшей популярностью на всем Переднем Востоке. Традиционный прием украшения пьедестала сюжетными рельефами стал здесь неотъемлемым компонентом сильного и художественно целостного образа — из сколов гранита как бы постепенно проявляются фигуры „одержимого любовью” Меджнуна и поэтически трогательной Лейли. Превосходно выполненная голова Физули покоряет глубиной проникновения в мир чувств и переживаний поэта.

Однако место для памятника выбрано несколько неудачно. Дело не только в том, что поза задумавшегося поэта плохо гармонирует с оживленной площадью. Сократился масштаб театра, находящегося в некотором отдалении за памятником. [190 - 192] А рябь мелких членений большого жилого здания, недавно построенного в торце площади, служит плохим фоном для скульптуры.

Большинство памятников, установленных в Баку за последние годы, посвящено классикам азербайджанской литературы. Они несколько заслонили революционно-романтическую линию монументальной пропаганды, которая в городе, столь богатом замечательными революционными традициями, должна быть особенно сильна. Может быть, именно поэтому особое внимание привлекает памятник „Освобождение” образно символизирующий одну из важнейших побед Советской власти — раскрепощение женщины-азербайджанки, Широкая, но короткая улица Шихали Курбанова ведет от площади Физули вверх, к нагорной части города. Большим „покоем” обращено к ней здание Совнархоза (архитектор М. Рафили), своеобразие и масштаб которого определяют характер реконструкции не только этой улицы, но и довольно обширного окрестного района, застроенного, как правило, небольшими и невзрачными зданиями. Несколько выше, на развилке, образованной ответвляющимися от улицы Шихали Курбанова улицами Дж. Джабарлы и Губанова, вздымается высокий строгий пьедестал, завершающийся женской фигурой (скульптор Ф. Абдурахманов, архитектор М. Усейнов). В движении стройного тела, так же как и во всем облике, только что сбросившей чадру женщины, хотелось бы видеть больше динамики и волевой направленности. Однако этот недочет не снижает общего впечатления от хорошо поставленного памятника. Он не только превосходно воспринимается, даже с большого удаления, но и запоминается как один из наиболее удачных монументов города.

За последние годы изменилось и продолжает меняться окружение памятника, установленного на небольшой треугольной площади-сквере. На месте неприметной, малозатяжной застройки с правой стороны возникло крупное здание построенной по индивидуальному проекту школы (архитекторы А. Агаронов, А. Аванесов, Э. Мельхиседеков). Его подчеркнутые горизонталы и светлая расцветка способствовали выявлению темной вертикали столпообразного пьедестала и патинированной бронзы скульптуры. Сложнее обстоит дело со строящимся позади 192 памятника зданием Оргтехстроя (архитектор Ш. Зейналова), [192 - 194] которое замкнет перспективу поднимающейся вверх улицы. На фоне его семнадцатизэтажного объема памятник теряется, в особенности с удаленных точек.

Библиотека, музей, универмаг и театр занимают немаловажное место в облике современного Баку. И, тем не менее, когда в 1960 году они вступили в строй, на фоне нового строительства, коренным образом изменившего характер и облик города, архитектура этих зданий уже выглядела известным анахронизмом.

Совершенствование архитектурно-строительной деятельности по дальнейшему развитию города, сопровождаемое коренным пересмотром творческих позиций архитекторов, к этому времени дало реально ощутимые результаты. Возникли новые районы жилищного строительства, которое велось, как правило, [194 - 195] по типовым проектам и стало подлинно массовым. Скупой язык цифр в данном случае наиболее нагляден и убедителен.

Достаточно отметить, что жилой фонд города, составлявший в 1959 году около 5,3 млн. кв. м, к 1969 году вырос почти на 3 млн. кв. м. Удалось полностью отказаться от нередкой в послевоенные годы вынужденной практики коммунального заселения квартир. Трудящиеся города получали ежегодно в среднем около 10 тысяч новых квартир. За это же время бакинцы получили 112 новых школ, где занимается более 80 тысяч учащихся; 109 зданий детских ясель и садов, в которых, однако, растущий город по-прежнему продолжает испытывать нужду; 39 больничных зданий, более чем на 4 тысячи коек.

Современный Баку развивается по трем направлениям: дальнейший рост ранее отпочковавшихся от него городов-спутников, продолжение строительства в новых районах, расширение работ по реконструкции исторически сложившейся центральной [195 - 196] части. На различных этапах современной нам истории города значение этих направлений не могло быть, и не было одинаковым. Последние годы все внимание было сосредоточено на районах массового строительства. Являясь ключом решения жилищной проблемы, они создали реальные возможности для радикальной реконструкции переуплотненного центра, застройка немалой части которого в свете нынешних требований во многих отношениях малоудовлетворительна.

Условия возникновения и особенности развития спутников Баку чрезвычайно разнообразны, и они наложили свой отпечаток на их архитектурный облик. Сумгаит — молодой город металлургов и

химиков — недавно еще был одним из районов Баку, кстати, не более удаленным от его центра, нежели Орджоникидзевский или Азизбековский. Другого рода спутниками являются Приморск — небольшой городок карадагских цементников, остров Артема, превратившийся теперь в полуостров, или Дюбенды, в районе которого создается специальный порт Апшерон, где постепенно будет сосредоточен весь нефтеналив. Совершенно уникален выросший посреди Каспия поселок морских нефтяников с его оправданно романтическими названиями — „Остров семи кораблей” или „Нефтяные камни”.

Сумгаит превратился в самостоятельно развивающийся промышленный центр союзного значения. Обстоятельство это нашло отражение в его современной застройке. Сформировался застроенный крупными зданиями общественный центр города, идейно-художественное значение, которого подчеркнуто композиционно хорошо установленной монументальной статуей В. И. Ленина (скульпторы Т. Мамедов и О. Эльдаров, архитектор Ю. Толстоногов). Определился архитектурный облик ряда проспектов, площадей, улиц и набережной, вдоль которой создается эффектный приморский парк. Мощный завод крупнопанельного домостроения обеспечивает строительство микрорайонов, основных звеньев дальнейшего развития города.

Новый этап архитектурного развития Сумгаита ознаменовало строительство первых девятиэтажных жилых домов. Как и в Баку, их численность, так же как и этажность, будет непрестанно нарастать, существенно меняя силуэт города. До недавнего времени его разнообразили только трубы заводов.

Приморск, как и сливающиеся поселки острова Артема, сохранит свой облик небольшого, тяготеющего к Баку спутника, [196 - 198] масштаб которого диктует не только „набор” его общественно-бытовых сооружений, но и несколько камерный характер архитектуры жилой застройки, благоустройства и озеленения.

Необычен облик легендарных „Нефтяных камней”, известных по великолепным художественно-документальным фильмам — „Повесть о нефтяниках Каспия” (1953) и „Покорители моря” (1959). Стальные эстакады — напряженно пульсирующие артерии этого уникального городка, протяженность которых приближается к 200 км, — обстроены небольшими одно- и двухэтажными зданиями. Однако архитектурный облик „Нефтяных камней” должен в будущем существенно измениться за счет строительства высотных зданий. Еще недавно мысль о строительстве в открытом море даже четырехэтажных жилых домов казалась небывало дерзкой. И тем не менее немало специалистов полагает, что целесообразно развивать строительство не вширь, а ввысь, поскольку основные затраты и трудности связаны с созданием в море фундаментов. Длительное время продолжались сложные работы по намыву участка искусственной суши площадью около двух гектаров. По замыслу проектировщиков на нем должны быть возведены поставленные на специальные опоры три одиннадцатизэтажных жилых корпуса гостиничного типа, связанные воедино обходной галереей. В специальном [198 - 199] блоке разместятся необходимые службы — столовые, бытовой комбинат, магазины, поликлиника, библиотека, зрительный зал на 500 мест и т. д. Элементы сборных железобетонных конструкций и крупные панели здания, заготавливаемые на „большой земле”, будут монтироваться мощными плавучими кранами. Во внутренней отделке найдут широкое применение полимерные материалы.

Это перспектива. Но уже в настоящее время в известной мере сложился архитектурный облик возникшего далеко в море городка. Кроме обычных служебных зданий, определенное место в нем принадлежит летнему кинотеатру, вертолетной станции, закусочной-чайхане. В небольшом здании создан музей героической истории добычи нефти из морских недр. На крохотном пятячке земли, около которого некогда навечно пришвартовались несколько старых каботажных судов, образуя основу нынешних „Нефтяных камней”, поставлен несколько необычный памятник. Это большое мозаичное панно (5x16 м) с рельефом из тонированной бронзы (архитектор А. Гусейнов, скульптор И. Зейналов). На постаменте надпись: „В ноябре 1949 года первая, пробуренная здесь, Михаилом Каверочкиным скважина дала нефть”.

В орбиту Большого Баку напрочно вошли селения северо-восточного побережья Апшерона, превосходно связанные с городом разветвленной сетью электрической железной дороги. Они служат базой для создаваемой зоны массового отдыха бакинцев. Многочисленные санатории и дома отдыха, расположенные здесь, заслуженно пользуются всесоюзной известностью. В селениях Шувелян, Мардакян, Бузовна, Бильгя, Пиршага и других находятся пионерские лагеря, в которых бакинская детвора проводит жаркое летнее время.

Но значение Апшерона не ограничивается превращением его северного побережья в зону массового отдыха. Центральная часть полуострова постепенно становится важной продовольственной базой Баку и Сумгаита.

Новый, третий бакинский водопровод, строительство которого недавно утверждено Советом Министров СССР, полностью обеспечит потребности в воде не только этих городов, но и Апшерона. Трасса нового водопровода протяженностью более полутора километра, с внутренним диаметром железобетонных труб в 3,5 м, пройдет от северных границ республики [199 - 200] до Апшерона. А 400 км железобетонных и металлических труб диаметром от 25 до 100 см образуют так называемую разводящую сеть по самому полуострову.

Строящийся Апшеронский канал оросит большие площади залежных земель, освоение которых будет способствовать удовлетворению потребности городского населения в молоке и овощах.

Перспективы создания на Апшероне солидной продовольственной базы и зоны отдыха для бакинцев повысили значение районной планировки, на основе которой размещаются объекты нового строительства, связанные с многообразными запросами и потребностями города более чем с миллионным населением. Еще в 1921 году В. И. Ленин подчеркивал необходимость комплексного решения вопросов дальнейшего развития Баку. „Можно ли развить нефтепромышленность, не развивая орошения и земледелия вокруг Баку?“ — писал он А. П. Серебровскому.

За последние годы значительно расширилось и изменилось основное ядро самого города. Бытующие наименования части новых районов и теперь еще выдают их недавнее „поселковое“ происхождение. К таким бывшим предместьям принадлежит поселок имени Петра Монтана, поселок „Восьмой километр“ и климатически наиболее благоприятный обширный район Нагорного плато. Недавно еще эти районы от прибрежной части города отделяли пустыри. Большая часть их ныне застроена, и характер застройки множества ранее только намечавшихся Перевальных, Поперечных, Хребтовых, Параллельных, Завокзальных, Въездных и иных улиц говорит о необратимости процесса стирания грани между бывшим центром и окраинами Баку.

Архитектуру новых районов отчетливее всего характеризует застройка Нагорного плато — Советской улицы, проспектов Строителей, Нариманова, ответвляющихся от них улиц, недавно возникших микрорайонов и формирующихся в настоящее время общественных центров.

Первоначально создание Советской улицы преследовало лишь цель установления необходимой связи между нагорной и приморской частями города, и построенные в 1930-е годы сравнительно крупные здания школы и бани резко выделялись на фоне неприглядного окружения. Следующий этап реконструкции, [200 - 201] наступивший в послевоенные годы, связан с продолжением благоустройства улицы и строительством на ней большого числа капитальных зданий. Складывается архитектурный облик замыкающих ее Южной и Северной Советских площадей, градостроительно весьма важных.

По характеру рельефа, очертаниям, определяющимся числом и особенностями вливающихся улиц, архитектуре построенных и строящихся зданий эти площади резко отличаются. И, тем не менее, постепенно установившийся масштаб и сложившийся характер рядовой жилой застройки последних лет, соединяющих их, и прилегающих улиц позволяет говорить и об известной [201 - 202] единомасштабности и даже целостности, не снимающих архитектурно-пространственную индивидуальность каждой.

Южная Советская площадь обрамлена большими жилыми корпусами типичной для середины 50-х годов архитектуры. Между ними будет построено высотное здание общественного назначения, а в композиционном центре площади будет установлен памятник видному государственному и партийному деятелю Нариману Нариманову. Организуя сложный перепад рельефа, площадь раскрывается к низменной — приморской части города, создавая одну из наиболее выигрышных точек ее восприятия.

Отсюда хорошо видны особенности не только застройки различных районов, но и отдельных наиболее крупных и интересных зданий. Запоминается компактность сочетания купольных покрытий и порталных объемов дворцового ансамбля, выделяющегося на фоне старой Крепости, несмотря на свои относительно небольшие размеры. Выявляются подлинный масштаб и место в городе застройки площади Ленина с Домом [202 - 203] Правительства и несколько его закрывшей „пластиной“ новой гостиницы. Превосходно воспринимается и своеобразие обработки поверхности внушительного цилиндра нового цирка и вытянутый конструктивистский корпус швейной фабрики имени Володарского и многие другие сооружения, которые не только служат ориентирами в просторе раскрывающейся панорамы, но и определяют неповторимую привлекательность бакинского архитектурного пейзажа.

Пространство Северной Советской площади более замкнуто и организуется зданиями совершенно иного архитектурного плана. Ее обрамление, а также обрамление примыкающих улиц, составляют крупные жилые дома преимущественно современного вида с преобладанием горизонтальных членений, с лишенными выступов и каких-либо элементов декора плоскостно трактованными фасадами. На этом, в общем, довольно нейтральном фоне выделяется несколько зданий, определяющих облик площади. В ее западном торце стоит десятиэтажный жилой дом первых послевоенных лет, кроме своего объема ничем не примечательный. В противоположном торце высится первая в Баку шестнадцатиэтажная вертикаль недавно законченного кооперативного жилого дома, доминирующая в пространстве площади и хорошо воспринимаемая из различных районов города. Обрамлением вытянутой верхней стороны площади служит здание машинно-счетной станции (архитекторы С. Маркарян, Л. Трошинская, Т. Ханларов). Его наиболее запоминающийся облик определяется ясностью строгого архитектурного строя. На глади подпорной стены, служащей своеобразным пьедесталом, хорошо прочерчивается плавная кривая пологого пандуса, ведущего к центру, подчеркнутому большим вылетом плиты над главным входом. Идущий вдоль фасада ряд колонн нижнего яруса служит опорой для параллелепипеда, с четким ритмом вертикальных ребер. Облик Северной и Южной Советских площадей в стадии становления. Но обещают они быть архитектурно интересными и несомненно, займут заметное место в планировочной структуре и пейзаже города.

Если архитектурный облик Советской улицы в послевоенные годы менялся, то проспекты Строителей и Нариманова в течение этих же лет были попросту созданы, и еще недавно одиноко стоявшие здания Политехнического института и Академгородка [203 - 204] стали центром, организующим новый большой район, застройка которого убедительно иллюстрирует широчайшие возможности индустриальных методов строительства.

Глубокий парадный двор — курдонер отделяет проспект Строителей, с его напряженным ритмом движения, от главного здания института характерной для первых послевоенных лет архитектуры — с декоративным портиком, развитым аттиковым этажом, с большим скульптурным картушем над ним и двусторонней открытой распашной лестницей. Недавно надстроенный этаж больше связал здание института с масштабом последующего строительства проспекта.

Здание института первоначально предназначалось для учебного заведения в области общественных наук. Изменение назначения вызвало не только реконструкцию его внутренних помещений. Постепенно оно превратилось в центр небольшого городка, обычного для крупного политехнического вуза. Вокруг института группируются связанные с ним сооружения. Парадный [204 - 205] двор обрамлен зданиями общежитий с обращенными на проспект фасадами. За институтом находятся учебные корпуса, спортивный городок и политехникум.

Неподалеку расположенные здания Академгородка организуют огромную площадь, значение которой трудно переоценить, не только для этого продолжающегося развиваться района, но и города в целом. В глубине площади высится здание Президиума Академии наук, где располагается несколько исследовательских институтов. С севера и юга площадь ограничена большими корпусами институтов геологии и химии, обращенными к ней крупными трехарочными портиками. Линия проспекта Нариманова, соединяющегося далее с проспектом Строителей, отделяет эту часть площади от ее продолжения, благоустроенного, хорошо озелененного, но архитектурно еще не сформировавшегося. Архитектура связанных единством художественного замысла зданий Академгородка (архитектор М. Усейнов) своеобразно [205 - 206] отразила особенности затянувшегося строительства. Задуманы они были в формах, присущих азербайджанскому советскому зодчеству предвоенных лет. К 1954 году проектирование ансамбля не только было завершено, но основные его компоненты были уже начаты строительством. Таким образом, речь могла идти не о создании нового проекта, а о корректировке того, что уже осуществлялось строительством. Переработка проекта была, поэтому направлена преимущественно на выявление пространственно выразительной структуры зданий путем освобождения от излишних элементов убранства. Стадия строительства определяла не только характер, но и масштаб произошедших изменений. В зданиях институтов они менее ощутимы, нежели в основательно переработанном здании Президиума. В институтах привлекают эффектные портики с тщательно выисканным абрисом стрельчатых арок, стройными стволами колонн и изящными деталями капителей, правда, несколько измельченными. Стрельчатая аркада входа, ведущего в главное здание, служит основанием для расположенных над ним ярусов. Четкий ритм лопаток определяет выразительность компактного объема.

Архитектура обрамления нижней части площади также говорит о том, что оно складывалось в различные периоды. Рядом с крупными жилыми домами, построенными по типовым проектам

последнего времени, стоит здание управления треста Кура-Араксводстрой, характерное формальным применением элементов азербайджанского архитектурного наследия. С противоположной стороны высятся строгие массивы издательского комбината и административного здания.

За комплексом сооружений Академии наук создается еще один крупный учебный городок с большим, но малоинтересным зданием университета в центре, а за городком виднеются вытянувшиеся вдоль кромки рельефа жилые корпуса микрорайона Салаханы.

В результате предстоящих работ по реконструкции прилегающего обширного района, скученно, хаотично и чрезвычайно мелко застроенного, площадь Академгородка соединится просторной магистралью с площадью Физули. Таким образом, формируется важный участок композиционной оси, которая займет ведущее место в архитектурной организации значительной части города. [206 - 207]

Проспект Строителей, как бы ответвляясь от Наримановского, ведет к уже упоминавшейся Северной Советской площади, где соединяется с Советской улицей, реконструкция которой продолжается. Проспект застроен крупными жилыми корпусами, среди которых выделяются здания энергетического техникума и гостиницы. Застройка этого проспекта началась несколько ранее, и в архитектуре его зданий, часть которых сооружалась по повторно использовавшимся проектам, черты нарочитой парадности, характерные для первых послевоенных лет, более ощутимы, нежели в жилой застройке проспекта Нариманова. Менее заметны они в архитектуре больших жилых массивов, возникших в районе поселка имени Монтана.

Московское шоссе, вдоль которого в военные и первые послевоенные годы стояли лишь немногочисленные корпуса промышленных предприятий, в настоящее время пересекает ряд недавно возникших жилых массивов Наримановского района. Соединив Привокзалье со старейшим нефтепромысловым [207 - 208] Ленинским районом, открывающимся памятником В. И. Ленину (скульптор П. Сабсай), оно, минуя гражданский аэропорт с новым зданием вокзала, пересекает Апшерон и выходит к его северному побережью.

Застройка обширной территории Нагорного плато ярко иллюстрирует эволюцию архитектурного развития города. Здесь можно встретить немало „штучно” проектировавшихся общественных и жилых зданий, от сооружений Академгородка или Политехнического института до спаренных жилых домов завода имени Парижской коммуны (архитектор М. Усейнов), убранство которых в известной мере предвосхитило применение офактуренных панелей и ковровой керамики. Но основной массив застройки составляют здания, строившиеся по типовым проектам, начиная с кинотеатра „Дружба” (архитектор М. Алиев), двойственность архитектурного облика которого своеобразно отразила становление новых эстетических представлений, и кончая большими крупнопанельными жилыми домами с малометражными секциями.

Новые районы города производят внушительное впечатление небывалым размахом строительства, перед которым меркнут когда-то поражавшие всех объем и темпы жилого строительства в районе Арменикенда. Это просторные, превосходно благоустроенные проспекты, застроенные капитальными жилыми домами, среди которых размещено немало общественных, учебных и иных зданий. Застройка не ограничивается „строчками” корпусов, вытянувшимися вдоль „красных линий” улиц. Она организует большие глубинные территории, создавая функционально и архитектурно связанные жилые массивы, являющиеся, в свою очередь, элементами новых крупных районов.

Жилищное и большая часть общественно-бытового строительства последних лет ведется по типовым проектам, которые расширили фронт индустриализации строительства, снизили его стоимость и сократили сроки.

Однако облик недавно возникших районов Баку однообразен. Это явление было вызвано многими обстоятельствами, в том числе и отсутствием должного умения и гибкости в применении изготовленных заводским путем стандартных элементов, и ненужной унификацией этажности жилого строительства городов, не учитывавшего ни экономической, ни эстетической стороны [208- 209] проблемы. Устранению этого недостатка должны помочь постепенно внедряющиеся новые строительные материалы, в том числе полимерные, офактуренные панели и блоки, многоцветная ковровая керамика и керамические вставки. Вид домов оживит интенсивная окраска — ярко расцвеченные балконные щитки, маркизы, жалюзи и другие солнцезащитные устройства, остро необходимые в условиях южного климата.

Нелегко назвать здание, которое отразило бы все черты, связанные с современными представлениями о новом этапе развития архитектуры социалистического Баку. Отчетливее всего они

проявились в районах массового строительства с присущей им новизной приемов организации пространства и благоустройства, изменившимся обликом зданий, расширившейся палитрой [209 - 210] средств художественной выразительности. Однако за последние годы изменился также и продолжает меняться облик исторически сложившегося центра Баку. Внимание многочисленных гостей Баку в равной мере привлекают недавно возникшие районы — Бакинские Черемушки и новые для старого города явления — своеобразная архитектура малых форм, освобожденные от оград парки, сады и скверы, интересно задуманные и интенсивно иллюминированные киоски, уличные фонари, торшеры, скамейки и т. п.

Восхищенный размахом социалистического строительства и памятниками седой древности Баку, Назым Хикмет поставил вопрос: „Чем будут исторические и национальные традиции старого Баку: трамплином для развития нового Баку или оковами на его ногах?“ На него красноречиво отвечает архитектурно-художественная практика последних лет. Изменение творческой направленности охватило все без исключения области архитектурных работ.

Возвратимся вновь к реконструкции центральной части Баку. Необходимость ее диктуют многие обстоятельства. Наиболее густо заселенная и тесно застроенная, она находится между основными группами промышленных районов, и неотложен вопрос обеспечения надлежащей [210 – 211] связи между ними. Уже в настоящее время ощутима недостаточная пропускная способность проспекта Нефтяников и Московского шоссе, хотя расширение последнего и строительство путепровода на нем были завершены всего лишь в 1955 году. Мелкие ячейки сети улиц и их теснота препятствуют нормальной работе транспорта. Современным требованиям не отвечают характер застройки и чрезмерная плотность заселения. В то же время высокая ценность многочисленных капитальных зданий городского центра ограничивает возможности необходимых градостроительных мер. Отсюда — нередко случайный характер скверов и уличных „карманов”, возникавших, как правило, на территории, освобождающейся от ветхих строений. При этом возможности расширения территории самого города ограничены сплошным поясом нефтепромыслов, окружающих природный амфитеатр.

Как уже говорилось, предреволюционное строительство наложило отпечаток на планировочную структуру и внешний [211 – 212] облик этой части города. Определяют его, однако, не построенные в начале XX века здания, а сооружения нашего времени, архитектура которых отразила все этапы сложного процесса становления и развития азербайджанского советского зодчества.

За последние годы в центральной части Баку построено сравнительно немного крупных зданий. Тем не менее, облик ее резко изменился. Вновь возведенные здания, обычно большие жилые дома, выровняли фронт улиц, а хорошо озелененные скверы несколько разрядили общую плотность застройки. Повсеместное снятие оград объединило пространство старых и вновь созданных садов и скверов с улицами, облик которых обогащен множеством хорошо принявшихся деревьев, преимущественно стройных серебристых тополей и акаций, а также обильной пристенной зеленью.

В изменившемся облике улиц немалую роль сыграли и малые архитектурные формы. По улицам города то здесь, то там встречаются легкие, сплошь остекленные фруктовые и овощные павильоны — „вставки”; множество таких же легких и изящных газетных, цветочных и табачных киосков; кабинки регулировщиков уличного движения на оригинальных железобетонных лестницах-опорах; ярко окрашенные скамеечки, фонарные столбики с несложного рисунка арматурой для люминесцентных ламп, пестрые рекламные стенды. Вся эта уличная „мебель”, как правило, выполнена в простых, броско расцвеченных формах и вместе с большими светящимися витринами магазинов определяет красочность оживленного уличного „интерьера”.

Не легкий и не прост процесс преодоления груза вошедших в традицию представлений об архитектурной логике и красоте. Не сразу и не всем архитекторам Баку стало ясно, что формирование советской архитектуры на современном этапе не ограничивается районами массового строительства или архитектурой малых форм, а охватывает все без исключения области архитектурно-строительного искусства. Не сразу стало очевидным и то, что изменение творческой направленности развития советского зодчества не имеет ничего общего ни с механическим изъятием с фасадов зданий пышных сталактитовых карнизов или в свое время превратившихся в „дежурное блюдо” стрельчатых арок и коринфских капителей, ни с изготовлением внешних аксессуаров „национального колорита” заводским [212 - 213] путем, ни с бездумной заменой их столь броскими элементами архитектурной моды современного Запада.

Новые тенденции в архитектурном развитии Баку ранее всего сказались в облике небольших садово-паркового типа сооружений, сосредоточенных преимущественно в районе Приморского бульвара. Падение уровня Каспия и освобождение побережья от захламливавшего его множества

стареньких строений, причалов и пристаней расширили бульвар почти вдвое, раскрыв простор морского пейзажа с виднеющимся вдали островом Нарген. Здесь одновременно возникло немало различных сооружений — от крупных открытых кинотеатров и стадиона ручных спортивных игр до увитых зеленью небольших чайхане и системы детских прогулочных каналов — „бакинской Венеции”, как ее шутливо называют.

Нередко трактовка архитектурного образа подобных сооружений была своего рода разведкой боем, отражая направленность творческих исканий в области новых приемов организации пространства, создания оригинальных, тектонически оправданных и художественно выразительных архитектурных конструкций и форм. Наиболее показательны построенные за последние годы вдоль бульвара вертолетная станция, впоследствии превращенная в кафе, открытый детский кинотеатр, кафе-павильон „Жемчужина”, летний клуб шахматистов и большой выставочный павильон.

Представления об отправных позициях нынешнего этапа архитектурного развития города, а также оценка отдельных сооружений не всегда совпадают, а иногда и прямо противоположны. Своего рода полюсами могут послужить и восхищение Назыма Хикмета Девичьей башней, поражавшегося „искусным сочетанием в ее архитектуре национальной азербайджанской формы с современным стилем архитектуры”, и восторги по поводу того, что взлет крыши детского театра на бакинском бульваре якобы напоминает построенную Ле Корбюзье известную капеллу в Роншане.

Практика последних лет убедительно говорит, что процесс развития архитектуры города не связан ни с освоением „феодалского духа”, в конечном счете, определившего суровую мощь запечатлевающегося в памяти образа Девичьей башни, ни с бездумным подражательством архитектуре современного Запада. [213 - 214]

Разумеется, архитектура сооружений Приморского бульвара отразила и творческую индивидуальность их авторов, и особенности различных периодов строительства. Тяжеловесные портики летнего кинотеатра, входа на водную станцию и подобные им сооружения принадлежат эпохе отживших свой век эстетических представлений. Другая группа сооружений теснее связана с тенденциями современного этапа развития советской архитектуры, она привлекает отсутствием шаблона в пространственном замысле и простотой художественных форм, подсказанных новыми возможностями строительной техники.

Приятна легкость подчеркнута конструктивно решенной бывшей вертолетной станции с ее сплошь остекленным прозрачным павильоном, и далеко вынесенной плитой козырька-карниза. Менее удачен Шахматный клуб с хорошо организованными вокруг внутреннего дворика помещениями, но трудно воспринимающимся [214 - 215] пересечением плоскостей перекрытия, неуклюже обшитых деревом.

Особенно противоречивы суждения об открытом детском кинотеатре (архитектор В. Шульгин, конструкторы Н. Никонов, А. Новосартов). Можно встретить и неумеренные восторги по поводу оригинальности впервые в Баку примененной вантовой конструкции перекрытия и не менее темпераментное негодование в связи со стилизацией скомпонованных на приятно расцвеченном панно любимых персонажей детских книг — от Буратино до Конька-Горбунка.

Столь же противоречивы, впрочем, и оценки неподалеку расположенного кафе „Жемчужина” (архитектор В. Шульгин, конструктор Н. Никонов), с его оригинальной конструкцией сомкнутых сводов, благодаря которой пространство открытого зала как бы растворяется в морской дали. [215 - 216]

Сооружения эти привлекательны и украсили бульвар. Ощутимый налет преднамеренной броскости — результат недостаточно зрелых и не доведенных до необходимой законченности архитектурных решений.

Не так уж и важно, что сомкнутые своды „Жемчужины” повторяют конструкцию, примененную мексиканским инженером Феликсом Канделой в подобном, но больших размеров сооружении, — история архитектуры изобилует фактами использования принципиально сходных композиционных приемов, форм и конструкций. Необходимо, чтобы применение их не было механическим повтором, а отражало особенности новых условий строительства. „Жемчужина” изящна и привлекательна, но впечатление от павильона проигрывает из-за не совсем удачного выбора места и недостаточно продуманной организации плана.

На внешнем облике некоторых сооружений сказался также невысокий уровень строительных и отделочных работ. Плиту козырька вертолетной станции или вантовое перекрытие детского кинотеатра поддерживают дополнительные металлические опоры; огрублены легкие и изящные по замыслу архитектурные конструкции и формы.

Очень хорош полубившийся бакинцам и вызывающий восхищение приезжих Зеленый кинотеатр (архитекторы А. Суркин, М. Товмасян, В. Шульгин, конструкторы Н. Васильева, А. Новосартов), построенный в старом парке, неподалеку от фуникулера, который служит дополнительной связью между Приморским бульваром и Парком имени Кирова. Здесь искусно использована небольшая прогалина, в которую вписан сравнительно небольшой амфитеатр, вмещающий, однако, более 2000 зрителей. Все без исключения места обеспечены превосходной видимостью и слышимостью, защищены от резких порывов северных ветров. При этом полностью сохранен окружающий театр парк, стройные стволы сосен которого являются неотъемлемым элементом своеобразной архитектурной композиции.

Театр не имеет фойе. Его заменила подсаженная рельефом прихотливая система укромных площадок, спрятанных в окружающей амфитеатр зелени и соединенных небольшими аллеями и лестницами, узенькими проходами и пандусами. Свет рампы, в случае необходимости, создает своеобразную завесу, [216-217] за которой можно скрыть от зрителей развитую сценическую площадку. В ее глубине поблескивает небольшой, неправильных очертаний пруд, гладь которого оттенена зеленью газона и несколькими цветочными кустами.

Зеркало сцены обрамлено ажурным рисунком легких металлических ферм, с одной стороны опирающихся на столь же легкие металлические опоры, а с другой на каменные кулисы. Задником служит раскрывающаяся перед зрителями красочная панорама Бакинской бухты, оживляющаяся ночью множеством огней, а днем виднеющимися на ее горизонте судами.

Уже отмечалось, что архитектура некоторых крупных общественных сооружений центра Баку из-за затянувшегося строительства на фоне новых районов выглядит несколько запоздалой, и вряд ли изменило бы положение осовременивание их наружного облика. Но и в центральной части города построены и строятся здания, которым, несмотря на свое „одинокое состояние”, предстоит послужить своего рода камертоном, [217 - 218] который предопределяет направленность и характер дальнейшей реконструкции и застройки.

По плану Большого Баку соединяющиеся улицы Басина и Первомайская превратятся в пересекающий значительную часть города просторный озелененный проспект-бульвар. Перспективу его с одной стороны замкнет башня Сабунчинского вокзала, с другой — бульвар ведет к портику Театра азербайджанской драмы на площади Физули. Следующим звеном бульвара явится уже упоминавшийся участок, который соединит площадь Физули с системой площадей Академгородка, причем крутой подъем этого отрезка будет преодолен живописной системой открытых лестниц и пандусов.

Создание бульвара будет осуществлено за счет сноса обветшавших, малоценных зданий, и естественно, что ориентиром для выбора масштаба и определения характера предстоящей [218 – 219] бульвара должны служить не сохраняющееся капитальное дореволюционное здание больницы, выстроенное в классических формах, или стоящий рядом жилой дом, изобилующий элементами „украшательства и излишества” (разномерными стрельчатыми арками, дежурной башенкой со шпилем и т. п.), а простые и ясные по своему облику сооружения. Показательно, например, недавно построенное крупное здание проектных институтов (архитектор Т. Абдуллаев).

Напротив упомянутого выше жилого дома строится большой киноконцертный зал на 2500 мест, особенности объемно-пространственной композиции, которого вырисовываются достаточно отчетливо уже в настоящее время (архитекторы Б. Гинзбург, Э. Мельхиседеков, В. Шульгин, конструкторы Э. Атаян, Э. Бодэ, А. Гельфат). Легкость конструкций и материалов не лишает здание своеобразной монументальности. Киноконцертный [219 - 220] зал, несомненно, повлияет на архитектурное формирование создаваемого проспекта-бульвара и войдет важным компонентом в застройку проспекта Кирова, на пересечении которых строится.

Этими достоинствами обладают, и другие общественные сооружения последнего времени, например, новое здание аэровокзала (архитектор Г. Меджидов), реконструированное здание Театра русской драмы (архитектор И. Саркисов), заканчивающийся строительством Дом актёра с вместительным залом (архитекторы К. Агабеков, Ю. Кадымов, Ф. Оруджев), расположенный напротив театра.

Чрезвычайно разнохарактерна застройка улицы Самеда Вургуня. Свое начало она берет у Приморского бульвара, и в ее створе виднеется стройный силуэт парашютной вышки. Пересекая плотно застроенную и густо заселенную низменную часть города, улица Самеда Вургуня довольно резко поднимается вверх и выходит к районам новой застройки, где превращается в просторный, хорошо озелененный бульвар, который проходит вдоль медицинского городка. Разнохарактерность облика улицы определяется разновременностью ее застройки. Здесь можно встретить и купольную мечеть с

минаретом, и небольшие домишки, и капитальные дореволюционные жилые здания, и большие жилые дома конца 1940-х—начала 1950-х годов (у сквера возле здания Госбанка), и мрачный, напоминающий средневековые караван-сарай, дом Кура-Араксводстроя.

Улица состоит из архитектурно уже сложившегося отрезка в приморской части города и еще формирующегося бульвара в районе Нагорного плато. Недавно еще здесь не было ни единства, ни центра, который подчинил бы себе этот сложный архитектурный конгломерат. Такой композиционной доминантой явилось здание нового цирка (архитекторы Э. Исмаилов и Ф. Леонтьева).

Место, выбранное для его строительства, исключительно удачно. Завершенный сферическим куполом внушительных размеров цилиндрический объем венчает возвышенность, которая обеспечивает зданию господствующее положение в окружающей застройке, выявляет кромку террасы городского амфитеатра и делает цирк одним из приметнейших ориентиров в обширном пространстве города. [220 - 221]

Градостроительный замысел нашел подкрепление в выразительности лаконичного объемно-пространственного решения и трактовке архитектурных форм. Поверхность цилиндра узкими вертикальными ребрами расчленена на застекленные полосы, в четком ритме чередующиеся с полосами, заполненными несложным узором хорошо найденного масштаба. Привлекая внимание днем своим объемом и некоторой необычностью архитектурных элементов, цирк особенно эффектен ночью, когда в прозрачном светящемся объеме отчетливо воспринимается конструктивная основа сооружения.

Современное техническое оснащение здания позволяет ставить сложные аттракционы и осуществлять самые сложные постановки, включающие водные феерии и т. п. В убранстве интерьеров фойе привлекают удачно расположенные, интересные по замыслу и хорошо выполненные мозаичные и иные панно, тематически связанные с жизнью цирка. Композиции, посвященные „обычному” цирку (художник А. Агамалов), интересны смелостью организации плоскости, броскостью чуть гротескных образов, контрастностью цветового решения, [221 - 223] а композиции на тему азербайджанского цирка (художники Т. Агабабаев и Р. Мамедов) привлекают оригинально трактованными сюжетами и своеобразной интерпретацией условной манеры миниатюрной живописи Востока.

Однако новые явления в архитектуре города наиболее приметны в зданиях, проекты которых составлялись сравнительно недавно. Часть подобных зданий находится в стадии завершения — основной строительный цикл уже окончен и отделочные работы ведутся во внутренних помещениях. Поэтому состояние этих зданий таково, что позволяет сложиться достаточно полному впечатлению от их внешнего облика. Подчеркнем при этом, что широкое применение заготавливаемых индустриальными методами архитектурных конструкций и элементов, не лишило облик этих зданий индивидуальности, в которой, однако, отчетливо проявляются черты, присущие общей направленности современного этапа развития азербайджанского зодчества.

В настоящее время подобных зданий в городе уже немало — упоминавшийся киноконцертный зал; гостиница на площади Ленина, гостиницы вблизи вокзала и на улице 28 апреля; гостиница около республиканского стадиона; здание Министерства нефтеперерабатывающей промышленности, неподалеку от построенного Весниными Дворца культуры Шаумяновского района; строящиеся в различных местах высотные и повышенной этажности жилые дома, здание Оргтехстроя и др.

Среди этих зданий наиболее характерна гостиница на площади Ленина (архитектор М. Усейнов), строительство которой связано с развернувшимися широким фронтом работами по завершению важнейшего общественного центра города. Здание привлекает своей легкостью, созданной органичностью строя архитектурных членений. Компактно и ясно сгруппированные служебные помещения гостиницы занимают три нижних этажа, архитектурно выделяя основание обращенного к площади главного „пластинчатого” корпуса. Здесь находятся двусветные вестибюль, ресторан, кафе, а также обычные гостиничные службы — помещения администрации, почта, телеграф и т. п. Остальные этажи, кроме семнадцатого, где находится кафе, отведены под номера. Система их расположения вдоль корпуса и обязательные в каждом из них глубоко затененные лоджии, а также балконы в угловых номерах-люксах определили [223 - 224] характерную ячеистую структуру фасада. Его горизонтали и масштаб отдельных звеньев подчеркнуты вертикалью остекления расположенных в центре поэтажных холлов. Пространственную композицию обогащают архитектурно подчеркнутый объем верхнего кафе и большого вылета козырек над главным входом.

Заканчивающееся строительство гостиницы велось параллельно с недавно начавшейся застройкой северной кромки площади жилыми корпусами повышенной этажности. Продолжается сооружение морского вокзала, и приступают к строительству еще одной, сходной по композиции и формам гостиницы, которая будет стоять против выстроенной. Таким образом, не только архитектурно

закрепляются контуры самой площади, но и завершается немаловажный этап организации ее пространства. В значительной мере этой цели были подчинены и большие работы по продолжению и реконструкции Приморского бульвара, которые, однако, не ограничивались районом площади.

Процесс эволюции архитектурного облика бульвара длителен и сложен. За советские годы, облепленный разнокалиберными пристанями и причалами, крохотный отрезок берега между нынешней площадью Азнефти и выходом к морю улицы Джапаридзе, чуть поодаль Девичьей башни, превратился в один из крупнейших и красивейших бульваров страны. Его почти четырехкилометровая полоса, с одной стороны ограниченная доками судоремонтного завода, а с другой — строящимся зданием морского вокзала, опоясала всю бакинскую бухту, соединив площадь Ленина с площадью у „Интуриста”. Кроме протяженности непрерывно увеличивалась также ширина прибрежной полосы, которая в течение последних лет росла особенно интенсивно за счет продолжающегося понижения уровня Каспия.

Непрерывно отступающее море уже в течение нашего столетия не раз резко меняло очертания береговой кромки, заставляя строить новые волноломы и тому подобные защитные сооружения. Тем не менее, вновь и вновь возникали обширные отмели, захлестываемые приносимой волнами нефтью. Последний этап реконструкции и расширения территории бульвара носил наиболее радикальный характер. Береговая полоса расширялась с солидным запасом — на добрые сорок метров; вдоль ее кромки создана восьмиметровой ширины навесного типа набережная, [224 - 225] более чем на метр приподнятая над уровнем моря, установленная на трубчатых сваях и покрытая железобетонными плитами. Более полутора тысяч свай и около двенадцати тысяч кубометров железобетонных плит создали надежную защиту новой береговой полосы от размыва и загрязнения.

Крутая кривая абриса бухты была тщательно прорисована в проекте, а затем точно воспроизведена в натуре. О плиты набережной теперь вновь плещутся волны Каспия, когда ласково, а когда — в штормовую погоду — их захлестывая.

Большого объема работы одновременно велись и ведутся сейчас по озеленению и благоустройству новой территории бульвара. Традиционный для Баку асфальт по возможности вытесняют бетон и мрамор, создаются аллеи и системы фонтанов, [225 - 226] строятся пирсы для причала прогулочных катеров и спортивных яхт. Почти пятисотметровая широкая эстакада продолжит подходящую к бульвару улицу лейтенанта Шмидта в глубь моря, где она завершится просторной площадкой с крупным, легких архитектурных форм трехъярусным зданием, в котором разместятся ресторан, кафе, бильярдные и т. п.

Тенденции нового этапа развития города нашли свое воплощение и в архитектуре станций бакинского метрополитена, пуск первой очереди которого был приурочен к знаменательной дате 50-летия Великого Октября.

Значение метрополитена для Баку, с его сложившейся трехчастной структурой (группы промышленных районов, разделенные центральной жилой частью), трудно переоценить. Добавился безотказный и комфортабельный вид городского транспорта, надежно соединивший различные районы города. Создались дополнительные условия для развития новых общественных центров и рассредоточения зрелищных предприятий, в настоящее [226-228] время находящихся преимущественно в низменной части города.

Беря начало у здания Бакинского Совета, линия первой очереди метрополитена пересекает прибрежную — старую часть города, с остановкой у площади 26 Бакинских комиссаров. В районе вокзалов — железнодорожного и электрички — она разветвляется. Одна ветвь идет в Шаумяновский район, бывший Черный город и нынешнее средоточие нефтеперерабатывающих заводов. Другая ветвь, минуя республиканский стадион (станция „Гянджлик”), идет в поселок Петра Монтана, один из крупнейших районов массового жилищного строительства последних лет.

Вторая очередь метрополитена в недалеком будущем соединит центр города с другими, также недавно возникшими и интенсивно развивающимися большими жилыми массивами. Продолжающееся от Шаумяновского района строительство, в конечном счете, выведет линию метро к поселку „Восьмой километр”, а другая строящаяся линия, с остановкой в нынешнем центре Октябрьского района (примерно там, где памятник „Освобождение”), выйдет к Академгородку и затем также продолжится в новые жилые районы.

Условия строительства бакинского метрополитена не только чрезвычайно сложны в геологическом отношении, но и крайне разнообразны, что и нашло свое выражение в технических и архитектурных решениях наземных павильонов и подземных вестибюлей его станций. Наряду со станциями глубокого заложения есть и неглубокие. Одни станции не имеют наземных входных

павильонов, в других они не только обладают самостоятельным объемом, но и наделены выразительным архитектурным обликом, в третьих явятся встроенными элементами капитальных зданий.

Естественно, что при строительстве любой станции учитывалось ее непосредственное наземное окружение, как архитектурное, так и смысловое, обусловленное конкретностью самого места — его достопримечательностью и связанным с ним наименованием. И, тем не менее, при всей архитектурной индивидуальности каждой станции, все они вместе оставляют впечатление в известной мере художественно целостного организма. Здесь немалая роль принадлежит не только их единомасштабности и характерной специфике отделочных материалов, [228 - 229] но и стремлению большинства авторов наделить облик станций чертами национального художественного своеобразия, разумеется, различно понимаемыми и трактуемыми. Нет надобности, да и возможности рассказывать о каждой станции. Следует отметить, однако, многообразие трактовки архитектуры наземных павильонов. Крупный, самостоятельный объем станции Шаумяна запоминается своим эффектным карнизом и хорошо прорисованными плоскостями ажурных шебеке на фасадах. На замшелом фоне стен Крепости выделяется, подчеркнуто современный облик сплошь остекленного небольшого павильона станции „Бакинский Совет”. Оригинален также павильон станции имени 28 апреля.

Архитектурная организация пространства подземных вестибюлей обычна. Наиболее привлекательны и запоминаются станции „Наримановская” (архитектор М. Усейнов) и „Гянджлик” (архитектор К. Сенчихин). В хорошо организованном пространстве первой интересны по замыслу и выполнению отделанные полосами патинированного металла стволы колонн и рисунок капителей. Во второй эффектен прием выявления плафона подсветкой, скрытой за краями капителей.

В убранство интерьеров ряда станций органично включены тематические мозаичные и бронзовые панно, мраморные барельефы, плитки-вставки со стилизованными узорами. Станции первой очереди — удачное начало большой работы бакинских архитекторов и художников-монументалистов.

Знакомство с Баку началось на небольшой площадке у памятника Кирову, откуда значительная часть города так хорошо обзревается. История Баку, на всем ее многовековом протяжении, связана с вырывавшимися из земли огнями, неизменно привлекавшими внимание всех разноплеменных гостей. В окрестностях Баку в сураханском храме огнепоклонников эти огни недавно вновь зажжены. Вечный огонь горит в самом центре города, на небольшой мемориальной площади, где мы и завершим беглое знакомство с архитектурно-художественной историей Баку.

В 1920 году участниками I съезда народов Востока, созванного по инициативе В. И. Ленина, на этой площади были погребены останки 26 бакинских комиссаров, перенесенные [229 - 230] сюда из песков Закаспия. Над братской могилой, где покоится прах самоотверженных борцов за светлое будущее человечества, и зажжен вечный огонь.

Площадь невелика. Размеры ее закреплены застройкой окружающих улиц, разнохарактерной, но в общем одномасштабной. Облик площади не раз претерпевал серьезные изменения, и в настоящее время продолжают работы, связанные с ее реконструкцией.

Обрамленное превосходно разросшейся зеленью, пространство площади организовано несколькими памятниками различного [230 - 231] художественного достоинства, но неотделимыми не только от истории площади, но и города в целом. В начале 20-х годов в торце площади был установлен характерный для того времени памятник-стена, служащая фоном для небольшой, но выразительной скульптуры рабочего (скульптор Е. Трипольская, архитектор И. Лялевич). Памятник долгое время служил своего рода эмблемой Баку.

В 1960 году был открыт памятник 26 бакинским комиссарам, работы С. Д. Меркурова — одно из лучших произведений советской монументальной скульптуры. На стене, сложенной из [231 - 232] грубооколотых плит гранита, запечатлена сцена гибели комиссаров. На переднем плане, как бы вырастая из необработанной глыбы камня, изваяны Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов и Азизбеков, окруженные своими соратниками. Неизгладимое впечатление оставляют мужественные образы борцов, гибнущих, но не сломленных духом, уверенных в правоте и победе своего благородного дела.

Пожалуй, невозможно встретить человека, который не остановится возле этой группы, что бы почтить светлую память погибших. Огромная сила эмоционального воздействия романтической героики и высокого революционного пафоса, сосредоточенная в этих изваяниях, раскрывает едва ли не самую характерную черту выдающегося таланта Меркурова. [232 - 236]

К отмечавшемуся всей страной пятидесятилетию трагической гибели бакинских комиссаров было приурочено открытие на площади большого мемориального комплекса (архитекторы Г. Алескеров и А. Гусейнов, скульпторы И. Зейналов и Н. Мамедов). Братская могила комиссаров находится в центральной части площади и выделена слегка приподнятым кругом, устланным плитами черного мрамора. Четыре мощных устоя поддерживают широкое мраморное кольцо, которое привлекает внимание к как бы вырастающему из земли торсу рабочего со скорбно склоненной головой. Ладони его вытянутых вперед рук бережно держат небольшой светильник; в нем горит вечный огонь — символ пролетарского интернационализма и революционных традиций, которыми заслуженно славен Баку.

Баку продолжает расти. Развитие его, ни на один день не останавливающееся, связано с новым строительством, которое украсит и изменит облик многих районов.

Последние годы заставили переоценить значение отдельных зданий в городском организме. Некогда оживлявшие его архитектурный пейзаж вертикали утратили свое былое значение. Относится это не только к ныне кажущимся миниатюрными башенкам минаретов Крепости, но и к башням республиканского стадиона, и даже к памятнику С. М. Кирову, который все более теснят приближающиеся к нему громады новостроящихся зданий. Однако дело профессионального мастерства архитекторов не допустить, чтобы памятник Кирову утратил силу своего эмоционального воздействия.

Складывается новый масштаб застройки, требующий новых высотных акцентов и нового характера их пластической трактовки. Расстановка вертикалей в Баку особенно сложна и ответственна. Они должны служить не только пространственными ориентирами, но и своего рода эталонами характера новой застройки и реконструкции. Должно быть обязательно найдено такое соподчинение старого и нового, которое не лишит город своеобразия, выявит и подчеркнет достоинства его прибрежного амфитеатра, оттенит особенности современной архитектуры.

Вертикали сохраняют свое значение преимущественно для 36 отдельных, сравнительно небольших районов города. Общий [216 - 217] же его силуэт будет определяться многообразием участков застройки повышенной этажности, в конкретных условиях не только рациональной и экономичной, но и художественно выразительной. Такие участки намечены в ряде районов и вдоль многих улиц.

Новые путепроводы, подземные переходы для пешеходов, линии морского трамвая, продолжающееся строительство метрополитена смягчат напряженность движения в центральной части города, а расширяющиеся полосы ветрозащитных насаждений полностью избавят Баку от некогда свирепствовавших в нем северных ветров.

Большой Баку — это город с поучительным прошлым, славным настоящим и светлым будущим. В облике города, прежде всего, привлекает его современность. А памятники многовековой архитектурной истории Баку еще более подчеркивают жизнеутверждающий, оптимистический характер огромного нового строительства столицы Советского Азербайджана.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Ашурбейли С. Очерк истории средневекового Баку (VIII—начало XIX в.). Баку, 1964.
- Ашурбейли С. Топонимика Апшерона в связи с вопросом этногенеза азербайджанцев. „Известия АН Азерб. ССР”. Серия истории, философии, права. 1967, № 2.
- Бенкендорф А. О мерах к улучшению жилищ служащих и рабочих на бакинских нефтяных промыслах. „Труды очередного съезда нефтепромышленников в г. Баку”. Баку, 1899.
- Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849.
- Бретаницкий Л. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.
- Бретаницкий Л. К вопросу назначения и датировки „Диван-хане”. „Искусство Азербайджана”, т. V. Баку, 1956.
- Бретаницкий Л. Некоторые вопросы современного развития Баку. „Советская архитектура”, 1963, № 15.
- Бретаницкий Л., Гарник В., Ишханов Л. Махмуд ибн Са'д бакинский архитектор рубежа XIII—XIV вв. „Архитектурное наследство”, вып. 16. М., 1967.
- Бретаницкий Л., Саламзаде А. К истории архитектуры Советского Азербайджана. „Архитектура Азербайджана. Очерки”. Баку, 1952.
- Бретаницкий Л., Щаринский Т. Древние сооружения в центре современного Баку. „Архитектура СССР”, 1966, № 10.
- Вопросы ансамблевой застройки Баку. „Труды научной сессии Института архитектуры и искусства АН Азерб. ССР и Союза советских архитекторов республики”. Баку, 1955.
- Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств естества. Спб., 1785.
- Горький М. По Союзу Советов. „Наши достижения”, 1929, № 1.
- Гусейнов И. и др. История Азербайджана, т. II. Баку, 1960.
- Дадашев С., Усейнов М. Ансамбль дворца ширваншахов в Баку. М., 1956.
- Ильин Л. Архитектурные проблемы планировки Баку. „Проблемы архитектуры”, т. II, кн. 1. М., 1937.
- Караулов Н. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе. Армении и Азербайджане. „Сборники материалов описаний местностей и племен Кавказа”.
- Касимзаде Э. Проблемы развития азербайджанской советской архитектуры на современном этапе. Баку, 1967.
- Левиатов В. Памятники азербайджанской культуры (Бакинский дворец ширваншахов). Баку, 1944.
- Мамиконов Л. Реставрация части стен бакинской Крепости. „Практика реставрационных работ”, сб. 2. М., 1958.
- Махарадзе Ф. Строительная деятельность в гор. Баку за 25 лет (1886—1910). „Известия Бакинской городской управы”, 1914, № 1, 2, 3.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963.
- Новиков А. Записки городского головы. Спб., 1905.
- Павлинов А. Баку. „Материалы по археологии Кавказа”, т. III. М., 1893.
- Регамэ С. К. Формированию генерального плана развития социалистического Баку (1920—1930 гг.). „Искусство Азербайджана”, т. X. Баку, 1964.
- Саламзаде А. Архитектура Азербайджана XVI—XIX вв. Баку, 1964.
- Скуревич К. Баку. „Зодчий”, 1908, № 34.
- Сысоев В. Баку прежде и теперь. Баку, 1928.
- Тузинкевич Ю. Первая перепись населения Баку. „Доклады АН Азерб. ССР”, т. II (1946) № 6.
- Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.
- Фатуллаев Ш. Жилые дома в застройке городов Азербайджана на рубеже XIX—XX веков. Баку, 1963.
- Цховребова Т. Из истории зеленого строительства г. Баку. „Искусство Азербайджана”, т. V. Баку, 1956.
- Щаринский Т. Размещение жилищного строительства в Баку. Сб. „Размещение жилищного строительства в городах”. М. 1960.
- Щаринский Т. Районная планировка апшеронского промышленного комплекса. Сб. „Районная планировка”. Киев, 1966.
- Щеблыкин И. Краткий очерк истории Дворца ширваншахов в Баку. Баку, 1939.
- Kempfer E. *Amoenitatum exoticarum politico-phisico-medicarum fasciculi. Lemgoviae*, 1712.
- Kitab talhis al-atar wa adjaib al-malik al-kahhar par Abdorraschid, fils de Sales, fils de Nouri, al-Baquvi. «Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi». II. Paris, 1789.
- Evlija Celebi Seyahatnamesi. Istanbul, 1314.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

LISTE DES ILLUSTRATIONS

Крепость. Вид с вертолета Château. Vue prise de l'hélicoptère	17
Схематический план Крепости Le plan schématique du château	18
Надпись о строительстве стен города Inscription parlant de la construction des murailles de la ville	19
Мечеть Мухаммеда и минарет Сынык-кала Mosquée de Mohammed et minaret Sinik-kala	21
Замок в селении Мардакян. 1-я пол. XIII в. Château du village Mardakian. La première moitié du XIII ^e s.	23
Район Девичьей башни Tour des Jeunes Filles. Vue prise de l'hélicoptère	24-25
Девичья башня Tour des Jeunes Filles	29
Девичья башня. Разрез Tour des Jeunes Filles. La coupe	30
Укрепление в бакинской бухте. Фрагменты фриза La fortification dans la baie de Bakou. Fragments de la frise	33
Замок в селении Рамана Château du village Ramana	37
Замок в селении Мардакян. 2-я пол. XIV в. Château du village Mardakian. La deuxième moitié du XIV ^e s.	39
Минарет Джума-мечети Minaret de la mosquée Djuma	40
Ансамбль дворца ширваншахов. Перспектива Ensemble du palais des chahs de Chirvan. Perspective	47
Ансамбль дворца ширваншахов. Панорама Ensemble du palais des chahs de Chirvan. Panorama [240 - 241]	48-49
Ансамбль дворца ширваншахов. Генеральный план Ensemble du palais des chahs de Chirvan. Plan général	50
Диван-хане. Южный фасад Divan-khane. Façade sud	53
Диван-хане. Ротонда. Общий вид Divan-khane. Rotonde. Vue générale	55
Диван-хане. Ротонда и галерея Divan-khane. Rotonde et galerie	57

Диван-хане. Деталь портала Divan-khane. Portail. Détail	59
Диван-хане. Вход в зал ротонды Divan-khane. Entrée dans la salle de la rotonde	60
Минарет дворцовой мечети Minaret de la mosquée du palais. Photo en couleur	63
Усыпальница ширваншахов Tombeau des chahs de Chirvan	65
Усыпальница ширваншахов. Деталь портала Tombeau des chahs de Chirvan. Portail. Détail	67
Мавзолей дервиша Mausolée d'un derviche	69
Восточные ворота ансамбля Les portes est de l'ensemble	70
Баку. 1851. Рис. Д. Гримма Bakou. 1851. Dessin de G. Grimm	72
Мечеть Туба-шахи в селении Мардакян Mosquée Touba-chákhi dans le village Mardakian	74
Баку. 1683. Рис. Э. Кемпфера Bakou. 1683. Dessin d'E. Kempfer	78
Баку. 1769. Рис. С. Гмелина Bakou. 1769. Dessin de S. Gmeline	79
Шемахинские ворота Крепости Portes de Chemakha	81
Рынок около Девичьей башни Marché près de la tour des Jeunes Filles	85
Атешга — храм огнепоклонников Atechga — temple des adorateurs du feu	87
Атешга — храм огнепоклонников. Рис. Г. Гагарина Atechga — temple des adorateurs du feu. Dessin de G. Gagarine	88
Дворец бракосочетания Palais de mariage	102
[241 - 242] Улиа Чкалов. Rue Tchkalov	104
Филармония Philharmonie	105
Здание Президиума Академии наук Азербайджанской ССР Edifice où siège le Prcesidium de l'Academic 1c Sciences de la République Socialiste Soviétique d'Azerbaïdjan	107
Мечеть Таза-пир	108

Mosquée Taza-pуг	
Жилой дом на Коммунистической улице Rue Commounistuchéskaia. Une maison	109
Здание Верховного Совета Азербайджанской ССР Edifice où siège le Soviet Suprême de la République Socialiste Soviétique d'Azerbaïdjan	110
	111
Жилой дом на ул. Полухина Rue Poloukhine. Une maison	
Театр оперы и балета им. М. Ф. Ахундова Théâtre de l'opéra et du ballet M. F. Akhoundov	112
Здание Бакинского Совета Edifice du Soviet de ville de Bakou	113
Здание Верховного суда Азербайджанской ССР Edifice où siège la Cour Suprême de la République Socialiste Soviétique d'Azerbaïdjan	115
Дворец культуры на Баилове Palais de culture. Baïlovo	124
Гостиница „Интурист” Hotel <i>Intourist</i>	125
Сквер у гостиницы „Интурист” Le square près de l'hôtel <i>Intourist</i>	127
Физиотерапевтический институт Institut physiothérapeutique	129
Дворец печати Palais de la presse	131
Вокзал электрической железной дороги La gare du chemin de fer électrifié	133
Жилой дом работников Госбанка Une maison	134
Памятник М. Ф. Ахундову Monument à M. F. Akhoundov	135
Вид на город из Парка им. С. М. Кирова La ville vue du parc Kirov	136-137
[242 - 243]	
Парк им. С. М. Кирова. Лестница к памятнику Parc Kirov. L'escalier menant au monument	138
Памятник Кирову Monument à Kirov	141
Памятник Кирову. Горельеф „Нефтяники” Monument à Kirov. L'haut-relief <i>Pétroliers</i>	142
Дом Правительства Edifice où siège le gouvernement	144-145
Дом Правительства. Памятник В. И. Ленину Edifice où siège le gouvernement. Le monument à V. I. Lénine	147

Макет площади им. В. И. Ленина Place V. I. Lénine. Maquette	148
Район кинотеатра им. Низами Cinéma Nizâmi, Vue prise de l'hélicoptère	152
Консерватория им. Узеира Гаджибекова Conservatoire Ouséir Gadjibekov	154
Памятник Узеиру Гаджибекову Monument a Ouséir Gadjibekov	155
Управление железной дороги L'administration du chemin de fer	156
Памятник Самеду Вургуну Monument á Samed Vourgoun	157
Клуб им. Ф. Э. Дзержинского Club F. E. Dzerjinski	159
Здание ЦК КП Азербайджана Edifice où siéè le Comite Central du Parti Communiste d'Azerbaidjan	160
Площадь им. Низами. План Place Nizami. Plan	162
Площадь им. Низами Place Nizâmi	163
Музей азербайджанской литературы им. Низами. Деталь лоджий Le musée Nizami de la literature d'Azerbaidjan. Détail des loges	164
Площадь им. Низами. Памятник Низами Place Nizâái. Le monument á Nizâmi	165è
Сквер у стен Крепости Square près des murailles du château	166
Памятник Сабиру Monument á Sabir	167
Памятник Натаван Monument á Natavan	168
[168 - 169]	
Схема центральной части города Partie centrale de la ville. Schéma	170
Театр юного зрителя. Скульптурный фриз „Аршин мал алан” Théâtre des enfants. Frise sculptée <i>Archine mal alan</i>	172 - 173
Жилой дом на ул. Самеда Вургуна Rue Samed Vourgoun. Une maison	174
Жилой дом на ул. Низами Rue Nizâmi. Une maison	175
Дом работников науки La maison construite pour les savants	176

Жилые дома на ул. Гуси Гаджиева Rue Goussi Gadjiev. Maisons d'habitation	177
Стадион им. В. И. Ленина Stade V. I. Lénine	178
Стадион им. В. И. Ленина. Деталь Stade V. I. Lénine. Detail	179
Жилой дом на площади у стадиона Maison sur la place près du stade	180
Кинотеатр „Октябрь” Cinema <i>Oktiabr</i> (Octobre)	181
Республиканская библиотека им. М. Ф. Ахундова La bibliothèque républicaine M. F. Akhoundov	182
Музей им. В. И. Ленина Musée V. I. Lénine	183
Армянская церковь и караван-сарай у Девичьей башни L'église arménienne et le caravansérail près de la tour des Jeunes Filles	184
Баня и рыночная площадь у Девичьей башни Bains et la place de marché près de la tour des Jeunes Filles	185
Центральный универмаг Un grand magasin	187
Театр им. М. Азизбекова Théâtre M. Asisbekov	189
Памятник Физули Monument á Fisouli	191
Памятник „Освобождение” Monument <i>Libération</i>	193
Сумгаит. Проспект им. В. И. Ленина Soumgaït. Avenue V. I. Lénine	194
Сумгаит. Площадь им. В. И. Ленина Soumgaït. Place V. I. Lénine	195
[244 - 245] „Нефтяные камни” <i>Pierres pétroliers</i> . Photo en couleur	197
„Нефтяные камни”. Проект застройки <i>Pierres pétroliers</i> . Le projet de la construction	198
„Нефтяные камни”. Памятник первооткрывателям морской нефти <i>Pierres pétroliers</i> . Le monument aux ouvriers qui les premiers ont extrait le pétrole de la mer	201
Северная Советская площадь Place Severnaia Sovetskaïa	202
Политехнический институт Institut polytechnique	204
Площадь Академгородка	205

Place de l' Akademgorodok	
Аэровокзал Aérogare	207
Поселок им. П. Монтина Cité ouvrière P. Montin	209
Жилой дом на ул. Мехти Гусейна Rue Mekhti Gousséin. Une maison	210
Жилой дом на ул. Лермонтова Rue Lermontov. Une maison	211
Детский кинотеатр Cinéma pour les enfants	214
Кафе „Жемчужина” Café <i>Jémchoujina</i> (Perle)	215
Зеленый кинотеатр Cinéma en plein air	217
Здание проектных институтов Bâtiment des instituts de projet	218
	219
Театр русской драмы им. С. Вургуня Théâtre du drame russe S. Vourgoun	
Цирк Cirque	221
Цирк. Панно в фойе Cirque. Panneau au foyer. Photo en couleur	222
Станция метро им. Шаумяна Métropolitaine. Station Chaoumian	225
Станция метро „Бакинский Совет” Métropolitaine. Station <i>Bakinski Soviet</i>	226
Станция метро им. Нариманова Métropolitaine. Station Narimanov	227
[227 - 228]	
Площадь им. 26 бакинских комиссаров Place 26 commissaires de Bakou	230
Памятник 26 бакинским комиссарам Monument aux 26 commissaires de Bakou	232
Памятник 26 бакинским комиссарам. Фрагмент Monument aux 26 commissaires de Bakou. Fragment	233
Площадь им. 26 бакинских комиссаров. Мемориальный комплекс Place 26 commissaires de Bakou. Complex mémorial	234-235

Фотографии выполнены С. Кулешовым, И. Рубенчиком и Р. Нагиевым
 Список иллюстраций переведен на французский язык Н. Д. Михалевой

13022

Леонид Семенович
БРЕТАНИЦКИЙ

БАКУ

Редактор Н. В. Семенникова.
Оформление Ф. Б. Збарского.
Художественный редактор Я. М. Окунь.
Технический редактор М. С. Стернина.
Корректор Н. Д. Кругер. Подписано в печать
21/VII. 1970 г. Формат бумаги 70x 108 ¹/₃₂
Бумага мелованная. Усл.-печ. л. 10,85.
Уч.-изд. л. 12,22. Тираж 50 000. Изд. № 1443.
Издательство „Искусство”. Ленинград, Невский, 28.
Типография „Франклин”. Будапешт. Зак. № 13022
Цена 1 р. 34 к.